

Сборник. ПОБЕДА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Петер Цурос. ХОКУСИН

(Вторая русско-японская война)

Кремль, ноябрь 1939 года

Сталин торжествовал. Офицеры Красной Армии церемониально складывали к его ногам самурайские мечи, связку за связкой, и их командующий, Георгий Жуков, с гордостью взирал на это величественное зрелище. Это были трофеи, добытые Жуковым в октябре в монгольской пустыне Номонган (Халхин-Гол). Тогда он разгромил японскую Квантунскую армию, наступавшую на территорию, находившуюся под протекторатом Советов, благодаря виртуозному руководству всеми родами войск и превосходству в силе. Потери японской 6-й армии составляли 21 016 человек, из них 8629 убитыми; это сражение вошло в историю как «похороны славы». Советские войска потеряли 15 925 человек, в том числе 7974 убитыми[1]. Конечно же, у Сталина были причины для торжества. Подтвердились его подозрения насчет намерения японцев захватить советскую территорию от озера Байкал до Владивостока. Он вообще всегда радовался, когда подтверждались какие-то его подозрения. Советский Дальний Восток был настоящей сокровищницей минералов и лесов, бескрайние просторы которой могли вместить миллионы политзаключенных. И Сталин знал, как сильно японцы желали получить эти территории. Разве не посрамили они уже один раз Российскую империю в русско-японской войне 1904–1905 гг., захватив Маньчжурию? Их операция по захвату Китая не помешала им сильнейшим образом укрепить Квантунскую армию в Маньчжурии. И их намерения подтвердились, когда эта армия отправилась в соседнюю Монголию, которая только номинально не являлась советской республикой. Жуков осуществил успешное вторжение на территорию противника и изгнал разъяренных агрессоров; однако Сталин не сомневался, что они вернуться. Он был не из тех, кто теряет бдительность после победы. Укрепление воинских частей в Забайкальском и Дальневосточном военных округах (ВО) продолжалось с удвоенной силой.

Тысячи танков и самолетов двигались на восток, чтобы усилить дивизии, подготовленные по высшему разряду командармом второго ранга Г.М. Штерном, блестящий офицерский талант которого смог реализоваться благодаря революции. В 1938 году у озера Хасан к югу от Владивостока он командовал 39-м корпусом в необъявленной пограничной войне с Японией. За это сражение он был удостоен ордена Ленина. В 1939 году в Монголии он тактично, но очень результативно помогал Жукову. В 1940 году его перевели на финский фронт. Там он отличился как командующий 8-й армией, заслужил повышение, а затем принял командование Дальневосточным ВО[2]. Он был одной из значительных фигур довоенной Красной Армии и одним из немногих, оставшихся после репрессий. А этого Сталин никогда не забывал.

Урок усвоен?

Поражение при Номонгане застало японскую армию нрасплох. Она ни разу не была столь глубоко унижена и опозорена со времен ее основания, в эпоху Мейдзи. Было сделано все возможное, чтобы скрыть катастрофу от всего мира, даже от Японии. Все выжившие были арестованы и тайно уничтожены. В Страну Восходящего Солнца пришлось отправить столько белых ящиков с пеплом, что это делалось в три рейса, чтобы не шокировать нацию.

Сталин был прав. Японцы действительно жаждали захватить советский Дальний Восток. Более того, их пугал рост советской военной мощи на севере; поражение при Номонгане только укрепило эти опасения. Они боялись, что Советы нападут на их богатую Маньчжурскую провинцию, пока основные силы японцев заняты в боях на территории Китая. Само существование царубийственного большевистского режима было вызовом Его Императорскому Величеству. К 1934 году Япония, полностью взяв Маньчжурию под свой контроль, начала готовить планы нападения на Советский Союз. Этот план составлялся по тому принципу, что все военные действия против Советского Союза должны быть наступательными по своей природе. Поле боя с самого начала выбиралось на советской территории, основное наступление началось с восточного фронта, из Маньчжурии. Конечной целью операции был захват окрестностей озера Байкал[3]. Шестая армия двигалась именно в этом направлении, но была разгромлена и вынуждена отступить. Очевидно, что этот печальный урок надо было усвоить.

Министр обороны генерал Хата ответил на запрос членов японского парламента: «Не сомневайтесь, что кровь, пролитая в песках Номонгана, не была напрасной»[4]. Хата организовал специальную комиссию, чтобы выяснить, какие уроки необходимо извлечь из поражения, и предложить решения проблем. В показаниях, полученных из первых рук, от офицеров, участвовавших в кампании, не было недостатка. Однако это не был первый раз, когда японцы смогли ощутить превосходство противника. В 1938 году у озера Хасан, около советской границы с Кореей, японская 19-я дивизия вступила в бой с советским 39-м стрелковым корпусом под командованием Штерна. В сражении брала верх то одна, то другая сторона; в конечном счете все решилось в пользу численного и материально-технического превосходства советских войск, и японцы были отброшены назад. Один из участников сражения говорил: «Тогда мы напрямую столкнулись только с малой частью советской боевой мощи». Стратег из Генерального штаба подвел следующий итог: «Мы уяснили, что силы Советов оправдывают возложенные на них ожидания, в то время как японское вооружение и техника нуждаются в укреплении и усовершенствовании». На опыте сражения у озера Хасан японская армия смогла, наконец, извлечь пять неутешительных выводов о противостоянии Советской Армии:

1. Советские войска явно превосходили японцев по вооружению, артиллерии и способности вести огонь прямой наводкой; все это сводило шансы японцев к нулю.
2. Впечатляла слаженность советской транспортной системы, позволявшая быстро транспортировать огромные механизированные соединения на 600 километров от железной дороги.
3. Советские войска использовали гибкую тактику, изменяющуюся в зависимости от обстоятельств.
4. Советские солдаты были непоколебимыми, уверенными в победе бойцами[5].

Но потом все пошло наперекосяк. Пытаясь сравняться с Советами в уровне производства и материально-технической базы, японцы столкнулись с неразрешимой проблемой. Японская промышленность никоим образом не могла сравняться по тактико-техническим характеристикам, качеству и объему производства с советской военной промышленностью. Для обеспечения советских войск в ходе кампании в пустыне Номонган использовалось 6000 грузовиков, в то время как у японцев во всей Маньчжурии имелось 9000 единиц моторного транспорта всех видов. Япония была страной железных дорог и узких средневековых тропок[6].

Однако существовала более крупная и глубокая проблема. Японскую армию миновали ужасы Первой Мировой войны; разрушительные битвы в монгольских пустынях лишь слегка ослабили ее. Последним ее значительным успехом была русско-японская война XIX века. С тех пор образ мыслей японского солдата пропитался искаженным самурайским кодексом Буси-до. Духовное здесь беззастенчиво главенствовало над материальным. «Ямато дамаси», дух Японии, очищенная суть японской нации, стоял бесконечно выше беспокойства о материальных аспектах войны. Конечно, нельзя было обойтись без усовершенствований в боевой технике и транспортной системе, но реальное превосходство японского солдата все еще в первую очередь заключалось в силе его духа. Предполагалось, что недостаток материально-технической базы Японии должен с лихвой окупаться железной волей солдат. Это все почти в точности походило на одержимость французов собственной национальной идеей, которую они называли «элан». На Западном фронте это явление вымерло, и на его могильной плите можно было бы написать слова маршала Петэна: «Огонь убивает». Перед войной Петэн, тогда еще полковник, чуть было не разрушил свою карьеру, с пеной у рта настаивая на том, что огневая мощь решает все. Реки французской крови доказали его правоту. Японских Петэнов после Номонгана либо игнорировали, либо увольняли в запас. Если кто-то начинал рассуждать по поводу важности материально-технического обеспечения, его обвиняли в пораженческих настроениях. В начале 1941 года, когда японской армии следовало вовсе учиться на собственных ошибках, Тодзи издал новый сёинкин, моральный кодекс японского солдата, где говорилось: «Возвышенное чувство самопожертвования должно вести тебя сквозь жизнь и смерть. Не думай о смерти, когда ты, рывок за рывком, продвигаешься по пути своего долга. Почти за радость тратить на это все свои духовные и физические силы. Не страшись умереть во имя вечной справедливости»[7].

Японские артиллеристы все еще были уверены, что горно-вьючная артиллерия на гужевой тяге гораздо лучше подходила для пехотных дивизий, чем принятые во всех остальных армиях моторизированные 150-мм орудия. Сквозь стену неприятели прорвалось лишь одно усовершенствование — 300-мм бронебойный гаубичный снаряд весом в 1 тонну, предназначенный для поражения многочисленных «огневых точек» — бетонных укреплений, расставленных вдоль советской границы. Танков в 1940 году было выпущено

всего 573 — ничтожно мало по сравнению с 3000 у Советского Союза. В 1941 году объем производства танков был удвоен, все равно оставшись ничтожно малым (1024), причем все модели уступали новым советским моделям по своим тактико-техническим характеристикам. С авиацией дела обстояли несколько лучше — производство самолетов выросло до 4768 в 1940 году и до 5088 в 1941 году, причем производились в основном истребители. Гораздо хуже было то, что единственным средством транспортировки боеприпасов оставались лошади; военные планировщики заявляли, что для поддержки операций против Красной Армии требуется менее 15 000 единиц транспортных средств. [8] С началом войны в Китае перед японской военной промышленностью встала задача резкого увеличения производства боеприпасов. К 1941 году успех плана стал очевиден — снабжение японской армии, воюющей одновременно против Китая и Советского Союза, оставалось стабильным[9].

План военных действий № 8 (план «Хаши-го»)

Несмотря ни на что, Номонган сильно повлиял на планы японского военного командования. Что интересно, достижение полной боевой готовности, позволяющей вступить в бой с Красной Армией на Дальнем Востоке, было намечено на 1943 год. На этот же год наметил основные военные действия и Гитлер — тогда, по его планам, вермахт будет окончательно укреплен. До 1940 года стратегия Японии, план № 8 (план «Хаши-го»), базировалась на основном мощном броске через горную цепь Великий Хинган в район озера Байкал. Главной целью операции было полное отсечение советского Дальнего Востока, от Читы до Тихого океана. В начале 1939 года Генеральный штаб сообщил командованию Квантунской армией, что для выполнения этого плана требуется 200 000 автомобилей и расширение сети автодорог в регионе. Номонган был репетицией. Японцы пришли к справедливому заключению, что у них нет ни транспорта, ни материально-технической базы для поддержания наступления на такое расстояние. Внимание японского командования переключилось на северный и восточный театры военных действий[10].

По сравнению с озером Байкал, отделенным от Маньчжурии огромным открытым пространством, более актуальные на тот момент цели находились прямо по другую сторону границы, обозначенной реками Амур и Уссури. Главной особенностью жизни на советском Дальнем Востоке тогда была ее полная зависимость от Транссибирской магистрали, которая пролегла — по сути, от самого Благовещенска, через Хабаровск, советский областной административный и промышленный центр, почти до северных окраин Владивостока, важнейшего советского тихоокеанского порта, — в опасной близости от маньчжурской границы. В особенности был уязвим Приморский край. Он будто бы вклинился между границей Маньчжурии и Японским морем, и железная дорога на всем участке к северу от озера Ханка попадала в радиус обстрела японских орудий. Из японской крепости в Хутоу отлично просматривались железнодорожные пути в районе Имана. Угроза была весьма серьезной, так как советские войска начали строить пояс оборонительных укреплений немного восточнее, а дорогу оставили незащищенной. Основные части Квантунской армии уже выстроились вдоль границы к югу от озера. Они находились в каких-то шестидесяти километрах от важнейшего железнодорожного узла — Ворошилова (ныне Уссурийск), захват которого разомкнет магистраль и отрежет Владивосток.

Модификации плана «Хаши-го» 1940–1941 годов подтверждали, что основной удар японская армия нанесет именно здесь, на восточном направлении. На западном и северном фронтах японские войска должны были перейти к обороне. Характер и направление последующих операций зависело от успеха первого этапа на Уссури.

Для выполнения плана «Хаши-го» необходимо было задействовать все силы японской армии — 32 дивизии в первой фазе и 10 или 11 во второй. К 12 дивизиям Квантунской армии должны были присоединиться 10 из Японии и еще 10, отозванные из Китая. Во второй фазе войска пополнились бы еще 7 дивизиями из Японии и 3–4 из Китая. В первой фазе вдоль Уссури предполагалось расположить 20 дивизий, объединенных в 1-ю Территориальную армию — группу из трех армий. 3-я и 7-я армии из 8 дивизий должны были нанести удар по Ворошилову; 5-я армия с пятью дивизиями должна была ударить по Иману и перерезать железную дорогу. Оставшиеся дивизии должны были осуществлять поддержку или находиться в резерве. На Северном фронте 4-я армия с 4 дивизиями должна была участвовать в сдерживании противника в северной части горного массива Малый Хинган. На Западном фронте 6-я армия, также состоявшая из 4 дивизий, должна была выполнять ту же задачу на западе Большого Хингана. В ходе второй фазы на Восточном фронте 3-я и 7-я армии должны были наступать на Владивосток, а 5-я армия должна была нанести удар в северном направлении и взять Хабаровск. Эти цели стратегически и географически были гораздо менее значительны, чем район озера Байкал, но у них было огромное, даже решающее преимущество — они требовали минимальных логистических усилий. На захвате Владивостока настаивало командование японского Императорского флота, давно стремившееся уничтожить тыловую базу советского Тихоокеанского флота. Для достижения этой цели флот предоставлял 350 самолетов, от бомбардировщиков наземного базирования до самолетов 1-й дивизии авианосцев. Эти силы должны были вместе с 500 самолетами 2-й авиационной группы внезапно атаковать и разгромить силы советской авиации в Приморском крае[11].

Боевой порядок Красной Армии на этом театре военных действий устрасал. К 1940 году японцы выяснили, что силы Красной Армии, размещенные от Владивостока до Монголии, состояли из тридцати стрелковых дивизий, двух кавалерийских дивизий и девяти танковых бригад; по численности это соответствовало 2800 самолетам, 2700 танкам и 700 000 солдатам и офицерам[12]. В целом эти данные соответствовали истине; однако японцы недооценивали уровень механизации. На самом деле Красная Армия могла похвастаться девятнадцатью стрелковыми дивизиями, шестью танковыми дивизиями, четырьмя механизированными дивизиями, двумя мотострелковыми дивизиями, одной кавалерийской дивизией и десятью стрелковыми бригадами[13]. Несмотря на общее материально-техническое превосходство, у японцев было существенное превосходство в плане дислокации. Красная Армия располагалась по гигантской дуге от Монголии до Тихого океана и находилась в прямой зависимости от уязвимой Забайкальской железнодорожной магистрали. Важнейшая часть механизированных подразделений находилась на западном конце дуги, в Монголии и Забайкальском ВО. Японцы же собирались сконцентрировать удар на дальнем конце дуги, в Приморском крае, в котором, по их оценкам, находится 13 дивизий. Если учитывать, что дивизии Красной Армии были примерно наполовину слабее японских, это преимущество впечатляло. Превосходство на море должно было оказаться еще более значительным — Объединенному флоту противостояли 5 эсминцев, 200 торпедных катеров и 70 подводных лодок. Последние представляли серьезную угрозу для операций в Японском море.

Подарок от НКВД

В 1938 году японская разведка получила один из двух неожиданных подарков. 13 июня начальник Дальневосточного отделения НКВД, советской тайной полиции, перешел границу и сдался. Генералу Генриху Самуиловичу Люшкову было что рассказать. Это был удачливый и коварный карьерист, использовавший любую предоставляемую Сталиным возможность для достижения вершины. Но глубоко внутри он, бедняга, разочаровался в том социализме, который строил Сталин. Может быть, отправив на тот свет 5000 людей,

он боялся стать 5001-м. Он был готов помочь японцам. Он переметнулся в самый разгар репрессий и нарисовал перед японской разведкой картину опустошения эшелонов командования Красной Армии. Двумя годами позже, в 1940-м, один советский офицер так описал плоды трудов НКВД:

«Я своими глазами видел последствия уничтожения кадрового офицерского состава на Дальнем Востоке. Я отправился вместе со Штерном в инспекционную поездку по вверенным ему подразделениям. Прошло уже два года с тех пор, как прекратились массовые аресты, однако вертикаль командования до сих пор не была восстановлена.

Многие посты оставались незанятыми, так как не было достаточно квалифицированных людей, чтобы их занять. Батальонами командовали офицеры, закончившие военное училище меньше года назад... Как можно было мечтать о заполнении этой пропасти?»

В 40-й стрелковой дивизии 39-го корпуса, которая сыграла огромную роль в победе у озера Хасан, остался один офицер — лейтенант[14]. Люшков нарисовал такую живописную картину лишений, отчаяния и с трудом сдерживаемой ненависти к режиму, что убедил влиятельные круги Японии в том, что Советский Союз подобен сгнившему дому, который готов развалиться, стоит только выкорчевать порог. Такой «взгляд изнутри» не мог не впечатлять, особенно когда прогнозы Люшкова сбывались. Его репутация возросла, когда его информация в целом подтвердилась; к тому же у него открылся талант предсказателя — вспомнить хотя бы нападение Германии на Советский Союз. К тому времени он уже играл роль советского противника в военных играх японского штаба[15] и готовился стать губернатором Приморской провинции Его Императорского Величества.

На север или на юг?

К июлю 1940 года международное напряжение, вызванное японскими национальными и военными претензиями, начало нарастать. Война Японии с Китаем вызывала растущее недовольство Соединенных Штатов, приводившее ко все новым и новым экономическим санкциям. Если бы США и Великобритания объявили экономическое эмбарго, особенно на нефть, Япония получила бы смертельное ранение и без войны. Многие представители военного командования Японии подтверждали факт «постепенного снижения поставок» и отстаивали стратегию «Нансин», или «на Юг», направленную на получение доступа к ресурсам Юго-Восточной Азии и Голландской Ост-Индии. Другие были сторонниками стратегии «Хокусин», или «на Север», так как считали, что Советский Союз представляет серьезную угрозу, с которой следует разобраться в первую очередь. Их аргументам добавляла весомости поддержка нового министра иностранных дел, Йосуке Мацуока, и нового министра военных действий, генерала Хидеки Тойо, из второго кабинета, сформированного принцем Конойе. На руку им играло и беспокойство самого императора о могущественной Красной Армии, угрожающей Японии с тыла.

Осложняло выбор стратегии участие Японии в трехстороннем пакте с Германией и Италией, обязывавшем каждую из сторон прийти на помощь другим в случае нападения на них. Так как войну в Западной Европе развязала Германия, японцы не вменяли себе в обязанность воевать на стороне Гитлера против британцев, французов и голландцев. Однако поражение двух последних держав и отчаянное положение Британии побудило Японию использовать их слабость для захвата богатыми ресурсами Юга. Возвращение Штерна в качестве командующего 1-й Дальневосточной армией также было источником опасения для японцев, помнивших его со времен сражения на озере Хасан[16]. Казалось, стратегия «на Юг» победила.

Позже историки назовут визит Мацуоки в Берлин в конце марта поворотным моментом в истории внешней политики Японии. Японский посол в Германии генерал Хироси Осима предупредил Мацуоку о том, что ему, возможно, предстоит обсуждать будущую совместную войну против Советского Союза[17]. Тем не менее министр был поражен, услышав от Гитлера прямую и настоятельную просьбу о совместной атаке на Советы. Как только просьба была послана в Японию официально, в обоих направлениях хлынула лавина писем. По возвращении в Японию через территорию СССР Мацуока получил указание заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, с готовностью подписанный Сталиным 13 апреля. Ни один договор не обязывал Японию атаковать СССР, однако план «Барбаросса», гитлеровский план захвата Советского Союза полностью изменил мировое соотношение сил. Если раньше японцам казалась заманчивой возможность захватить европейские колонии на юге, то теперь их внимание привлекла другая, более выгодная и не столь отдаленная во времени возможность, находящаяся на другом берегу Японского моря, у самых границ Империи. Один японский генерал точно подметил, что Японии не стоит «опаздывать на автобус». На вопрос о времени операции немцы ответили: «Конец мая, когда в России высохнет грязь». Вдобавок для японцев была еще одна хорошая новость — Штерн был арестован и расстрелян по приказу Сталина.

В Токио, в Имперском Генеральном штабе, допоздна горел свет. Ключевые министры и офицеры штаба уже твердо решили «успеть на автобус». Мацуока провел день в объяснениях сути войны против СССР. В результате наступления в южном направлении главный противник остался бы за спиной и вдобавок появилось бы трое новых. А нападение на Дальний Восток принесет конец эксперименту большевиков. В результате Германия стала бы властительницей Европы, а европейские союзники никуда не будут высовываться со своих задворков. Даже США пришлось бы выбирать между Европой и Азией, и не приходилось сомневаться, каким будет их выбор. Командование Императорского флота нехотя согласилось на предложенные действия, соблазнившись перспективой взять верх над американским флотом за счет политической хитрости. Командующий Объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото даже испытал некоторое облегчение от перемены ситуации. Перспектива изнурительной войны с Соединенными Штатами, с их технической мощью и воинственными бойцами, повергала его в ужас. Он поддержал план «на Север» и приказал одному из штабных офицеров по имени «Безумец» Гэнда придумать что-нибудь особенное для первого удара с моря.

«Наши войска разгромлены! Понимаете?! Разгромлены!!! »

Времени на приготовления было мало. Между Германией и Японией была достигнута договоренность о том, что японцы ударят через несколько месяцев после вторжения немецких войск. Предполагалось, что это рассеет внимание Советов, в особенности — нарушит передвижение резервных сил. Японцы должны были выбрать наилучший момент. Также им было нужно больше времени на мобилизацию, чем в случае одновременной атаки с немцами. Тодзио назначил всеобщую мобилизацию на 30 апреля. В этот день в Маньчжурию должно было направиться подкрепление под предлогом «особых маневров». К 1941 году Япония увеличила свою армию до 51 дивизии. Согласно приказу Тойо, основная ее масса, 1,3 миллиона солдат и офицеров в 42 дивизиях (82% всей армии), должна была участвовать в смертельной схватке Японии и СССР. Офицеры Имперского Генерального штаба испытали огромное облегчение, узнав об отсрочке удара немецких войск из-за неожиданной кампании на Балканах, причиной которой послужило необдуманное нападение Муссолини на нейтральную Грецию.

Для Японии лишний месяц был чрезвычайно важен, поскольку необходимо было собрать всех резервистов и организовать новые воинские подразделения. Также имело смысл

сыграть на выводе японских дивизий из Китая и Северного Индокитая. Они представили это как реверанс в сторону Соединенных Штатов, добровольное решение китайской проблемы. Из американской печати большей частью испарились антияпонские настроения, зато появились репортажи о тысячах японских солдат, загружающихся на транспортные суда и отправляющихся домой. Рузвельту оставалось только слушать перехваченные японские дипломатические переговоры и покачивать головой. Никакими аргументами он не мог привлечь внимание Сталина. Штатам пришлось заняться своими собственными проблемами в Атлантике, раз уж японцы собирались наступать в противоположном от США направлении. Сталин получал множество предупреждений, как от своей военной разведки, так и от американцев, бывших в курсе дипломатических переговоров Осимы, однако всякого, кто приносил ему дурные вести, ставили к стенке за их чрезмерную приверженность долгу.

22 июня 3,5 миллиона солдат немецкой армии и их союзников вторглись на территорию СССР — началось осуществление плана «Барбаросса». Квантунская армия в это же время увеличилась до громадных размеров за счет новых дивизий и сотен тысяч солдат и офицеров подразделений артиллерийского прикрытия. Было организовано около 50 железнодорожных бригад для обслуживания системы железных дорог, по которым военная мощь Японии перемещалась в огромные лагеря, сокрытые в лесах к западу от реки Уссури.

Вслед за Мацуокой на родину из Германии был вызван генерал Томоюки Ямасита[18]. Еще в 1940 году он был назначен главой 82-го отдела — стратегической группы по планированию захвата Малайского архипелага. Этот пост оставался за ним даже во время его миссии в Европе. Ямасита имел репутацию человека решительного, не чуждого нововведений, и, судя по впечатлениям, сложившимся о нем в мире, он хотел переломить существовавший тогда армейский менталитет. На него произвела огромное впечатление полная координация всех родов войск в немецкой армии, слаженные действия бронетехники и авиации. Чувствуя в нем конкурента за пост министра обороны, Тойо поручил ему командование Первым армейским районом, где скапливались дивизии для наступления на Приморский край. Его начальником штаба был генерал Китсудзи Айабэ, сопровождавший его в Германию и занимавший многочисленные командные посты в Маньчжурии, в особенности в восточном районе боевых действий[19].

Именно тогда, в конце апреля, когда мобилизация шла полным ходом и улицы заполнили люди в хаки, в руки японской разведки упал еще один подарок небес. Точнее, он вышел из немецкого посольства прямо в руки японской полиции. Это был Рихард Зорге, руководитель немецкой пресс-службы и наперсник самого посла. К несчастью для него, он был также самым преданным из советских агентов и главой сети шпионажа в Японии. Его донесения основывались на глубоком знании всей информации, проходившей через посольство Германии, и на тесных контактах с представителями правительства и вооруженных сил Японии. Зорге провел Первую Мировую войну в немецких окопах и вернулся оттуда убежденным коммунистом. Один из его агентов был вычислен, и след вывел японцев напрямую на Зорге. Японская полиция основательно прочесала всю его организацию и даже нашла записи радиосообщений в Москву и из Москвы. Из этого они смогли заключить, что Зорге усердно снабжал Сталина информацией об агрессивных намерениях Японии, первых этапах мобилизации и самых интимных деталях, которыми с ним делился глупый посол. Некоторое время он даже исправно сообщал о действиях Люшкова. Он мог бы поберечь свои силы — Сталин не доверял как предостережениям Зорге, так и информации от других агентов о Германии. Так что для Зорге было настоящим шоком, когда в его камеру в подвалах штаба японской тайной полиции вошел

Люшков и предложил сделку. Помогло то, что японская полиция уже обработала и Зорге, и его жену.

Хозяева Зорге в Москве не заметили небольшого перерыва в сообщениях. Зато когда они возобновились, их содержание неожиданно начало нравиться наверху. Он сообщал, что мобилизация была уловкой, чтобы внушить американцам необходимость сосредоточиться на Европе, в то время как японцы смогут начать наступление в южном направлении. С разведчиками советских ВВС, обнаружившими приготовления противника на Дальнем Востоке, расправились так же быстро, как и с агентами в западных странах. Все оставалось по-прежнему: если Сталин был доволен, никто не смел возражать. Когда немцы, буквально проглотив советские войска на границе, глубоко продвинулись в глубь российской территории, Сталин просмотрел депеши Зорге из Токио и приказал перебросить дивизии с Дальнего Востока на Западный фронт.

На замену Штерну на Дальний Восток прибыл генерал Иосиф Родионович Апанасенко, способный, энергичный офицер, рационализатор — прирожденный борец с трудностями[20]. На войне такие качества были нужны как никогда. Почти сразу же после начала войны советский Генеральный штаб приказал войскам на Дальнем Востоке отправить на запад весь арсенал оружия и амуниции. Услышав возражения штаба, Апанасенко взревел: «О чем вы говорите? Наши войска разгромлены! Понимаете?! Разгромлены!!! Немедленно начинайте погрузку!» Он был единственным в восточной трети СССР, кто четко понимал, что происходит на западе. Хотя Генеральный штаб смягчил свой первоначальный приказ, решив забрать только половину мобилизационных резервов, вскоре после этого направить против немецких войск восемь лучших дивизий, потом еще четыре, потом две. Апанасенко немедленно отправил дивизии, и когда поезда с ними проходили через Куйбышевку-Восточную, пригород Благовещенска, где находился штаб 2-й Дальневосточной армии, добавил к ним резервный обслуживающий персонал, оборудование и продовольствие. Он добросовестно следовал указаниям из Москвы и следил за тем, чтобы отправляющиеся дивизии были полностью укомплектованы техникой и личным составом. Спустя несколько недель на Западном фронте потребовалось еще 4 дивизии. За несколько недель Дальний Восток лишился большей части танков и самолетов. Однако он не мог не замечать одной забавной вещи: пока он раздавал свои резервы, японцы собирали свои у самой границы[21].

Более умудренный человек на его месте был бы уже давно охвачен отчаянием. Но не таков был Апанасенко. Позитивная энергия была из него ключом. В Генеральном штабе думали, что, образно выражаясь, все запасы в этом чулане уже подъедены до последней крошки; однако Апанасенко вырос в крестьянской семье и мог найти пропитание там, где штабные офицеры умерли бы от голода. Итак, он взялся за дело, и его энергия передавалась всем военным и штатским руководителям Дальневосточного региона. Японцы собирались воспользоваться отсрочкой, вызванной задержкой Гитлера на Балканах, а для Апанасенко она была еще более кстати. Получив от Сталина все необходимые полномочия, он организовал драконовский призыв всех мужчин возрастом до 55 лет. Он объехал все лагеря ГУЛАГа у границы и одел в униформу несколько тысяч «зеков». Также он освободил сотни офицеров, арестованных в ходе чисток. Производство нового оружия и амуниции интенсифицировалось, а учебное оружие — переделано в боевое. Он начал готовить новые дивизии взамен посланных на запад.

Легко было заметить, что наиболее напряженным участком фронта будет отрезок границы от Хабаровска до Ворошилова. Именно в этом районе Апанасенко сосредоточил свои восстановленные формирования. Здесь в их распоряжении были укрепления, строившиеся с 1932 года. Атаки японцев на длинном отрезке границы между Хабаровском и озером

Ханка можно было не опасаться благодаря непроходимым болотам. Опасный участок находился в районе Имана, напротив японского форта Хутоу. Из орудий форта можно было вести прицельный огонь по железнодорожным путям, таким образом надежно перекрыв движение по ним. Далее на восток на возвышенностях находились построенные за некоторое время до этого укрепления. Здесь Апанасенко разместил стрелковую дивизию и одну из своих немногочисленных танковых бригад, в которой были старые легкие пехотные танки Т-26 с 45-мм орудиями.

В южном направлении от озера Ханка были расположены три основных оборонительных соединения, надежно преграждавшие путь неприятелю. На самом берегу озера Ханка, в Турьем Роге, была размещена одна стрелковая дивизия. В 50 милях к югу была опора всего фронта, 105-й укрепленный район, в Гродеково, под защитой двух стрелковых дивизий. Еще в 55 километрах к югу находился 106-й укрепрайон, с центром в Полтавке, под защитой одной дивизии. Далее к югу находились еще четыре укрепрайона, защищавшие нижний узкий сектор Приморского края. Прямо на юг от озера Ханка, в Хорале и Спасске-Дальнем находились в резерве еще две стрелковые дивизии и несколько танковых бригад. Район к северу от реки Мо представлял собой сеть «рек и водоразделов и полное отсутствие естественной линии обороны». Края водоразделов были крутые, но вдоль них передвигаться было просто. Около 30% этой местности было покрыто легко проходимыми лесами. На участке границы между Турьим Рогом и Гродеково простирался густой лес, обозримый, но абсолютно непроходимый. К югу от реки Мо простирались «невысокие холмы с пологими склонами». Лесов там было мало, и основное пространство занимали пахотные земли[22].

Ворошилов был ключом ко всему региону. Там сосредоточивались железные дороги, оттуда можно было отправлять резервы в укрепрайоны на границе. Если бы он был взят, вся система обороны региона разрушилась бы и судьба Владивостока была бы решена — он был бы отрезан от остального мира, с которым его связывали бы только горные дороги. Поэтому Апанасенко сконцентрировал здесь все свои мобильные резервы: две танковых и несколько мотопехотных бригад. У одной из бригад на вооружении были старые легкие пехотные танки Т-26. У другой было чудо военной техники — Т-34; эти танки были каким-то чудом не замечены Генеральным штабом в тот момент, когда все, кроме мусора, уходило на запад. Командование одним из пехотных подразделений Апанасенко поручил одному из лучших офицеров своего штаба, отважному украинцу полковнику Петро Григоренко. А другую, с Т-34, он отдал одному из ветеранов округа, полковнику Сергею Голицыну. Когда Апанасенко производил инспекционную поездку по бригадам в конце августа, его приятно поразили чудесные превращения, происшедшие с бригадами благодаря новым руководителям. Григоренко он знал и уважал. Голицын был специалистом по танкам. Он входил в окружение Тухачевского и чудом избежал гибели. Когда они прогуливались вдоль грязной колеи, оставленной железными гигантами, Голицын остановил генерала и посмотрел ему в глаза. «Товарищ генерал, спасибо, что дали мне шанс», — сказал он. Апанасенко ответил ему таким же прямым и честным взглядом. «Спасибо, что дали мне шанс доказать, что я не предал Родину», — закончил Голицын. Генерал похлопал его по плечу. Он знал, что теперь шанс есть у них обоих.

Даже его оптимизм в то время нужно было чем-то подогревать. В новостях с запада постоянно чувствовался дух катастрофы. Как раз в тот период немцы окружали большую группу советских войск, оборонявших Киев. Он думал, не там ли сейчас сражаются его сибиряки, отосланные им на далекий фронт за одиннадцать часовых поясов.

Апанасенко все еще работал, как Геркулес в Авгиевых конюшнях, когда Ямасита нанес удар.

Банзай! Банзай! Банзай!

Сначала появились японские самолеты, вылетевшие на рассвете 7 августа с аэродромов в Маньчжурии и Корею, а также с авианосцев 1-й дивизии, стоявших в Японском море. Около тысячи самолетов нанесли удар по аэродромам красных ВВС от Хабаровска до Владивостока. Апанасенко пытался воспрепятствовать тому, чтобы его самолеты были уничтожены на земле, как это произошло на западе, однако сил у его разведки оставалось все меньше и меньше и в линии обороны было слишком много дыр. Маленькое расстояние от границы было более чем на руку Японии. Японцы подвергли интенсивной бомбардировке советские аэродромы, хотя многим «сталинским соколам» все же удалось подняться на защиту воздушного пространства Родины. К концу дня авиация Апанасенко понесла тяжелые потери. Вторая и третья волны морской авиации нанесли бомбовые удары по судам и докам советского флота во Владивостоке и в Находке. Ямамото не хотел оставлять Тихоокеанскому флоту ни шанса на восстановление сил[23].

В то же утро на восточном фронте три армии под командованием Ямаситы сделали бросок вперед.

К северу от Гродеково генерал-лейтенант Масао Маруяма не терял уверенности даже несмотря на то, что его войска находились в гуще леса. В него вселял бодрость непрерывный стук топоров в руках тысяч китайских чернорабочих, шедших в авангарде его 2-й Сендайской дивизии. Это была хорошая дивизия, все солдаты были прекрасно обучены, многие из них были ветеранами боевых действий в Китае и долго прослужили в Маньчжурии. Они едва успели обосноваться в комфортабельном гарнизоне в своем родном городе Сендай на острове Хонсю, почти в 300 километрах к северу от Токио, когда им был дан приказ возвращаться в Маньчжурию. За Сендайской дивизией по расчищенному пути шли 7-й танковый полк и 3-й отдельный противотанковый батальон. Маруяма был горд тем, что генерал Ямасита поручил его дивизии столь важную миссию. Они не должны были подвести. Боевой дух дивизии был силен.

Если бы не оглушительный треск деревьев, Маруяма услышал бы грохот артиллерии у Гродеково — там две дивизии 3-й армии атаковали оборонительные укрепления. 300-миллиметровые «противоточечные» снаряды замечательно справлялись со своей задачей, однако пехота несла огромные потери, пробиваясь от одной линии окопов к другой. Ямасита знал, что потери будут большими, но он хотел, чтобы внимание Советов было сосредоточено на главных оборонительных пунктах. Он хорошо усвоил уроки «блицкрига» от своих немецких учителей. Эти уроки прекрасно соответствовали его наклонностям. Он был словно создан для такой войны. Дальше к югу 7-я армия под командованием генерала Масахару Хомма также сосредоточила внимание советских войск на оборонительных укреплениях под Полтавкой. В качестве особого резерва у Ямаситы было четыре танковых полка, которые он объединил в два соединения размером с дивизию и с которыми провел месяц интенсивных учений со специальными мотопехотными полками и огневой поддержкой. Это было крупнейшее из механизированных соединений, организованных Японией, и свое обучение оно должно было продолжать на поле боя. Ямасита собирался ввести его в действие, как только будут разбиты укрепрайоны.

Когда начали поступать сообщения с фронта, он был очень обрадован скоростью, с которой уничтожались укрепрайоны. Многие из ДОТов, расположенных на линии обороны, были построены непрочно, в спешке, вызванной Маньчжурским инцидентом 1932 года; многие из них были из земли и дерева, и разрушались легко[24]. Но стойкость самих защитников, людей, сражавшихся в этих укреплениях — вот что по-настоящему

поразило Ямаситу. В большинстве случаев советская оборона была прочной, и ее прорыв стоил жизни множеству японских солдат. Артиллерия действовала на удивление хорошо и использовала боеприпасы в таких количествах, которые японцам и не снились. Особенно стойко держались отряды НКВД. Сбывались худшие предсказания Люшкова. Сам он бродил где-то в штабных коридорах. Ямасита некоторое время работал с ним и сразу невзлюбил его — как бы ни был он полезен Его Величеству, генерал испытывал непреодолимую неприязнь к предателям.

К северу от озера Ханка 5-я армия попала в беду. Японским орудиям с Хутоу удалось обстрелять железную дорогу, однако переправа армии через Уссури прошла неудачно. Японцам удалось занять несколько плацдармов, но они были изолированными. Советские самолеты из Хабаровска, который не был занят во время первого наступления, достаточно удачно вели воздушный бой. «Ну что ж, — сказал Ямасита генералу Айабэ, — у плана должно быть много разветвлений: если одна ветвь сломана, можно опереться на другую»[25]. Потери, понесенные при переправе у Имана, в любом случае были не напрасны, так как эта переправа оттянула резервы Красной Армии в одну точку. В его руках была инициатива, бесценное преимущество, благодаря которому он мог причинить Советам еще больше неприятностей.

Он был терпелив, как кобра, которая наносит удар, когда она готова. Тем временем Апанасенко позвонил в Москву.

«Да, Иосиф Виссарионович, врага приходится сдерживать по всей границе. Укрепрайоны на некоторое время задержали японцев, но они уже почти пробились сквозь них. Они перерезали Транссибирскую магистраль в нескольких местах. Их канонерки вошли в Уссури через Сунгари и разрушили несколько железнодорожных мостов в районе Хабаровска... Да, они все потоплены, но штурмовые отряды атакуют мосты и туннели от Хабаровска до Благовещенска. Им это удалось только в нескольких местах, но потери большей частью незначительны и могут быть легко восполнены. Нет, Иосиф Виссарионович, нет... Я понимаю, что подкрепление с Западного фронта перебросить нельзя. Я сконцентрировал все резервы у Ворошилова, чтобы быть готовым к прорыву».

Резервы должны были понадобиться уже скоро. Дивизия у Турьего Рога была в беде. Мальчишки противостояли как минимум двум большим японским дивизиям. Мальчишки, крестьяне, зеки... Апанасенко гордился ими. «Русские», — думал он про себя. Да, именно поэтому они и сражались. Не за Сталина. Если бы они сражались только за Сталина, большинство застрелило бы офицеров и побежало бы навстречу японцам, подобно тому как многие с радостью сдались немцам. Но они воевали за Россию, и не было в России ничего, что стало бы лучше в случае победы японцев. Это была война народа, русского народа. Тут это легче было почувствовать, чем с немцами, которые выглядели так же. Внутренняя ненависть русских к восточным народам могла стать мощным орудием в руках Апанасенко. Эта ненависть была в крови со времен монгольского нашествия. Ничто в русско-японских отношениях не способствовало исчезновению этого чувства. Апанасенко вызвал стрелковую дивизию из Спасска-Дальнего на подмогу ребятам в Турьем Роге.

Ямаситу продолжало изумлять сопротивление неприятеля в укрепленных районах. Что там говорил ему немецкий генерал о русских? «Недостаточно убить русского, надо еще сбить его с ног». Вообще-то дух ямато тоже многих губил. Список потерь ужасал, но Ямасита все равно гордился своими воинами, своими самураями. Они не посрамили память своих дедов, участников русско-японской войны. Он усмехнулся. «Может, следует говорить — первой русско-японской войны?» Младшие офицеры японской армии, все

время находясь на грани жизни и смерти, старались держать солдат вместе и вдохновлять их на подвиги, требующие сверхчеловеческой воли и отваги. Солдаты гибли в огромном количестве, подобно лепесткам, опадающим с цветов вишни. Особенно эффективно осуществлялось руководство японскими солдатами на уровне батальона. Солдаты готовы были пробираться по любым буреломам в опасной близости от мест расположения крупных сил противника.

Пока 3-я и 7-я армии продолжали пробиваться через укрепрайоны, значительная их часть также пыталась пройти по открытым лесам и холмам между ними. Из-за этого приходилось двигаться по все более и более широкому фронту, что требовало привлечения новых и новых резервов. Благодаря отвлекающей атаке дивизии из Кореи значительные силы неприятеля были перемещены далеко от основного района боевых действий. Однако гарнизоны укрепрайонов, расположенных дальше к югу, уже начали брать пленников.

Ямасита был командующим группой армий, но столь высокий пост не мешал ему выезжать на место проведения боевых действий. Там он мог почувствовать ритм операций на протяжении всех 200 километров восточного фронта, мог почувствовать, как нарастает вероятность критической ситуации по мере того, как противник мобилизует резервы. 5-я армия наконец-то расширила свой плацдарм за пределы Уссури и двинулась в глубь территории, чтобы занять Иман. Мощная танковая атака неприятеля отбросила 9-ю дивизию назад к реке и нанесла серьезные потери 23-му танковому полку, но неприятельская атака утихла, столкнувшись с железной волей японских солдат, коорые спокойно стояли у своих противотанковых орудий или бросались навстречу танкам, держа наготове бутылки с зажигательной смесью. Немецкий офицер, прикомандированный к штабу, заметил, что бои в укрепрайониах напомнили ему об окопах во Франции во нремеиа Первой Мировой. Видимо, его беспокоили потери, и он не замечал новых возможностей, которые вот-вот откроются.

Такая возможность грянула, как гром среди ясного неба, на пятнадцатый день боев.

Чернорабочие хорошо сделали свое дело. Когда рухнул последний ряд деревьев, дивизии Маруямы ринулись на юг, оставив для дивизий Ямаситы широкую дорогу. Они обошли край цепи «точек» и смели несколько советских кавалерийских патрулей. Маруяма быстро продвигался к реке Мо, к железнодорожной переправе, через которую неприятельские резервы передвигались к Турьему Рогу. Танки 7-го танкового полка с плеском погрузились в воду, а солдаты перешли реку вброд ниже по течению. Река была мелкая и не препятствовала наступлению. Скорее! Скорее! Он отдавал приказания колоннам облаченных в хаки солдат, а советские войска при виде их просто испарялись. Теперь они продвигались по холмистым сельскохозяйственным угодьям, по которым были разбросаны редкие колхозы. Советские войска пытались их оборонять, однако Маруяма просто обходил их, подходя к тылу 105-го укрепрайона[26].

Он взбежал на высоту 341 — какая-никакая, а возвышенность. В пяти километрах к югу он увидел железную дорогу на Ворошилов. 7-й танковый полк двинулся вперед, и прямо за ним последовал 16-й пехотный полк.

В 5 километрах к югу от железной дороги, на высоте 388, полковники Григоренко и Голицын смотрели на север, на колонну японских танков и пехоты. Это было настоящее соревнование — кто первый доберется до дороги. Пехотинцы Григоренко уже расселись по бокам и сзади танков Голицына. Они прогромыхали на север и пересекли приток Мо, а затем и дорогу, раньше японцев. Еще до того как танки подошли друг к другу на

расстояние выстрела, батальон моторизированной артиллерии уже развернулся, и его залп накрыл 16-й пехотный батальон. Т-34 развили такую скорость, которая и не снилась японским «Тип 98», их 76-мм орудия тут же нашли свои цели, и японские танки превратились в огненные цветы. Советские войска прошли бы и по высоте 341, и по самому Маруяме, если бы не появился рой японских самолетов и не разгромил бы их на бреющем полете. В ответ в небе появилось несколько «сталинских соколов», и советские танки смогли дойти до самого подножия холма, где были остановлены артиллерией и противотанковыми орудиями. Под прикрытием оставшихся истребителей они отступили обратно к дороге.

Всю следующую неделю Григоренко и Голицын отражали направленные удары все растущих сил японской армии, пытавшейся изолировать 105-й укрепрайон. Солдаты Григоренко сражались превосходно. Ему повезло с офицерским составом. Большинство его офицеров окончили офицерскую кадровую школу, которая позже была закрыта. Это были квалифицированные офицеры, но немногие из них через неделю оставались в живых. Японцы ни на секунду не прекращали наступление и шаг за шагом продвигались к железной дороге. После того как японцы обошли линию фронта, она отодвинулась назад от Турьего Рога. Там были потеряны две дивизии. Наконец пришли известия. Орды вражеских танков прорвали линию обороны у Полтавки, в 20 километрах к югу. Остатки двух погибших дивизий попытались уйти с тыла. Именно во время этой отчаянной попытки спастись погиб Голицын с пятью последними танками. Остатки дивизии Григоренко были поглощены волной дезертиров из укрепрайона[27].

Как и ожидал Ямасита, советская линия обороны раскололась. Он довел ее до точки раскола, а затем проскользнул во все возможные щели. Это в точности напоминало дзюдо. Сендайская дивизия сделала свое дело. Теперь очередь была за танковым корпусом — до Ворошилова оставалось каких-то 40 километров. Советский командующий бросил в бой последние резервы — танковую бригаду с Т-26 и небольшое количество пехоты. Им удалось остановить японский танковый корпус, но это было для них равносильно поражению. Японские пехотные дивизии обогнули танковое сражение, сомкнулись за Ворошиловым и двинулись дальше на юг. Город сдался. Ямасита летел на юг на крыльях победы. Его встречали тысячеголосые возгласы «Банзай!» от бесчисленных колонн, сходящихся к Владивостоку. Это было 23 сентября — прошло сорок шесть дней с начала наступления.

26 сентября он стоял и смотрел на портовый город, теснившийся на полуострове, вдающемся в Уссурийский залив. Город покрыла завеса дыма. Он снова усмехнулся про себя. Многие годы в военных играх в штабе он изучал различные способы захвата полуострова Батан на Филиппинах и никогда — Владивостока. Ну что ж, осаду он оставит генералу Хомма. Хомма любил с восхищением рассказывать о проведенной генералом Ноги осаде Порт-Артура в русско-японскую войну. Снова усмешка. «Ах да, теперь она будет называться — Первая русско-японская война». Его мысли возвратились к Хомма. «Посмотрим, что он знает об осадах», — сказал он своему начальнику штаба.

Ямасита мог видеть, как линейные корабли Ямамото, ходя из стороны в сторону, палят из своих крупнокалиберных орудий по укреплениям Владивостока. Советский флот не представил для адмирала большой угрозы — он с легкостью разгромил его. Большая часть подводных лодок была потоплена ударами с воздуха в местах швартовки или разбита орудийным огнем. Их команды вынуждены были примкнуть к морской пехоте и стать частью оборонительного гарнизона порта. Несколько субмарин ушли в море и периодически, словно осы, жалили Императорский флот, иногда очень болезненно. Ямасите все же пришлось признать, что Ямамото мастерски показал возможности флота.

И несмотря на это, победа была заслугой армии. Пускай флот попробует выполнить армейские задачи этой зимой, когда пойдет на юг. Теперь Ямаситу беспокоила фаза № 2 — Хабаровск, который должен был быть взят той же зимой. И то, как о его победе будет сообщено Его Императорскому Величеству.

Манильский договор

Письмо императору не должно было задержаться. Апанасенко отважно сражался за Хабаровск, но игра была окончена, и даже он это понимал. Город пал в декабре. С приходом зимы военные действия для японцев были закончены. Однако для русских зима никогда не была поводом для бездействия, и они переместили центр сопротивления в Благовещенск. Апанасенко запомнят за его заботу о сотнях тысяч русских, бежавших вместе с войсками. Также по ходу отступления он открывал ворота лагерей и заставлял охранников и зеков вступать в ряды боевых формирований. Скорее всего, Сталин расстрелял бы Апанасенко, если бы сам пережил тот декабрь — он исчез во время суматошного бегства из павшей Москвы[28]. Сибирские дивизии погибли в окружении под Киевом в сентябре и под Брянском и Вязьмой в октябре. Жуков с горечью писал в своих мемуарах, что, если бы этих сибиряков оставили в резерве, Москва, возможно, была бы спасена[29].

Апанасенко выстоял всю зиму и удерживал Ямаситу до следующей весны, когда манильский договор окончил войну[30]. Осада Владивостока 7-й армией генерала Хомма продолжалась три месяца, и император упрекнул Хомма за нерасторопность. Григоренко, освобожденный из японского плена в 1943 году, стал успешным гражданским инженером в Российской Евразийской Федерации (РЕФ) и написал полную историю Второй русско-японской войны. Люшков оказался на удивление хорошим губернатором Приморской провинции Его Императорского Величества. Даже слишком хорошим. Японцы никогда не возражали против его жестоких методов, однако им пришлось-таки принять довольно решительные меры, когда они узнали о его предательских планах по воссоединению провинции с РЕФ. Ямаситу на родине встретили, как героя, и он удостоился личной аудиенции у императора. Сибирский Тигр не был обойден почестями.

Манильский договор, подписанный 2 марта 1942 года, пришлось спонсировать президенту Франклину Рузвельту, которого больше волновал выход России из игры и то, что Германия — победительница, по-волчьему скалясь, поглядывает через океан. Согласно договору, Филиппины оставались за Соединенными Штатами. Однако теперь Рузвельт в испуге ждал угрозы с востока, и японцы смогли всю зиму и весну беспрепятственно продвигаться в южном направлении.

Реальность

Рассказанное выше соответствует исторической истине до момента визита министра иностранных дел Мацуоки в Германию в марте 1941 года. На самом деле о войне с СССР Гитлер намекал достаточно прозрачно. Японский посол сообщил о надвигающейся войне, но в Японии это известие не восприняли всерьез. В нашей истории Гитлер напрямую просит о совместном германо-японском нападении на СССР. К тому времени в японском правительстве и военном ведомстве действительно возникли серьезные разногласия по поводу того, нападать ли на Советский Союз или владения западных стран в Азии с целью получения их природных ресурсов. Официальное предложение Гитлера могло бы привлечь внимание Японии на открывающиеся возможности и придать вес аргументам тех, кто предлагал «хокусин» - идти на север. План мобилизации и начала военных действий действительно были разработаны в Японии на случай такого поворота событий в

1941 году; и Ямасите в ходе летней мобилизации Квантунской армии на самом деле поручили командование группой армий, которая атаковала бы Приморский край. Героическая реорганизация обороны Дальнего Востока на самом деле была проведена Апанасенко. Он был убит шальной пулей, сражаясь против немцев после перевода на Западный фронт в 1943 году.

Уэйд Г. Дадли. БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ В СВОИХ ЖЕЛАНИЯХ...

(Провал плана «Орандж»)

Война и секреты идут рука об руку, и именно это Черчилль имел в виду, когда говорил о «пелене лжи», окружающей каждую важную военную «правду». Около шестидесяти лет назад неспособность американской, британской и русской военных разведок разгадать японскую военную хитрость послужила причиной самого сокрушительного в истории морского поражения военно-морского флота США. Понять, как получилось, что Соединенные Штаты неожиданно взялись за осуществление версии военного плана «Орандж», признанного невыполнимым в 20-е годы, возможно, еще более важно, чем рассказать историю вызывающих гордость военных кораблей, уничтоженных вследствие его осуществления.

От военного плана «Орандж» к плану «Рэйнбоу 4»

В 90-е годы XIX века в американских военных штабах Тихий океан начал рассматриваться как потенциально крупная арена международного конфликта. В начале предполагаемым противником считались европейцы — один из первых планов предусматривал уничтожение слабой французской азиатской эскадры в поддержку американской политики «открытых дверей» в Китае. Объединенные штабы планирования американской армии и военно-морского флота из соображений секретности и, возможно, осознавая, что объявленные имена противника способствуют росту международной напряженности, вскоре изобрели систему, по которой при планировании государство отождествлялась с цветом. Соединенные Штаты были обозначены как «Голубой», британцы как «Красный», немцы как «Черный» и так далее. Завоевание Филиппин в 1898 году усилило акцент на оборонительных операциях в близлежащих водах и поставило на повестку дня вопрос о завоевании и защите стратегически важных тыловых баз на пространстве от западного побережья Соединенных Штатов до Манильского залива и дальше, что открывало дорогу к природным богатствам и рынкам Востока.

В первой декаде двадцатого века в зоне Тихого океана появился новый потенциальный противник. Вместе с реставрацией Мэйдзи Япония пошла по пути западного индустриального развития, которое неизбежно сопровождается империализмом. Современный Императорский военно-морской флот Японии, построенный по образцу военно-морских сил Великобритании (с кадрами, обученными там же, и с кораблями, многие из которых были построены на британских верфях), сыграл ключевую роль в нанесении поражения России в 1904–1905 годах. Успехи Порт-Артура и Цусимы заставили считаться с Императорским военно-морским флотом. В глазах американских военных планировщиков эта впечатляющая демонстрация силы сделала Японию достойной своего собственного наименования — «Оранжевый». И, соответственно, в военном плане «Орандж» можно найти меры, принятие которых считалось необходимым для противостояния будущей японской агрессии в Тихом океане.

Стремительные технологические перемены (результат Первой Мировой войны) вместе с послевоенными дипломатическими инициативами и экономическими трудностями

всемирной депрессии внесли многочисленные изменения в военный план «Орандж» в период между 1919 и 1939 годами. Под разными названиями и с временными искажениями и отклонениями, планирование сместилось от решительной прямой обороны Филиппин американским флотом в начале 20-х годов к ожидаемой уступке этих островов отлично обученным, хорошо снаряженным и (спасибо событиям в Китае) опытным японцам в 30-х годах XX века. К началу 1939 года план «Орандж» предусматривал повторный захват Филиппин после двух-трех лет методического наступления в центральной зоне Тихого океана. За это время японский флот был бы уничтожен, что позволило бы начать блокаду японских островов, которая могла решить исход дела без вторжения. В середине 1939 года, принимая во внимание ожидаемую с минуты на минуту войну в Европе, военный план «Орандж» был включен в план «Рэйнбоу 1», предусматривающий одностороннюю оборону западного полушария против Германии, Японии и их фашистских сторонников.

К середине 1940 года в новом плане «Рэйнбоу 4» была предложена многосторонняя оборона западного полушария с предположительным союзом с Великобританией и Францией. Этот план запрещал любое наступательное действие «Голубых» в зоне Тихого океана, что было очевидным признанием Германии в качестве самого опасного из потенциальных противников. По существу, Соединенные Штаты оставили бы Филиппины, остров Гуам и даже остров Уэйк на безнадежную оборону против превосходящих сил японцев. «Рэйнбоу 4» развязывал японцам руки в Азии и в Тихом океане, в то время как военная мощь Соединенных Штатов и их возможных союзников направлялась на скорейший вывод из войны Германии.

Япония: альтернативы и планирование в 1939 году

Индустриализация японской экономики, возможно, спасла государство от прямого европейского доминирования в конце XIX века, но она ставила японских лидеров в тяжелое положение. На островах попросту не хватало сырья, необходимого для крупномасштабной индустриализации. Так история модернизированной Японии стала историей агрессивного стремления к контролю над азиатскими ресурсами. В 1920 году один военный успех следовал за другим, хотя европейские и американские дипломаты чаще всего ухитрялись лишить японцев плодов их побед. После 1920 года в правительстве Японии все увереннее доминировал офицерский состав, который, мягко говоря, не был удовлетворен результатами побед. Офицеры понимали, что столкновение с их иностранными мучителями неизбежно, и наиболее вероятной угрозой считались Соединенные Штаты — государство, промышленная мощь которого, кажется, не имела пределов.

Японцы были одержимы мыслью одержать победу в одном большом сражении[31]. Еще до того, как во время и после Первой Мировой войны произошли технологические перемены, планировщики предвидели битву с американским флотом недалеко от их островов. Как и русский флот при Цусиме, обладающий численным превосходством американский флот был бы ослаблен за время длительного плавания, что в значительной мере увеличивало шансы в сражении с ним. После того как произошли технологические перемены, ожидаемое место столкновения переместилось на юг и восток, в разных планах его местонахождение колебалось от берегов Филиппин до Маршалловых островов. Так как преодолеваемое расстояние уже в меньшей степени было изматывающим фактором (скорость, дальность и ресурс прочности выросли разительно), представители Императорского военно-морского флота планировали войну на истощение против приближающегося американского флота. Подводные лодки, наземная и авианосная авиация, ночные атаки легких надводных соединений, вооруженных суперторпедой «Лонг

ланс» (Тип 92), уменьшили бы силы американцев процентов на тридцать перед решающим исход дела главным сражением.

Время и место решающего сражения, так же как и успех изматывающей стратегии Императорского военно-морского флота, зависели от того, какое из государств возьмет инициативу в свои руки. Если бы японцы нанесли удар первыми (первый удар, неожиданная атака — все это часть военной традиции японцев), они могли быстро захватить американские тихоокеанские базы — Филиппины, Гуам, остров Уэйк и, возможно, даже остров Мидуэй и Алеутские острова, вынуждая американцев постепенно возвращать утраченные позиции, что заняло бы год или два. Это открывало простор для реализации изматывающей стратегии, хотя существовала опасность (почти определенная), что производственные мощности американцев настолько превысят производственные мощности Японии, что обеспечит перевес военно-морских сил Соединенных Штатов, несмотря на потерю тридцати процентов начальных сил, как только они прорвут японский тихоокеанский оборонительный периметр. Если бы американцы нанесли удар первыми, особенно если японский флот рассредоточен по всему Тихому океану и вдоль берегов Азии, то это было бы катастрофой. Так, к 1940 году, пока Императорская армия продолжала наступать в Китае, Европа полыхала, а американцы готовились избрать президента, который уберезет их от войны или введет их в нее, у японцев не было настоящего эффективного ответа на агрессивный военный план «Орандж».

Демократия в действии

Демократическая партия выдвинула в 1940 году Франклина Делано Рузвельта на третий президентский срок. Республиканская партия противопоставила чрезвычайно популярному Рузвельту Уэнделла Л. Уилки — главного игрока в мире корпораций, который, однако, не мог рассчитывать на поддержку обычных людей, все еще страдающих от результатов Великой депрессии. Вряд ли когда-нибудь удастся точно установить источник утечки информации, относящейся к плану «Рэйнбоу 4», в американскую прессу, но по факту 18 октября заголовки газет по всем Соединенным Штатам кричали: «Рузвельт собирается сдать наших ребят на Филиппинах японцам!»[32] Генерал Дуглас Макартур, застигнутый с утра репортерами врасплох, ненароком подбавил «горючего» в политический огонь: «Джентльмены, ни один американский президент никогда по своей воле не оставлял врагу ни дюйма американской земли, не говоря уже о жизнях американских солдат и моряков. Наш добрый президент первый согласился бы со мной в этом. Я так верю президенту Рузвельту, что готов хоть сегодня же отправиться в Манилу»[33].

Республиканская партия, видя (или спровоцировав) все это, распознает возможности для выигрышного гамбита, тем более теперь, когда до выборов остается месяц. Уступая Уилки в самом важном пункте, когда до выборов остается всего неделя, Рузвельт обратился к американскому народу во время своего воскресного радиовыступления: «Я больше никогда не брошу сынов Америки, для меня это — как бросить собственных детей. Военно-морской флот Соединенных Штатов является одной из мощнейших сил в мире. Если — я молю, чтобы этого не произошло, — в Тихом океане разразится война, то противник будет встречен и уничтожен на Филиппинах»[34]. Немного успокоенные, избиратели выбрали президента на третий срок, хотя и не с ожидаемым перевесом в голосах.

На следующий после выборов день произошло три достойных внимания события. В Вашингтоне американские военно-морские планировщики откопали копии агрессивного плана «Орандж», чтобы использовать его в подготовке нового многостороннего военного

плана — «Рэйнбоу 5». В Сан-Франциско генерал Дуглас Макартур, находящийся в отпуске, получил приказ немедленно принять на себя командование на Филиппинах. А в своем кабинете в Токио адмирал Исороку Ямамото, командующий японским военно-морским флотом, улыбался, пока читал новости, приходящие из Соединенных Штатов.

Ямамото и план Z

Исороку Ямамото возвышается над великими адмиралами истории, несмотря на свой рост в пять футов и три дюйма. Молодым офицером он участвовал в Цусимском сражении, пожертвовав два пальца во славу Императора. Позже он обучался в Гарварде и служил военно-морским атташе в Вашингтоне, приобретая из первых рук знание о впечатляющих ресурсах и производственных мощностях Соединенных Штатов. В течение всей своей жизни он преуспевал во всех играх, требующих мастерства и понимания стратегии, — бридж, покер и шогги (игра, похожая на европейские шахматы)[35]. И за разрешение проблемы нанесения поражения американскому гиганту он также взялся с большим мастерством.

В августе 1939 года Ямамото был на пике своей карьеры — он был главнокомандующим Объединенным флотом. Два месяца спустя он наблюдал демонстрацию мощи авианосной авиации с капитанского мостика на авианосце «Акаги». Повернувшись к начальнику своего штаба, адмирал сказал: «Это впечатляет! Если бы я мог использовать наши быстрые авианосцы, чтобы потопить американский флот в иле Перл-Харбора, я стал бы хозяином Тихого океана на год, а может, и на два». Из-за спин двух беседующих рассеянный капитан (что не мешало ему быть прекрасным капитаном) Камето Куросима пробормотал: «Будьте осторожнее в своих желаниях, адмирал». Уступая требованиям объяснить свои неуместные слова, Куросима сказал: «Ил в Перл-Харборе мелкий. Если американцы действительно такие промышленные гении, как вы нам часто внушали, они просто поднимут корабли и отремонтируют их. Куда лучше, когда слой ила глубокий и победа долговечна»[36]. Ямамото согласился, но так как у него не было возможности вовлечь американский флот в сражение в открытом море, он приказал Куросима готовить план, предусматривающий превентивный удар по Перл-Харбору. Конечный план, хотя и открывал путь к возможному тактическому успеху, беспокоил и адмирала, и капитана, так как он не мог заставить американцев сесть за стол переговоров.

Все изменила решимость Рузвельта защищать Филиппины. План с ударом по Перл-Харбору был заброшен, и в сентябре 1941 года Ямамото официально открыл перед армией и военно-морскими силами «План Z»[37]. Этот план хорошо состыковывался с идеей южного наступления, которую в этот момент отстаивала армия. Целью этого наступления был быстрый захват Филиппин и Малайзии, как стратегически важных объектов, открывающих путь к богатым ресурсами Индии и Ост-Индии[38]. План Z предусматривал немедленное наступление американских военно-морских сил с Перл-Харбора по линии Мидуэй — остров Уэйк — Гуам — Филиппины, для того чтобы защитить территорию, избежать атак японской наземной авиации и легких надводных соединений, находящихся на Маршалловых островах, и вовлечь корабли Императорского военно-морского флота в решительное сражение на востоке или северо-востоке от Филиппин. Если американский флот не будет ослаблен, а японский Объединенный флот из-за необходимости поддерживать армию будет разделен, то ожидалось следующее соотношение сил (американцы — японцы): 13:9 в линкорах, 20:12 в крейсерах и 60:40 в эсминцах к М+20 (самая ранняя дата, к которой американцы могут объявиться у берегов Филиппин). Только в быстрых авианосцах — 4:6 и в авианосной авиации — 400:500 самолетов соотношение было бы в пользу японцев. Однако Ямамото ожидал, что американцы отправят часть своих легких надводных соединений на помощь британцам и голландцам, на

сопровождение конвоя, идущего сразу за главными силами, и для прикрытия большого тылового эшелона.

Акцент в плане Z делался на смелом замысле, целью которого было побудить американцев неверно использовать свои авианосцы. Надо было превратить пять старых торговых посудин в авианосцы с камуфляжными самолетами на палубах. Этим кораблям, сопровождаемым легким авианосцем «Руйо», отводилось место к западу от Филиппин. Если бы они привлекли внимание американцев, то быстрая ударная группа Ямамото, состоящая из шести авианосцев, при поддержке двух линейных крейсеров и различных более легких кораблей получила бы возможность ослабить флот американцев по достижении им острова Гуам. Затем авианосцы погнались бы американский флот через южные подступы к Маниле — к проливу Сан-Бернардино или к проливу Суригао, где его уже ждал Ямамото со своими эсминцами, крейсерами и кораблями, заимствованными из сил, поддерживающих южное наступление. Остатки боевого американского флота, без сомнения, достигли бы Манилы, но там они подверглись бы бомбардировке наземной авиации, взлетающей с недавно захваченных аэродромов на острове Лусон или с аэродромов, недавно занятых в (прежде французском) Индокитае. Чтобы не дать американцам возможности изменить ситуацию, захват островов Гуам и Уэйк отложили бы вплоть до разгрома главных сил американского флота.

Хотя представители Императорской японской армии не были в восторге от плана Z, доказывая, что быстрые авианосцы было бы лучше использовать для прикрытия вторжения в Малайзию и очистки Южно-Китайского моря от военно-морского флота союзников, они не могли не согласиться с логикой Ямамото:

«Только полное уничтожение американского Тихоокеанского флота и потеря Филиппин заставит американцев подписать мирный договор. Чтобы нашей нации достичь промышленного паритета с нашим врагом, нам потребуются двадцать лет и ресурсы Азии. Японские самураи! Нам срочно нужен этот мир!»[39]

В конце концов все присутствующие согласились, что наземной авиации и назначенных для встречи в проливе Суригао сухопутных соединений будет вполне достаточно для прикрытия вторжений.

В последующие месяцы переговоры с американцами зашли в тупик. Американское правительство было недовольно продолжающейся японской экспансией в Китае и явно готовилось к решительному столкновению в Тихом океане. Ввиду этого Токио назначил дату атаки на территории союзников в Тихом океане — 7 декабря 1941 года. Восход этого дня застал Ямамото у берегов Филиппин, на борту в спешке достроенного суперлинкора «Ямато», гадающего, когда же американцы выйдут из Перл-Харбора.

Киммель за штурвалом

Выбор Рузвельтом двух ключевых лиц, отвечающих за осуществление военного плана «Орандж» (часть плана «Рэйнбоу 5»), обсуждался историками, наверное, не реже, чем оплакивался всеми американцами. Нетрудно догадаться, что Макартур получил свое место благодаря самопровозглашенному военному гению. А нещадно критикуемый адмирал Хасбэнд Киммель? Целью военного плана «Орандж» было серьезное столкновение, и Киммель был «серьезным» адмиралом: за свою карьеру он отслужил на дюжине боевых кораблей. Пусть у него не было опыта управления авианосной авиацией, но авианосцы в это время фактически не использовались американским военно-морским флотом. Без сомнения, выбор Киммеля для осуществления военного плана «Орандж» —

результат консенсуса. Даже генерал Джордж Маршалл искренне поддержал кандидатуру энергичного Киммеля.

В начале ноября 1941 года на Перл-Харборе Киммель провел конференцию для высшего офицерского состава. На ней он представил план, который подлежал выполнению (и был выполнен) в следующем месяце. На Филиппинах Макартур, недавно получивший подкрепление в виде пятидесяти истребителей Р-40 и двадцати четырех бомбардировщиков В-17, ведет затяжной бой, охраняя Манильский залив — главную стоянку кораблей. Британский флот, состоящий из двух линкоров, авианосца и прикрытия, сходным образом защищает Сингапур, этот Гибралтар Тихого океана, как вспомогательную базу для американского флота. Находящееся на юге соединение — незначительные американо-британо-голландско-австралийские силы, построенные вокруг двух тяжелых крейсеров, — надо усилить авианосцем «Йорктаун»[40]. Это бы обеспечило безопасность вспомогательного маршрута поставок из Австралии на Филиппины и вместе с этим отвлекло внимание японского военно-морского флота.

Первое оперативное соединение — одиннадцать линкоров, три крейсера и восемнадцать эсминцев — под тактическим командованием Киммеля, находящегося на борту линкора «Пенсильвания», выходит М+2 через Мидуэй к острову Уэйк с прибытием на место М+12. В случае потери острова Уэйк отряд кораблей APD (старые эсминцы, переоборудованные в скоростной транспорт) присоединяется к первому оперативному соединению. Конвой, перевозящий береговой охранной батальон, пятьдесят зачехленных самолетов и продовольствие для острова Уэйк, идет вслед за первым оперативным соединением примерно пять дней. Соединение доходит от острова Уэйк к острову Гуам к М+15. Гуам, возможно захваченный японцами в первые дни конфликта, подвергается быстрой бомбардировке, и им завладевает морская пехота. В срок М+21 или приблизительно в это время флот выходит с острова Гуам к Маниле, объявляясь у Филиппин не позже чем М+25 и, огибая Лусон с севера, по всей вероятности, принуждает японцев дать бой или столкнуться с затруднительной ситуацией для своих сил вторжения на Филиппины. Части победоносного Первого оперативного соединения прибывают к Маниле к М+28, как самое позднее.

Второе и Третье оперативные соединения, построенные вокруг, соответственно, авианосцев «Лексингтон» и «Саратога», выходят с Перл-Харбора, как только начинаются боевые действия. Группы авианосцев под прикрытием крейсеров и эсминцев идут впереди флота, разведывая обстановку — Второе оперативное соединение идет на север, Третье — на юг. До М+15 эти группы действуют приблизительно в трехстах милях впереди Первого оперативного соединения. После освобождения или захвата острова Гуам авианосцы держатся в пятидесяти милях от острова, что позволяет осуществлять прикрытия с воздуха (боевой воздушный патруль) Первого оперативного соединения по мере того, как японский флот и наземная авиация начинают представлять все большую угрозу.

Задача Четвертого оперативного соединения, состоящего из авианосца «Энтерпрайз» и быстроходных линкоров «Норт Кэрлайн» и «Вашингтон» (этот корабль поспешно вводится в строй, как только на горизонте начинается вырисовываться японская угроза), — отвлекать внимание. Четвертое оперативное соединение, выйдя или с Перл-Харбора, или с обычной крейсерской стоянки на юго-востоке от Маршалловых островов, продвигается вперед так далеко, как позволяют японцы. Его быстрый переход завершается смелой атакой на Трук — главную базу японского военно-морского флота в этих водах. После этого Четвертое оперативное соединение встречается с Первым соединением недалеко от Филиппин приблизительно в срок М+22.

В М+30 большой конвой с людьми и материалами для острова Гуам, острова Уэйк, Филиппин выходит с западного побережья. Пятое оперативное соединение, состоящее из крейсеров и эсминцев, сопровождает эту группу до Филиппин в том случае, если японцы еще не запросили мира. «Японцы столкнутся с нами, потому что они должны столкнуться с нами или бросить на произвол судьбы свои силы вторжения в зоне Тихого океана. И их боевые порядки не могут выстоять против нас!» — заявил Киммель в конце брифинга. Его прервал тот, кто будет командовать Четвертым оперативным соединением, — Вильям Ф. (Бык) Хэлси. «Будьте осторожнее в своих желаниях, адмирал!» Киммель потребовал объяснения, и Хэлси, не жалея о сказанном, ответил: «Где-то в этих водах один маленький желтый ублюдок говорит другим маленьким желтым ублюдкам то же самое. Только он говорит, что это наши корабли не могут выстоять против их авианосцев. И пока с этими авианосцами не покончено, я говорю: будьте чертовски осторожны в своих желаниях!»[41] Будущее покажет, что оба они были правы в определенной степени.

В 8:00 7 декабря Киммеля в своем офисе на острове Оаху разбудил помощник и сообщил, что японцы только что вторглись на Филиппины. Киммель немедленно приказал приступить к осуществлению военного плана «Орандж» и собрался взойти на борт «Аризоны», а не «Пенсильвании». Всего тремя днями ранее Киммель поставил обычный флагманский корабль Тихоокеанского флота в сухой док на проводящийся ежегодно осмотр, и, чтобы не задерживать отплытие, адмирал приказал кораблю присоединиться к М+30 к конвою, в качестве усиления своего к тому времени теоретически победоносного флота[42].

Час спустя у Киммеля резко подскочило давление, после того как он узнал, что каким-то образом Дугласа Макартура смогли застать врасплох. Большинство его самолетов было уничтожено на суше, и Императорская армия высадилась на Филиппинах, встретив минимальное сопротивление. Повернувшись к лейтенанту Элмо Р. (Крошке) Замволту, своему недавно назначенному помощнику, Киммель прорычал: «Если Макартур потеряет базу до моего прибытия, лучше бы ему погибнуть со славой — иначе я сам его убью!»[43]

После того как американский флот начал выходить из Перл-Харбора, в Токио, через весь Тихий океан, пришла телеграмма[44]. В ней сообщалось: «Надеюсь завтра отбыть в Токио. На следующей неделе собираюсь взойти на гору Ниитака». Неизвестный американскому телеграфисту отправитель, Такео Йошикава, внимательно наблюдал за американской базой уже шесть месяцев. Его телеграмма, полученная американским отделом японской военно-морской разведки и немедленно переданная на «Ямато», развеселила штаб Ямамото. Их адмирал, заядлый альпинист, выбрал фразу «взойти на гору Ниитака» как сигнал, означающий, что американский флот вступил в драку.

Море спокойно

Макартура действительно застали врасплох, хотя очевидно, что в военном плане «Орандж» его позиция на Филиппинах была критической. На аэродроме Кларк, недалеко от Манилы, полыхали красиво выстроенные в ряды американские самолеты, накрытые японскими бомбардировщиками. К 20:00 7 декабря в рабочем состоянии остались всего тридцать один истребитель, двадцать семь бомбардировщиков (включая пять бомбардировщиков В-17), и три гидросамолета. Хотя Макартур не смог воспрепятствовать высадке десанта на Филиппинах, это не означало, что сопротивление на этом окончилось. Напротив, американцы, так же как и неопытные полицейские силы Филиппин, прекрасно сражались на суше. Еще 9 декабря генерал Насахару Хомма, руководящий вторжением Императорской армии на Лусон, послал в Токио сообщение, требуя большей поддержки авианосной авиации и дополнительных войск. Ямамото

отказался отпустить авианосцы (затаившиеся к западу от острова Гуам), отчасти опасаясь, что слишком быстрый успех на суше заставит американский флот вернуться на Перл-Харбор и его ловушка не сработает. В результате между армией и военно-морскими силами возникли серьезные трения. К счастью для Японии, этот частный внутренний конфликт был разрешен угрозой Ямамото подать в отставку, последовавшей сразу же после успешных действий военно-морских сил в Южно-Китайском море 8 декабря.

7 декабря британские силы, состоящие из линкоров «Рипалс» и «Принс оф Уэлс» и обеспечивающего прикрытие с воздуха авианосца «Индомитэбл», вышли из Сингапура, чтобы сорвать высадку японского десанта на берега Малайзии. На следующий день боевой воздушный патруль с «Индомитэбл» был сметен японскими истребителями и бомбардировщиками. Британцы потеряли все три ведущих корабля, однако самолеты-разведчики с их авианосца успели сообщить об источнике многочисленных атак — шести японских авианосцах, находящихся в пределах досягаемости самолетов с аэродрома Кларк. На этот раз Макартур действовал расторопно, посылая все имеющиеся у него в наличии самолеты для атаки оперативного соединения противника. Нестройные ряды американских самолетов начали свою атаку, как только Южно-Китайское море оказалось под покровом темноты. Из-за нехватки топлива и из-за темноты лишь немногие бомбардировщики и истребители смогли вернуться на Кларк, но те, которые вернулись, позволили послать Макартуру свое историческое сообщение в 23:30 этим вечером: «Сегодня вечером Южно-Китайское море, где своевольничал японский флот, спокойно. Я отомстил за храбрые экипажи с «Рипалса», «Принс оф Уэлса» и «Индомитэбла». Было подтверждено уничтожение пяти японских авианосцев моими героическими американскими летчиками, а еще один авианосец поврежден и, предположительно, тонет»[45].

Так Ямамото в этот день одержал двойную победу: военно-морские силы Великобритании лишились трех своих ведущих кораблей и еще Макартур заверил весь мир, что японские авианосцы уничтожены. Говорят, что Киммель, быстро отбыв на остров Уэйк, следующим вечером устроил званый обед. Ни один из двух обманутых воинов, празднующих победу, не догадывался о ловушке, в которую им суждено было попасть всего через несколько дней. Контр-адмирал Вильсон Браун (Второе оперативное соединение) и Фрэнк Флетчер (Третье оперативное соединение), осуществляющие разведку далеко впереди от Первого оперативного соединения, вздохнули с облегчением. До этого момента и тот и другой отгоняли от себя кошмарные мысли: а что, если их одинокие авианосцы будут изолированы и уничтожены численно превосходящими силами японской авианосной авиации? Флетчер, всегда внимательно следящий за уровнем топлива на своих кораблях, чтобы пополнить его запасы, на следующий день даже приостановил свое продвижение вперед. Лишь старший американский офицер с «Энтерпрайза», флагманского корабля Четвертого оперативного соединения, казалось, имел некоторые сомнения относительно правдивости сообщения Макартура. Молодой летчик случайно подслушал, как Хэлси, страдающий от постоянно обостряющейся кожной сыпи, фыркнул: «Этот сукин сын — прирожденный лжец-эгоцентрик. Даже эти желтые ублюдки не настолько глупы, чтобы расположить свои большие авианосцы там, где бы их могли достать его летчики. Дуглас мог бы потопить только кирпич, сбросив его посреди залива Субик. Молю бога, чтобы Вил и Фрэнк не придали значения этому вздору. «Море спокойно» — дерьмо!»[46]

У Трука

То, что все планы перестают работать после первого контакта с противником, — это военный трюизм, и, конечно, это так же верно в отношении плана Z, как и в отношении злополучного плана «Орандж». Ямамото столкнулся с двумя неожиданными проблемами.

Первая — американско-британо-голландско-австралийская команда, усиленная «Йорктауном». Вторая — Четвертое оперативное соединение, мечущееся в районе Маршалловых островов. Действия обеих групп сбивали адмирала с толку (Ямамото был убежден, что американцы перед сражением соберут авианосцы вместе) и требовали неослабного внимания.

Действуя с защищенных баз в Голландской Ост-Индии, американско-британо-голландско-австралийская группа 8 декабря попыталась пробиться на север, угрожая сорвать поддержку конвоем вторжений на Филиппины и Малайзию. Два дня спустя Ямамото послал оперативную группу, собранную вокруг слегка потрепанного «Рюдзе» и легкого авианосца «Хошо», для встречи с противником. 17 декабря, после недели столкновений, истребители и бомбардировщики с «Йорктауна» накрыли японские авианосцы в процессе подготовки удара по американско-британо-голландско-австралийской группе. Несмотря на остревенелое сопротивление со стороны усиленного боевого воздушного патруля противника (истребители были уже в воздухе, готовые нанести планируемый удар по «Йорктаулу»), американские пикирующие бомбардировщики атаковали «Хошо» пять раз, в то время как две торпеды и три бомбы превратили «Рюдзе» в пылающую развалину. Но эта победа досталась дорогой ценой — «Йорктаун» потерял 73 самолета, включая все свои торпедные бомбардировщики и более половины истребителей. Адмирал Карл Дормэн на борту крейсера «Де Рейтер» не мог не отдать приказ к отходу, особенно после того как японская подводная лодка I-17 19 декабря потопила «Лэнгли» (сначала обозначенный как CV1, затем переобозначенный как AV3, авиационный транспорт), перевозивший на «Йорктаун» новые самолеты. Необходимо было усилить истощенную авиацию. Тем не менее американско-британо-голландско-австралийская группа одержала единственную настоящую победу союзников за время короткой Тихоокеанской войны.

Для того чтобы у него хватило авианосцев для противостояния американскому оперативному соединению, хозяйничающему на Маршалловых островах, Ямамото надо было ослабить свою быструю ударную группу. Однако морская база на острове Трук, которая являлась очевидной целью американцев, открывала возможность для изматывания американского флота. 9 декабря Ямамото послал на Трук незначительные силы под командованием контр-адмирала Райдо Танака на крейсере «Дзинтсу». Они включали еще два крейсера, «Миоко» и «Нати», и восемь эсминцев. Танака получил приказ попытаться осуществить ночную атаку в случае приближения к базе американцев.

Четвертое оперативное соединение, задержанное из-за аварии парового котла на поспешно подготовленном «Вашингтоне», лишь 22 декабря подошло на расстояние выстрела к острову Трук. Но даже тогда Хэлси колебался подвергнуть свою ослабленную авиагруппу атакам возможно сильной японской противовоздушной обороны. Удерживая крейсер и четыре эсминца для защиты «Энтерпрайза», адмирал приказал оставшимся силам оперативного соединения блокировать и бомбардировать Трук под покровом темноты. Кэптен Тамиичи Хара, командир эсминца «Амацукадзэ», так описывает последующие события:

«22 декабря незадолго до наступления темноты с гидросамолета сообщили о двух американских линкорах («Северная Каролина» и «Вашингтон»), двух крейсерах и шести эсминцах, идущих прямо на Трук. Танака, которому в нашем флоте, возможно, нет равных по части ночных атак с использованием мелких кораблей, выстроил нас в параллельные линии. Внутренняя линия состояла из трех крейсеров во главе с двумя эсминцами, внешняя — из шести эсминцев. В 11:23 на (эсминце) «Курисио» заметили нечто, приближающееся к нашей колонне под углом около 48°. В эту пасмурную ночь американцы подошли ближе чем на 3000 ярдов, прежде чем их заметили. Странно, но они,

казалось, совсем не замечали нас до тех пор, пока наш дивизион не выпустил 48 торпед и быстро развернулся, чтобы направиться в порт для перезагрузки. В это мгновение над кораблями противника взорвались осветительные снаряды, и их ведущий корабль, «Норт Кэрлайн» (на самом деле — крейсер «Чикора»), попал под сильный огонь с наших крейсеров. Следующие несколько секунд я был занят, так как рядом с моим хрупким судном разорвался снаряд. «Куросио» повезло меньше — по меньшей мере один крупнокалиберный снаряд попал в склад боеприпасов и корабль, казалось, совсем пропал из поля зрения. Немного спустя Мурата (наблюдатель) закричал: «Попали! Торпеды попали в цель по всей линии!» Мое сердце почти остановилось, перед тем как я понял, что он имеет в виду линию противника, а не нашу... К 0:58 море, казалось, было покрыто горящими кораблями. Большое американское судно, по-видимому утратив управление, несло прямо на нас. Я приказал открыть огонь из наших 5-дюймовых. Это было ошибкой, так как крейсер противника накрыл нас сразу же после того, как вспышки от выстрелов обнаружили нашу позицию. Это было нашим первым повреждением в сражении... В 1:53 горящий и потерявший ход «Дзинтсу» просигналил запуск оставшихся торпед и выход из сражения. Это расстроило нас, так как мы должны были оставить наших товарищей, и особенно моего друга и наставника, Танака.

Ясно, что наш успех в противостоянии со значительно превосходящими силами американцев стал результатом использования аспектов войны, которыми противник пренебрегал: нашей постоянной тренировки ночных атак и правильного использования торпед. К данному времени американские военно-морские силы могли бы быть равны Императорским военно-морским силам если не в боевом духе, так в подготовке. Тогда преимущество наших сильно уступающих в численном отношении кораблей было бы мимолетным. Молю предков, чтобы оно продлилось достаточно долго для того, чтобы Ямамото сократил главные силы противника...»[47].

В беспорядочной ночной битве у Трука оба американских линкора понесли серьезные повреждения: в каждый попало по две торпеды. И без того малая скорость «Вашингтона» упала до 15 узлов. Все три американские крейсера затонули перед рассветом вместе с тремя эсминцами. Хэлси оставалось лишь возвращаться на Перл-Харбор — присоединение его поврежденных кораблей к Киммелю закончилось бы их уничтожением. Но даже так японская подводная лодка I-221 умудрилась миновать противолодочный ослабленный заслон Четвертого оперативного соединения и потопить «Вашингтон» 25 декабря.

Адмирал Танака, как это ни странно, выжил, хотя его флагманский корабль и был превращен в развалину многочисленными попаданиями крупнокалиберных снарядов. На следующий день судно было отбуксировано на Трук. Другим японским крейсерам и трем эсминцам повезло меньше. Танака переместил свой флаг на «Амацукадзэ» и, лишив американский флот двух линкоров и авианосца, начал продвижение со своими потрепанными в сражении кораблями для воссоединения с Ямамото у берегов Лусона для решающей схватки.

Какие еще авианосцы?

19 декабря, вскоре после того как Киммель получил запоздалое извещение об успешных действиях «Йорктауна» против легких японских авианосцев, Первое оперативное соединение достигло района острова Уэйк. Хотя Киммелю следовало бы задуматься над тем, что означает неспособность японского флота захватить слабоукрепленные острова Гуам и Уэйк, но он, очевидно, приписал эту неудачу некомпетентности Ямамото как командующего военно-морским флотом (наверное, его можно понять — Киммель

действовал, находясь во власти иллюзии, что японцы потеряли целых восемь авианосцев). Первое оперативное соединение пробыло в районе острова Уэйк недолго, и то только из-за попадания торпеды в старый линкор «Техас» (силы прикрытия потопили в этом районе три японских подводных лодки, из которых только одна смогла осуществить торпедную атаку). Судовой экипаж наскоро залатал зияющую пробоину на носу, что позволило кораблю остаться в соединении, которое 20 декабря повернуло к острову Гуам.

Как только Первое оперативное соединение приблизилось к острову Гуам, случаи столкновения с японскими подводными лодками участились. К 26 декабря, когда скоростной транспорт (APD) предоставил свой груз в помощь защитникам острова Гуам, эсминцы из группы прикрытия успешно отбили более дюжины атак. Хотя было подтверждено потопление четырех лодок, но усталость взяла свое, и подводная лодка I-214 в конце концов смогла поразить «Неваду» четырьмя торпедами перед тем, как ее вынудили не плыть на поверхность, где она была протаранена эсминцем «Мэнли». Хотя героические усилия по исправлению повреждений не дали кораблю потонуть, но его винты и штурвал были выведены из строя. Когда 17 декабря Киммель отправился в последний этап своего плавания, и «Невада» и «Мэнли» остались на острове Гуам. Остались также и корабли из транспорта для прикрытия поврежденного линкора.

Второе оперативное соединение Брауна и Третье оперативное соединение Флетчера в своих метаниях по Тихому океану не смогли обнаружить ни единого японского судна, хотя авиагруппа с «Лексингтона» и подвергла сильной бомбардировке маленький японский аэродром на острове Сайпан 24 и 25 декабря. Военный план «Орандж» предусматривал воссоединение группы авианосцев с первым оперативным соединением в финальной стадии плавания, но Киммель, думая о том, как бы свести к минимуму угрозу, исходящую от авианосной авиации противника, приказал Брауну и Флетчеру объединить свои группы 29 декабря, приблизительно в 300-х милях точно на запад от аэродрома Легаспи на Лусоне. Затем они должны были проследовать под командованием Флетчера в зону между островами Формоза и Лусон и определить для быстро приближающегося Первого оперативного соединения Киммеля позицию японского Объединенного флота.

Если бы, согласно приказу, авианосцы объединились в 8:00 29 декабря, то существовала слабая вероятность того, что они пережили бы атаку, которая сокрушила их поодиночке. Но 28 декабря Флетчер снова затормозил продвижение своего соединения, чтобы осуществить дозаправку, несмотря на тот факт, что баки «Саратоги» были заполнены более чем наполовину. Впервые он осознал положение дел в 9:37 на следующий день, находясь в целых восьми часах хода к югу от второго оперативного соединения. Когда он получил радиограмму с «Лексингтона», в которой сообщалось: «Атакован большим количеством японских самолетов с авианосцев. Где Третье оперативное соединение? Весь мир в изумлении» — Флетчеру оставалось только воскликнуть: «Самолеты с авианосцев! Какие еще авианосцы могут быть у них?»[48] Наконец, приказав соединению развить предельную скорость, Флетчер изменил маршрут своих разведывательных самолетов и попытался связаться с Брауном. Мир никогда не узнает в точности, что произошло со Вторым оперативным соединением. Как ухитрился «флот-призрак» вице-адмирала Нагумо Чуичи, состоящий из шести авианосцев быстроходной ударной группы, застать Вильсона врасплох? Почему Нагумо продолжал наносить удары по противнику после того, как был потоплен «Лексингтон»? И почему не было предпринято никаких попыток спасти тысячи выживших, которые были брошены в кишках акулами тихоокеанских водах? Что нам известно, так это то, что авианосец, три крейсера, восемь эсминцев и два быстрых танкера подверглись восьмичасовой атаке с воздуха. Возможно, лучше и не думать о страданиях членов экипажей, пережитых ими до того, как они были съедены акулами или погибли от обезвоживания организма.

После ужасов, пережитых Вторым оперативным соединением, гибель «Саратоги» кажется почти несущественной. 29 декабря в 16:28 один из самолетов-разведчиков Флетчера (перед тем как его уничтожили) сообщил о четырех тяжелых японских авианосцах приблизительно в 250-ти милях на запад-северо-запад от Третьего оперативного соединения. Флетчер быстро нанес сильный удар, оставив всего шесть бомбардировщиков для боевого воздушного патруля. Во время взлета самолетов для нанесения удара воздушный патруль с «Саратога» сбил японский гидросамолет, однако уже после того, как с гидросамолета сообщили о позиции Третьего соединения. Хотя летчики Нагумо были истощены после уничтожения Второго оперативного соединения, он тем не менее смог организовать небольшую ударную группу, состоящую из шести истребителей торпедами самолетов, двенадцати пикирующих бомбардировщиков и девяти истребителей (в сгущающейся темноте никто бы не смог обнаружить их ни обратном пути). Эта группа обнаружила «Саратогу» в 20:10, быстро смела его патруль и, осуществив три торпедных и по меньшей мере четыре бомбовых попадания, потопила авианосец. Флетчер погиб на своем капитанском мостике. Оставшиеся коабли соединения, переполненные спасшимися с «Саратоги», на предельной скорости пошли к острову Гуам. Что до американской авиагруппы, то она сообщила о потоплении двух авианосцев, пытающихся спрятаться в быстро надвигающемся штормовом фронте, а затем пропала, самолет за самолетом, так, как будто на всех самолетах закончилось топливо. Хотя Нагумо 29 декабря и сообщил о потере 112 из находящихся под его командованием 497 самолетов, он ни словом не обмолвился об американской атаке. По иронии судьбы, два авианосца, об уничтожении которых сообщила авиагруппа с «Саратоги», вполне могли оказаться танкерами, присоединившимися ко Второму оперативному соединению.

«Дер Таг»

Рано утром 30 декабря измученный Киммель получил вести о потере «Саратоги». У него не было никаких известий от Второго оперативного соединения и были все основания полагать, что у Ямамото больше авианосцев, чем первоначально считалось. Киммель столкнулся с дилеммой. Первое оперативное соединение, идущее на максимальной скорости, было всего в сорока восьми часах хода от острова Лусон и менее чем в восьмидесяти часах хода от предположительно безопасной стоянки на Маниле. Отступление в этот момент означало бы не только признание краха военного плана «Орандж», но оно также не гарантировало бы безопасное возвращение на Перл-Харбор для его боевых кораблей, в которых у него все еще было несомненное численное превосходство над японцами и большинство из которых не были повреждены. На капитанском мостике «Аризоны» Киммель, компанию которому составил лишь его помощник Замволт, рассуждал вслух, пытаясь прийти к какому-нибудь решению: «Во-первых, Ямамото будет ждать к северу от острова Лусон, охраняя свой конвой. Во-вторых, сегодня он, должно быть, растратил остатки своей авианосной авиации, — что у него осталось, Замволт? Пара авианосцев из конвоя? В-третьих — черт, в-третьих, я совсем не хотел бы, чтобы меня вспоминали, как вспоминают Шеера. Тебе знакома эта история, лейтенант? С 1914 по 1916 немецкий военно-морской флот ждал «Der Tag» — «День», в который они смогли бы померяться силами с британским флотом в одной последней битве — в битве до победного конца или до потери последнего корабля. Но на самом деле у немцев никогда не было преимущества, и когда у Шеера, наконец, появился шанс при Ютланде, он развернулся и убежал. У меня все еще есгь преимущество, лейтенант! Это все еще самый сильный флот, и я не могу просто сбежать с ним»[49].

Таким образом, Киммель, желая избежать осуждения будущих военно-морских историков, продолжил идти к Маниле. В отсутствии прикрытия с воздуха он, однако, решил идти к своей стоянке самым кратчайшим путем — через пролив Суригао. К

сожалению, Киммель и оставшиеся корабли Первого оперативного соединения (девять линкоров, три крейсера и семнадцать эсминцев) уже были обречены — «спасибо» американскому народу, ошибочному военному плану «Орандж» и гению Ямамото.

Экзекуция

30 декабря Ямамото, вскоре после того как ему посоветовали потопить последний американский авианосец, поддерживающий Киммеля, приказал Нагумо медленно продвигаться в южном направлении, обнаружить боевой американский флот и гнать его к проливу Суригао. Нагумо в точности исполнил приказание: 31 декабря стал днем отдыха и реорганизации для усталых, но воодушевленных авиагрупп. 1 января 1942 года в 11:43 его разведывательные самолеты обнаружили американский флот, на всех парах идущий к острову Лусон. При постоянно ухудшающейся погоде Нагумо за весь день смог организовать вылет лишь двух групп самолетов. Одна из них так и не обнаружила флот Киммеля, а другая потопила авианосец «Винсенс» и два эсминца, вывела из строя башню на корме «Нью-Мексико» и подвергла жестокой атаке «Оклахома» и «Теннесси». По наступлении темноты Нагумо продвинулся на северо-запад и сосчитал свои потери: еще семьдесят два самолета пали жертвой сильного зенитного огня или несчастного случая, доведя его потери до 184-х из первоначальных 497 самолетов. Зная, что судьба американского флота теперь находится в руках его замечательного шефа, Нагумо пошел на встречу с силами вторжения, целью которых были Гуам и остров Уэйк.

Пользуясь темнотой, более или менее прикрывающей пострадавшее в бою Первое оперативное соединение (на «Оклахома» и «Теннесси» все еще не потушен огонь), Киммель организовал быстрый проход своего флота через относительно узкий пролив Суригао. Три эсминца пикетировали авангард из крейсеров «Чикаго» и «Августа», сразу за которыми шли «Айдахо», «Нью-Мексико» и «Калифорния». Около тысячи ярдов отделяло авангард от оставшихся линкоров, которые возглавлял Киммель на «Аризоне» и сразу за которыми шли два горящих судна под присмотром четырех эсминцев. Оставшиеся два дивизиона эсминцев выстроились в 1500 ярдах слева и справа по борту от авангарда. 2 января к 1:30 казалось, что Первое оперативное соединение, включая отстающие корабли, изможденный экипаж которых наконец узнал цену всем «радужным картинам», нарисованным перед войной, успешно пересекло узкий пролив.

Ямамото, не привлекая внимания, собрал свой Объединенный флот, состоящий из шести линкоров, которыми командовал он сам с суперлинкора «Ямато», восьми тяжелых крейсеров, четырех легких крейсеров и сорока двух эсминцев. 1 января, в шторм, его тяжелые корабли под прикрытием легкого крейсера и двенадцати эсминцев патрулировали западный вход в пролив Суригао. Ближе к входу, готовые нанести удар по приближающемуся соединению, расположились три дивизиона по десять эсминцев, каждый из которых возглавлял легкий крейсер. Несмотря на то что у него была доминирующая позиция и перевес в легких кораблях, Ямамото беспокоила погода, но к полночи фронт прошел, и с гидросамолета с авианосца «Тоне» сообщили об американском флоте, нестройные порядки которого шли через узкий пролив с двумя горящими судами, следующими за основными силами. В 1:48 2 января, расположившись прямо напротив американского «Т» на расстоянии всего в 12 000 ярдов, Ямамото просигналил кодовые слова: «Тора! Тора! Тора!» Это было сигналом для эсминцев, которые украдкой шли по флангам Первого оперативного соединения — запустить свои торпеды по противнику. Действие описывает капитан Хара, чей «Амацукадзэ» (еще не вполне оправившийся после событий у Трука) находился в составе дивизиона эсминцев, находящегося где-то в 4000 ярдах слева от американцев:

«Тигр! Тигр! Тигр! Безлунная ночь и темный берег за нами скрыл нас от противника, в то время как только наш дивизион запустил свыше восьмидесяти торпед «лонг ланс» по кораблям противника Я целился в третий и четвертый линкоры в их втором эшелоне. В течение нескольких секунд и задолго до того, как наши торпеды могли бы достичь своих целей, между авангардом противника и вторым эшелоном начали вздыматься столбы воды. Вскоре последовали удары: два горящих корабля, «Оклахома» и «Мэрилэнд» [на самом деле «Теннеси»], выдали местонахождение судов, идущих впереди них. Американцу кажется, запаниковали — в их дивизионе, идущем слева, столкнулись два эсминца. С помощью залпового огня мы увеличили их смятение... Затем американские корабли исчезли в стене воды и пламени! Очевидно, торпеды, запущенные нашим и левым и правым дивизионом, попали в цель в одно время. После того как туман и дым рассеялись, один из американских линкоров просто исчез («Вест Вирджиния»), второй превратился в черепаху («Мэрилэнд»), а третий, у которого отсутствовал нос вплоть до первой башни, был окружен горящим топливом и быстро шел ко дну («Калифорния»).

Позже я узнал, что в каждый из американских линкоров попало по меньшей мере по одной торпедой, и вполне вероятно, что наш первый залп уничтожил также один крейсер и пять эсминцев. Именно тогда я решил больше никогда не подниматься на борт боевого корабля. После этого ночного боя (второго для меня) я знал, что торпеды «Лонг ланс» положили конец их господству на море...»[50].

То, что Хара посчитал паникой, было на самом деле результатом попадания двух крупнокалиберных снарядов, выпущенных, вероятно, с «Харуна», в капитанский и сигнальный мостики на «Аризоне». Все находящиеся на мостике погибли сразу, и флагманский корабль, лишенный управления, начал медленно поворачиваться вправо. Хотя контроль за управлением быстро восстановили, худшее уже произошло. Оставшиеся во втором эшелоне суда, так же как идущий слева дивизион эсминцев, нарушили стройность рядов, очевидно, пытаясь следовать за неожиданным маневром.

Что еще хуже для Первого оперативного соединения, залп смертельно ранил Хасбэнда Киммеля, который почти тут же скончался, по-видимому, после того, как отдал шепотом свои последние приказы лейтенанту Замволту. Затем, впервые в истории, лейтенант принял командование современным линкором во время боя. В то время, как на «Аризоне» полыхали надстройки, Замволт, сам тяжело раненный, приказал младшему офицеру послать сообщение флоту с приказом на максимальной скорости самостоятельно продвигаться в сторону Манилы. После, при помощи двух рядовых, он поднялся на капитанский мостик. Там он обнаружил, что и штурвал, и связь с кораблями не повреждены, и взял на себя управление линкором, поведя его через линию кораблей Ямамото к Манильскому заливу, подвергаясь постоянной опасности быть или заживо спаленным, или упасть без сознания от потери крови. «Аризона» также нанесла ущерб японцам: ее уцелевшие орудия превратили крейсер «Юбари» в тонущую груды металла, и Замволт, как это ни удивительно, уходя из ловушки Ямамото, смог протаранить эсминец «Сиракумо», разрезав его почти пополам[51].

Вместе с флагманским кораблем Первого оперативного соединения ушли два эсминца и чудесным образом не понесший никаких потерь крейсер «Августа». «Техас», идущий сразу за «Аризоной», также смог пройти сквозь строй японских кораблей, но опрокинулся часом позже, после того как поспешно заделанная у острова Уэйк пробоина дала течь, что добавило тонны воды к уже имеющейся в результате двух торпедных попаданий. Если бы не героические усилия линкоров из авангарда («Айдахо» и «Нью-Мексико»), ни одному из этих судов не удалось бы бежать. Скорость «Айдахо» из-за залитых котлов упала вдвое, и капитан Марк Смит, вместо того чтобы бежать, развернул свой корабль

параллельно кораблям Ямамото. Кэптен Эдвард Кумбс на «Нью-Мексико» последовал его примеру, несмотря на то что 14-градусный крен его корабля не давал возможности вести огонь из оставшихся на корабле главных орудий. За жизненно необходимые полчаса эти два судна приняли на себя огонь шести японских линкоров и их прикрытия, и в это же время Смит нанес удар по линкору «Мутцу», а вспомогательные орудия Кумбса били по всем судам, которые были в пределах досягаемости. После того как «Мутцу» потерял управление и затонул (единственный ведущий корабль, потерянный японцами в сражении), «Нью-Мексико», в конце концов, из-за ранее полученного торпедного попадания накренился на бок в 2:22. Не прошло и минуты, как снаряд с «Ямато», по-видимому, попал в погреб боеприпасов на «Айдахо». Корабль развалился на две части и затонул за несколько минут[52].

Идущие позади Первого оперативного соединения «Оклахома» и «Теннесси» так и не восстановились от повреждений, нанесенных им днем ранее авиацией Нагумо. 1 января на линкорах были добровольно затоплены несколько отсеков, множество отсеков второстепенной важности полыхали в огне, и еще вода поступала через пробоины от японских торпед «Лонг ланс». Линкоры попытались выйти из сражения и уйти на запад. После того как Ямамото уничтожил американский авангард, он бросился в погоню. К 4:30 оба линкора и их конвой пали под ударами торпед и крупнокалиберных снарядов.

На рассвете воды пролива Суригао были покрыты остатками сражения: разлитое топливо, дым, разбросанные обломки кораблей и моряки — живые и мертвые. Победа была одержана, и Ямамото, подсчитав свои потери (один линкор, один крейсер и четырнадцать эсминцев), продолжил воевать. Японцы не предприняли почти никаких усилий с целью спасти выживших американцев, хотя сотни из них умудрились выплыть на берег в течение следующих четырех дней. Большинство из них было немедленно захвачено в плен. Менее ста человек добралось до контролируемой деморализованной армией Макартура территории, которая неуклонно сокращалась.

Что до четырех выживших судов из Первого оперативного соединения, то Манила не смогла предоставить им ожидаемого убежища. Они опять подверглись атакам противника. 4 января массированный рейд японских наземных бомбардировщиков завершился взрывом погреба боеприпасов на «Аризоне». Охваченный огнем, линкор быстро увяз в мелком иле гавани[53]. На следующий день оба эсминца пали жертвами бомбардировщиков-торпедоносцев. Каким-то образом крейсер «Августа» опять смог выйти невредимым из побоища, но только для того, чтобы 6 января, в день, когда Макартур, наконец, оставил порт, быть затопленным собственным экипажем.

Бесславный день, который останется в истории

7 января 1942 года президент Рузвельт санкционировал разглашение информации относительно поражения американского флота на Филиппинах. Соединенные Штаты были охвачены паникой, ведь это государство никогда не переживало внезапного поражения такого масштаба. Многие тысячи американских семей оплакивали своих отцов и сыновей, боясь, что они погибли в сражении. Газеты подогревали панику и страх слухами о том, что японский флот подошел к Гавайским островам и тихоокеанскому побережью. В промежутках между сообщениями об успехах в Европе стран Оси радиообозреватели составили список из нескольких судов, оставшихся в тихоокеанском флоте. А в Вашингтоне Рузвельт и его советники столкнулись с необходимостью принять одно из самых трудных решений, какое только когда-либо надо было принять правительству.

Они признали, что потребуются месяцы, если не годы, чтобы возместить американские потери в боевой технике. Но потеря военно-морских кадров приведет еще и к проблемам в обучении новобранцев для новых кораблей. Вдобавок в предвоенных переговорах с Великобританией Рузвельт уже обязал Соединенные Штаты придерживаться стратегии, направленной на вывод из войны в первую очередь Германии. Не поднимая вопросы морали (которых было много), фашистское господство в Европе подрезало бы крылья американской экономике, только еще ностанавливающейся после Великой депрессии. Без сильного военно-морского флота нельзя было защитить Филиппины и американские острова, находящиеся недалеко от Японии. Без кораблей Соединенные Штаты также не могли предоставить достаточную помощь британскому Содружеству на тихоокеанском театре военных действий. Могли ли японцы осуществить успешное вторжение на Гавайские острова? Вероятно. Могли ли они осуществить вторжение на западное побережье Соединенных Штатов, используя Гавайи как базу для флота? Вероятно, нет. Но Императорский японский военно-морской флот мог бы положить конец американской навигации в Тихом океане, а ведь она снабжала сырьем большую часть промышленности Соединенных Штатов. С другой стороны, могла ли Великобритания справиться с немецкими подлодками без помощи американской навигации и американского военно-морского флота? Вероятно, нет. Будут ли американцы сражаться? В состоянии ли они оправиться от страха и паники, охвативших нацию? Без сомнения! В конечном счете, Рузвельту надо было ответить на один ключевой вопрос: в состоянии ли Соединенные Штаты возглавить стремление Европы освободиться от господства стран Оси и одновременно вести войну против Японии — войну, которая угрожала Америке, войну на море, которая в ужасно короткие сроки поглотила бы людей, боевую технику и национальное благосостояние?

12 января 1942 года после завершающей встречи с представителями британского правительства утомленный президент Рузвельт приказал Макатуру добиваться прекращения огня и вместе с представителями Британии на дальнем Востоке начать переговоры с японским правительством. Месяц спустя он обратился к американскому народу и произнес слова, ставшие бессмертными: «12 февраля 1942 года, в этот бесславный день, который останется в истории, генерал Дуглас Макатур и представители наших европейских союзников на борту «Невады» на острове Гуам подписали перемирие с Японией. Этот мир необходим для того, чтобы мы могли вести борьбу против фашизма в Европе; но мы никогда не забудем Суригао!»[54] Военный план «Орандж» провалился. В качестве вознаграждения японцы потребовали Филиппины, хотя это и позволило Соединенным Штатам сохранить остров Гуам и остров Уэйк (оба были демилитаризованы). Великобритания неохотно согласилась на постепенный отход с Дальнего Востока в обмен на торговые концессии с Индией и гарантии безопасности для Австралии и Новой Зеландии. К концу 1942 года Япония смогла установить свою «Великую азиатскую сферу процветания», простирающуюся от островов Гилберта до Индонезии, Индии и Китая. После краха Германии в начале 1945 года мир быстро поляризовался: Япония и ее марионетки выступили против всего остального мира, ведомого США, Великобританией и их неудобным коммунистическим партнером — СССР. Речь Уинстона Черчилля 1947 года, в которой он упомянул «бамбуковый занавес, спускающийся на Азию и Тихий океан», по общему мнению, стала обозначать начало короткой холодной войны Восток — Запад, которая завершилась серией внутренних революций, возглавляемых такими героями, как Мао, Ганди и Хо, а также имеющей неверное название шестидесятиминутной войны 1953 года. Но это, как неизменно говорят рассказчики, уже другая история.

Реальность

Трудно представить себе какие-либо обстоятельства, которые бы позволили Японии одержать победу (в любой форме) во Второй Мировой войне. Даже Ямамото, главный японский военно-морской стратег, знал, что промышленная мощь Соединенных Штатов должна восторжествовать в долгосрочной борьбе. В этом безнадежном сценарии для Ямамото лучшим шансом казался Перл-Харбор. Но Перл-Харбор был едва ли больше, чем укус пчелы в ногу спящего великана, который разбудил и промышленную мощь Америки, и личное стремление к победе среди американцев, что в конечном счете обрекло Японию и позволило Соединенным Штатам поддержать их союзников в разгроме европейского фашизма.

Лишь необыкновенная опрометчивость американских военных могла бы предоставить Японии возможность победить. В государстве, в котором гражданское руководство определяло окончательное развертывание военных сил и их стратегию (слишком часто в ущерб молодым, низкооплачиваемым и зачастую недооцениваемым американским военным), эту опрометчивость, кажется, более чем разумно приписать американским политикам. Все, что последовало за решением Рузвельта привести в исполнение давно заброшенный и страдающий серьезными изъянами военный план «Орандж», конечно, является вымыслом. На самом деле США четко следовали довоенному плану, направленному на постепенное ослабление Японии, которое бы завершилось вторжением на их острова, если бы не взрыв атомной бомбы. К счастью, должное использование промышленного потенциала США ускорило ход Тихоокеанской войны: боевой техники было достаточно, чтобы в первую очередь поддерживать Европу и при этом превосходить японцев в количестве кораблей, самолетов и бомб.

Окончательной идеей (критичной в отношении к этой гипотетической победе), которую необходимо донести до читателя, является концепция гражданской морали или «национальной воли» к продолжению борьбы. Войне присущи определенные «кривые знания». Мы знакомы с подобными «кривыми», действующими на поле боя: хорошее знание определенных навыков повышает шансы выживания индивида. Но и очень далекие от поля боя гражданские лица, кажется, тоже подвержены действию «кривых знания»: процесс постепенного привыкания к постоянно растущему списку потерь, так же как к индивидуальному самопожертвованию. На самом деле Перл-Харбор стал небольшим шоком, который запустил процесс акклиматизации к войне. Без небольшого шока, который подготовил американцев к большим потерям, не была ли бы их воля к сопротивлению постепенно ослаблена ужасными потерями, теоретически допущенными в этой альтернативной линии развития истории? Вполне возможно. Во всяком случае, она могла бы быть ослаблена до степени, достаточной для того, чтобы принять быстро подготовленный мир, который, в конце концов, был единственным реальным шансом Японии на победу в Тихом океане.

Франк Р. Ширер. ПЕРЛ-ХАРБОР

(Неизбежное поражение)

День 7 декабря 1941 года стал «Днем позора» не столько из-за внезапной атаки японской авиацией острова Оаху, сколько из-за того, что американские силы проспали на своих постах нападение на Гавайи. Хорошо спланированное нападение имело полный успех, так как американцы боялись саботажа «пятой колонны» больше, чем атаки с воздуха, возможность которой флот Соединенных Штатов доказал еще в 1933 году. Командование на Гавайях считало, что если Япония выступит против Соединенных Штатов, она нападет прежде всего на Филиппины, чтобы обезопасить свой левый фланг при продвижении к месторождениям нефти Голландской Вест-Индии.

Адмирал Исороку Ямамото был назначен командующим Объединенным флотом Японии. Перед ним стояла задача захватить природные ресурсы, которые были необходимы стране. Адмирал понимал, что для продвижения в Индонезию потребуется время и, чтобы выиграть его, придется создать угрозу выдвинутому на Гавайи американскому Тихоокеанскому флоту. План нападения был создан командером Минори Гэнда. Гэнда сформировал оперативное соединение из шести авианосцев, сопровождаемых быстроходными линкорами, крейсерами, эсминцами и танкерами. Этот ударный флот должен был двигаться вне регулярных морских трасс через северную часть Тихого океана, чтобы внезапно выйти в расчетную точку, находящуюся в двухстах милях северо-западнее островов Оаху. В этой точке флот выпускал в два приема около 400 самолетов: торпедоносцев, горизонтальных бомбардировщиков, новейших истребителей типа «Зеро». В тихое воскресное утро эти силы должны были атаковать американский Тихоокеанский флот. Последний утвержденный боевой приказ намечал возможность нанесения дополнительных ударов[55].

Первый воздушный флот, состоящий из 1-й («Акаги» и «Кага»), 2-й («Сюрю» и «Хирю») и 4-й («Рюдзе») дивизий авианосцев, был ядром атакующего соединения. Летом 1941 года из состава флота исключили «Рюдзе», который нес устаревшие истребители типа «96» («Клод»), зато включили 5-ю дивизию авианосцев, состоящую из новейших кораблей «Секаку» и «Дзуйкаку». Командование ударным флотом получил вице-адмирал Тюити Нагумо, который не был знаком с военно-морской авиацией. Нагумо, старший по возрасту из вице-адмиралов, ранее специализировался по торпедным атакам и действиям надводных сил.

Нагумо мучили дурные предчувствия, атаку он считал рискованной. Он сказал главнокомандующему, что будет очень сложно придерживаться расписания, пересекая 3000 миль океана. Еще сложнее — заправлять горючим эсминцы сопровождения в бурных холодных водах северного Тихого океана. Кроме того, существует возможность быть обнаруженными американскими подводными лодками, авианосцами или базовой авиацией. Нагумо также обратил внимание на результат стратегической игры, проведенной в августе 1941 года: два его авианосца затонули, а два были повреждены, причем потеряно сорок процентов их экипажа. Однако он сказал, что будет выполнять приказы и обеспечит командование Первым воздушным флотом.

На протяжении десяти дней флот следовал северными тихоокеанскими водами. Нагумо вышел необнаруженным к последней точке заправки, располагавшейся в 600 милях к северу от острова Ланай. Это произошло в 05:30 шестого декабря 1941 года. После того как дозаправка авианосцев, крейсеров и эсминцев была завершена (08:30), танкеры ушли к точке встречи, которая должна была состояться 13 декабря западнее острова Мидуэй. Три часа спустя вице-адмирал Нагумо, поднял знаменитый флаг Z, под которым адмирал Того шел в Цусимское сражение, приказав флоту полным ходом (24 узла) следовать в район выпуска самолетов. Рубеж атаки в 240 милях к северу от Перл-Харбора должен быть достигнут к 06:00 следующего дня. Нервничая, что он будет обнаружен, Нагумо запретил все разведывательные полеты в этот последний день. Ни один самолет-разведчик не будет поднят в воздух до следующего утра, когда они проведут последний перед нападением поиск, чтобы определить, где находится флот Соединенных Штатов: на резервной стоянке Лахана или в Перл-Харборе, а также — в порту ли американские авианосцы «Лексингтон» и «Энтерпрайз».

Перл: Тихая суббота

6 декабря, в субботу, американская армия и флот на Гавайях приводили в порядок свое снаряжение после недели учений. Линкоры готовились к адмиральской инспекции, которая начиналась с понедельника^{1}.

Команды провели день, открывая горловины в двойном дне и водонепроницаемые двери: обычно и те и другие были закрыты даже в порту, ночью же — неукоснительно. 24-я и 25-я пехотные дивизии, а также командование береговой артиллерии, которому подчинялись также зенитные батареи, чистили свое снаряжение и возвращали боеприпасы на склады для надлежащего хранения. Прошедшая неделя прошла по форме готовности №3 (полная готовность) для армейских подразделений, хотя немногие местные жители заметили это.

Вечером солдаты и моряки, офицеры и рядовые получили увольнение и направились отдыхать в города Перл и Гонолулу, чтобы расслабиться перед выходными. Три оперативные группы до сих пор находились в море. «Энтерпрайз» (TF8)^{2} возвращался от островов Уэйк, куда он доставил эскадрилью F4F-2 «Уайлдкэт»; после тяжелой непогоды 5 декабря он вышел 6-го в сравнительно спокойные воды: авианосец ждали в гавани Перл-Харбора к 08:00 воскресенья. «Лексингтон» (TF12) направлялся к острову Мидуэй, куда он должен был доставить эскадрилью пикирующих бомбардировщиков. TF3, состоящее из крейсера «Индианаполис» и пяти эсминцев, патрулировало в районе острова Джонстон.

В это время из Сан-Франциско на Гавайи вылетели шестнадцать В-17 (восемь модели С и восемь модификации Е с неполным экипажем, без боеприпасов и с законсервированным вооружением). На островах они должны заправиться, команда — отдохнуть, а затем они продолжают перелет на Филиппины. Их прибытие ожидалось в воскресенье утром в 08:30 по гавайскому времени.

В Вашингтоне департаменты армии и флота получали сообщение из четырнадцати частей, которое Токио посылало в свое посольство^{3}. Оно должно было быть доставлено президенту, секретарям армии и флота, командующему морскими операциями адмиралу Гарольду Р. (Бетти) Старку и начальнику Генерального штаба генералу Джорджу С. Маршаллу. Однако сообщение не было доставлено адресатам до следующего утра. Поэтому никто не смог предупредить командование на Гавайях, чтобы дать им хотя бы несколько часов, чтобы подготовиться к возможной атаке японцев^{4}.

7 декабря. Предупреждение в последний момент

Сразу после полуночи 7 декабря последняя четырнадцатая часть сообщения была получена в Вашингтоне, где была дешифрована и оставлена до утра для перевода и доставки адресатам. Лейтенант-командер Элвин Д. Крамер (Управление военно-морской разведки)[56] и полковник Руфус С. Браттон (армейская разведка), которые разделяли обязанности по распределению дешифрованных сообщений из Японии, прибыли в свой офис в Военно-Морском департаменте к 09:00 по времени Восточного побережья (03:30 времени Перл-Харбора).

Они перевели четырнадцатую часть и готовили копии для доставки. Утром адмирал Старк был в своем кабинете, в то время как генерал Маршалл направился на утреннюю выездку в Форт-Мейр в Виржинии.

Пока два офицера работали с переводом, минный тральщик «Кондор» сообщил, что заметил подводную лодку в запретной области в непосредственной близости от Оаху. Он уведомил ближайший эсминец «Уорд» в 03:42 по времени Перл-Харбора (09:12 времени Восточного побережья). После бесполезных поисков до 04:35 «Уорд» вернулся к своему

обычному патрулированию у входа в гавань. Он не обнаружил пять подводных лодок класса «I», которые находились вне канала. Они уже выпустили двухместные подводные лодки-малютки, которые должны были проникнуть в Перл-Харбор, чтобы помочь надвигающейся атаке.

Старк предупреждает Киммеля

Лейтенант-командер Крамер шел по коридору здания департамента флота к офису командующего военно-морскими операциями. Он передал сообщения командеру Артуру Х. Макколуму, руководителю подразделения военно-морской разведки в восточном секторе в 10:00 по времени побережья. Крамер указал ему на то, что 13:00 по восточному времени — это 07:30 на Гавайях и 02:00 на Филиппинах¹⁵. Затем Макколум отправился с текстами послания в Белый дом и в Государственный департамент. Он передал тексты адмиралу Старку и руководителю начальнику морских операций Теодору С. Вилкинсону. На протяжении нескольких минут сообщения были прочитаны дважды. Наконец кэптен Вилкинсон сказал: «Здесь написано достаточно, чтобы понять: мы можем ожидать войны».

Адмирал Старк согласился. Затем Вилкинсон предложил: «А почему бы вам не позвонить Киммелю?» Наступила пауза, затем Старк связался с Киммелем по закрытой линии¹⁶. Его звонок разбудил Киммеля в 05:15 по времени Перл-Харбора. Старк коротко рассказал Киммелю о содержании четырнадцатой части послания¹⁷: дипломатические отношения между США и Японией могут быть прерваны. Он также рассказал ему, что японскому посольству приказано уничтожить все коды и шифровальные машины. Киммель спросил, что это означает для Гавайев. Старк ответил, что не знает, однако опасается, что может произойти нападение, так как японское консульство в Гонолулу также получило приказ уничтожить все коды и бумаги¹⁸. Киммель вспомнил о словах кэптэна Лейтона, который упомянул при встрече с ним в субботу, что в консульстве жгли много бумаг. После вопроса о статусе флота Киммель ответил, что корабли находятся в гавани и готовятся к инспекции следующим утром,

Старк разразился гневом:

— Вы что, не получили сообщение от 27 ноября: «Это военное предупреждение, подготовьтесь к обороне»?

— Да, но я думал, что вы имеете в виду стратегическую оборону¹⁹, я предполагал развернуть флот после начала военных действий, — ответил Киммель.

— Нет! — воскликнул Старк. — Я ожидал, что ты примешь все необходимые меры по подготовке флота к войне, включая оборону кораблей, находящихся в гавани. Разве ты не помнишь военные игры адмирала Шоффилда в 1933 году? Я думал, ты там был.

— Нет, но припоминаю кое-что, не там ли он ударил по Перлу авианосцами?

— Да, он ударил с севера. Твоя первая обязанность — защитить флот и все, что находится в гавани.

— У меня флот в готовности №3, но я собираюсь проводить инспекцию завтра. Большинство линкоров подготовлены для этого. Я надеюсь, что Блох и Шорт присмотрят за обороной гавани.

— Ты бы лучше привел флот в готовность «Зет» да отозвал народ из увольнений — на всякий случай, — посоветовал Старк. — Кэптэн Макколум говорит, что, по его мнению, японцы атакуют наш флот здесь, в Перл-Харборе, иначе он станет угрозой для них, когда они пойдут на Филиппины.

— Я позвоню Блоху и моему начальнику штаба, как только мы закончим сбор командования флота по тревоге, — ответил Киммель. — Нам потребуется два или три часа, чтобы полностью подготовиться, и четыре часа, чтобы развести пар в котлах и выйти в море. Я надеюсь, что мы сможем поднять в воздух несколько РВУ^{10}. Я помню, как Элис Захариас говорил мне еще в мае, что, по его мнению, японцы атакуют Перл-Харбор авианосной авиацией с северо-запада^{11}. Я проводил поиск в этом направлении.

— У тебя может не быть столько времени, — сказал Старк. — Но я надеюсь, что все это закончится как обычные учения, из-за которых всего лишь пойдут обычные ворчания об испорченных выходных.

— Да, сэр. Разрешите попрощаться и созвать своих людей, — сказал Киммель.

— Удачи[57].

Киммель вызвал командующего 14-го военно-морского района, контр-адмирала Клода С. Блоха, и приказал ему объявить тревогу и уведомить командира 2-го патрульного крыла, контр-адмирала Патрика Н.Л. Белинджера, чтобы он выпустил летающие лодки как можно скорее. Они должны были вести поиск в северном направлении, от 60 до 0 градусов, на расстоянии 700 миль^{12}. Он закончил на том, что встретится с Блохом в штабе в 06:00.

2-е патрульное крыло Белинджера находилось в готовности Б-5, что означало, что 50 процентов летающих лодок могут взлететь в течение четырех часов. В действительности у американцев оставалось меньше двух часов, чтобы подготовиться к атаке. Киммель быстро оделся и направился в штаб. Он уже забыл о запланированной игре в гольф с генерал-лейтенантом Шортом и даже не позвонил командующему сухопутными силами на Гавайских островах, чтобы ее отменить.

Пока на Гавайях происходили все эти события, японцы выпустили первую атаковую волну из 183 бомбардировщиков и истребителей «Зеро».

Поскольку американский флот получил предупреждение, экипажи линкоров проверяли герметичность люков, и приводили корабли в боевой, а не инспекционный порядок. В это время буксир «Антарес» заметил неподалеку от входа в гавань неопознанную подводную лодку. Он сообщил на «Уорд», который по-прежнему находился на патрулировании. Приближаясь к «Антаресу», «Уорд» обстрелял подводную лодку из орудий и потопил ее в пять минут. В 06:51 лейтенант Уотербридж, капитан «Уорда», доложил: «Неизвестная подводная лодка потоплена глубинными бомбами в закрытом районе моря». Командование 14-го военно-морского района немедленно направило это сообщение адмиралам Блоху и Киммелю.

В 06:45 первые эскадрильи пикирующих бомбардировщиков SBD-3 «Доунтлесс» и торпедоносцев TBD «Девастейтор» с «Энтерпрайза» начали приземляться на остров Форд. Их прибытие было первым признаком того, что «Энтерпрайз» находится рядом с гаванью^{13}. Киммель приказал ему соблюдать радиомолчание, поэтому не мог знать о времени его прибытия. По расчету, корабль должен прийти еще вчера, но он попал в зону

плохой погоды. Он уведомил командующего соединением вице-адмирала Уильяма Ф. Хелси младшего, чтобы он держал TF8 к югу от островов Оаху. Он также сообщил Хелси, что его самолеты будут заправлены горючим, перевооружены и возвращены на авианосец. Он также повторил, что соединение Хелси должно поддерживать полное радиомолчание.

Воздушные силы на Гавайях

В то время, как адмирал Киммель поднимал по тревоге флот, генерал-лейтенант Шорт продолжал спокойно спать, так же как и генерал-майор Фредерик Л. Мартин, командующий военно-воздушными силами на Гавайях[58]. В 06:45 контр-адмирал Белинджер разбудил Мартина телефонным звонком. Он сообщил ему о предупреждении из Вашингтона и сказал, что запускает свои летающие лодки осмотреть северные подходы к островам. Он хотел узнать, работают ли армейские радарные установки на северной стороне острова около Опапа-Пойнт и Кааавы и укомплектован ли центр раннего оповещения об атаках с воздуха. Мартин сказал, что трем участкам назначено работать только до 07:00, и что центр укомплектован только «в принципе». Белинджер сказал, что вышлет к нему офицера связи военно-морского центра раннего оповещения, отвечающего за координацию действий со всеми подразделениями морской авиации.

Ранее в этом году Мартин уже работал с Белинджером, разделяя с ним ответственность за воздушную разведку и защиту островов от ударов с воздуха. Флот отвечал в основном за разведку, армия обеспечивала противовоздушную оборону. Количество В-17 у Мартина сократилось с тридцати пяти в мае всего до дюжины сейчас: двадцать три самолета было в сентябре направлено на Филиппины, где вошли в состав ВВС Дальнего Востока. Шесть из оставшихся служили в качестве источника запасных частей для В-17, перегоняющихся из США на Филиппины, и, естественно, не были способны подняться в воздух. Еще у Мартина было тридцать три устаревших В-18 (всего 21 из них мог летать), которые могли обеспечить какую-то разведку[59]. Этим сорока пяти самолетам было далеко до тех ста восьмидесяти В-17 (или аналогичных самолетов), которые, как было установлено на учениях годом раньше, были необходимы для того, чтобы обеспечить разведку в 360-градусном секторе и надежно защитить острова от возможной атаки со стороны шести неприятельских авианосцев[60].

У 14-го истребительного крыла было четыре эскадрильи перехватчиков и четыре эскадрильи истребителей сопровождения, размещенные на армейском аэродроме Уиллер. Истребительные силы армии насчитывали 99 современных истребителей Р-40 модификаций В и С и 39 Р-36А, но только 64 Р-40 и 12 Р-36 были готовы к полетам этим воскресным утром. У Мартина было две эскадрильи Р-40 (по 12 самолетов в каждой), временно направленные на отдаленный аэродром Беллоус (44-я эскадрилья перехватчиков) и аэродром Халейва (47-я эскадрилья истребителей) для тренировок в стрельбе. Генерал-майор Мартин готовился к возможным военным действиям: у него было 120 укрытий для истребителей на аэродроме Уиллер.

Согласно решению генерал-лейтенанта Шорта, готовность № 1 означала, что нужно скорее подготовиться к защите от возможного саботажа, нежели от воздушной атаки. Мартину было приказано сгруппировать все истребители, чтобы они могли быть легко защищены от диверсий минимумом персонала. Были приняты дополнительные меры безопасности: блокировка контрольных панелей всех самолетов (требовалось три или четыре минуты, чтобы ее снять); хранение патронов калибра 0,3 дюйма и 0,5 дюйма отдельно от лент.

Гавайские военно-воздушные силы находились в состоянии четырехчасовой готовности для половины боеспособных самолетов. Понадобится время, чтобы собрать пилотов, подготовить снаряжение и занять позицию, на которой можно вести перехват самолетов вероятного противника. Истребители на аэродроме Беллоус были в плохом состоянии. В субботу утром после недели непрерывных учебных стрельб у них не только не наполнили баки горючим, но и сняли вооружение, чтобы провести полный цикл технического обслуживания пушек и пулеметов в воскресенье. У 47-й эскадрильи Р-40В баки были полны, а оружие заряжено, но у них имелись в наличии только патроны калибра 0,3 дюйма для крыльевых пулеметов и не было калибра 0,5 дюйма для спаренной установки в фюзеляже.

Запоздавшее предупреждение армии

Тем временем в Вашингтоне генерал Маршалл прибыл в офис Военного министерства в 11:30 (06:00 на Гавайях) и увидел, что полковник Браттон ждет его с сообщением из четырнадцати частей. После прочтения он немедленно отослал предупреждение всем командующим на Тихом океане. Все были уведомлены, кроме командующего на Гавайях генерал-лейтенанта Шорта, так как радиосвязь неожиданно оборвалась^[14]. Браттон предложил вместо того, чтобы использовать гражданские каналы, позвонить Шорту по закрытой линии и передать ему предупреждение. Маршалл колебался, так как подозревал, что японцы способны прослушать закодированный телефонный разговор. Полковник сказал, что даже если это и так, то Маршалл всегда может использовать свою встречу с послами Японии Номурой и Курусой у Государственного секретаря Хэлла, назначенную на 13:00, как оправдание для неожиданного повышения боеготовности войск. Все-таки в 06:50 Маршалл позвонил Шорту, разбудив его.

Генерал Маршалл поинтересовался, в каком состоянии готовности находится армия на Гавайях. Шорт ответил: «Тревога номер один!» Маршалла это обрадовало, так как это означало, что войска, зенитные батареи и оборонительные позиции были в минутной готовности.

«Я рад, что вы готовы, — сказал Маршалл. — Это и требовалось. Я не считаю диверсии и саботаж самой большой угрозой этим утром».

Шорт ответил: «Тревога номер один — это как раз борьба с возможным саботажем. Я поменял нумерацию после того, как приехал, поэтому люди здесь отнюдь не предупреждены относительно нападения».

Шокированный этим открытием, Маршалл разозлился: «Ты прекрасно знаешь, что по военным стандартам «Тревога номер один» — это общая боевая тревога. Ты что, поменял военные расписания здесь, на месте? Если да, то у тебя нет разрешения на это! Тебе нужно подготовить своих людей и развернуть все силы немедленно! Возможно, ничего и не будет, но я не думаю, что сейчас у тебя есть время беспокоиться, предупреждены ли гражданские лица!»

Шорт был поражен: «Мы только вчера закончили недельные учения, но — ладно. Я все сделаю».

«Давай надеяться, что ничего не случится, — ответил Маршалл, — потому что это ты поменял процедуру тревоги, и, если что-нибудь случится из-за этого, ты ответишь головой. Я не ожидал, что ты будешь спать вместо выполнения своих прямых обязанностей[61]».

Когда Шорт повесил трубку, телефон тут же зазвонил снова. Генерал-майор Мартин сообщил о звонке контр-адмирала Белинджера и об изменении статуса боеготовности флота. Шорт приказал Мартину привести воздушные силы в состояние полной боевой готовности. План обороны Гавайских островов вступил в действие. Патрули летающих лодок должны были быть усилены, истребители приведены в готовность. Шорт позвонил полковнику Уолтеру С. Филипсу, своему начальнику штаба, и повторил ему инструкции. Было уже 07:15^[15].

Первый удар

Радарная станция на Опана-Пойнт должна была закрыться в 07:00 часов. С утра грузовик не приехал, поэтому операторы — рядовые Дж. Л. Локарт и Дж. Е. Эллиот — решили продолжать тренировку. В 07:02 на экране появилась яркая вспышка. Они оценили, что сигнал означает группу, по крайней мере, из 50 самолетов, находящуюся в 130 милях к северу по азимуту 357. Они продолжали следить задвигающийся к югу мишенью на протяжении 13 минут, перед тем как доложили в оперативный центр, что наблюдают крупную цель, которая находится в 88 милях от Опана-Пойнт и приближается. В это время в центре находился лишь один офицер, лейтенант Кемит А. Тейлор.

Тейлор заключил, что цель представляла собой соединение майора Лэндона из 16 В-17, ожидавшихся этим утром из Сан-Франциско.

Разведчики с японского крейсера «Тонэ» обнаружили «Энтерпрайз» и остальные корабли TF8 в 07:33 и доложили это командующему авиацией капитану второго ранга Футиде. Две минуты спустя разведчик F1M «Пит» с крейсера «Тикума» доложил, что в Перл-Харборе нет авианосцев, но много самолетов палубной авиации взлетает с аэродромов острова Форд или садится там и что корабли на стоянках, кажется, разводят пары. Футида оказался перед проблемой, что делать с этой новой и неожиданной информацией. Он принял решение разделить свои силы между Перл-Харбором и TF8. Футида приказал торпедоносцам и истребителям с «Акаги» и «Сорю» (20 «Кэйт», 18 «Зеро») и двум эскадрильям пикирующих бомбардировщиков с «Дзуйкаку» (18 «Вэл») найти и потопить «Энтерпрайз» с крейсерами сопровождения^[16]. Остальные силы будут атаковать Перл-Харбор, как предполагалось ранее. В 07:45 он выпустил две красные ракеты, означающие, что внезапность потеряна.

Перл-Харбор и Хикем

Половина его воздушной армады начала разворачиваться для атаки Перл-Харбора[62].

В то же самое время, когда японские самолеты-разведчики докладывали о своих наблюдениях, в американский оперативный центр прибыл командер Уильям Тайлор в сопровождении связных офицеров флота. Там находился Кемит Тейлор, которому только что позвонил майор Кеннет П. Бергвист. Бергвист запрашивал, как работают радары и сообщено ли о ближайших целях? Тейлор передал ему информацию с Опана-Пойнт. Бергвист приказал ему позвонить туда и узнать, наблюдается ли еще цель. Пока Тейлор звонил, майор Бергвист позвонил генерал-майору Мартину и спросил его об обнаруженной радаром цели на севере. Мартин сказал, что это никак не могут быть В-17, потому что те идут с другого направления. Мартин затем позвонил на авиабазу Уиллер и приказал поднять все Р-40 и Р-36, чтобы перехватить самолетами врага к северу от Оаху. Бергвист вызвал прямо с завтрака всех операторов Центра. Он также приказал персоналу радарных станций в Каааве и на Коко-Хед продолжить работу после 07:00.

Ресурсы и опыт командера Тайлора и майора Бергвиста были потрачены напрасно из-за отсутствия взаимодействия внутри управленческих структур, безграмотности генерал-лейтенанта Шорта и адмирала Киммеля в вопросах радарной техники и отсутствия централизованного военного контроля воздушного пространства[63]. Последнее сообщение от станции на Опана-Пойнт пришло в 07:39, когда Локарт и Эллиот сообщили, что контакт потерян, так как цель вошла в мертвую зону в двадцати милях к северу от побережья. Как раз после исчезновения засветки на экране радара Футида разделил свою ударную группу.

В это время экипажи самолетов на различных американских авиабазах старались рассредоточить свои машины по летному полю и по возможности подготовить их к бою. Оторванные от покера, в который они играли всю ночь, младшие лейтенанты Кеннет М. Тайлор и Джорж С. Велч были среди пилотов, направленных с базы Уиллер на базы Халейва и Беллоус. Японцы не знали, что существует аэродром Халейва, и не предполагали атаковать Беллоус самолетами первой волны. Разделение ударной группировки привело к тому, что на базу Уиллер вышла только часть первоначально запланированных для этого самолетов.

Девять пикирующих бомбардировщиков «Вэл» и шесть истребителей «Зеро» начали атаку против базы Уиллер в 07:52. «Вэлы» так успешно нанесли удар по складам с горючим и ангарам, что казалось, будто японцы находятся на учениях. Истребители начали обстрел самолетов, находящихся на летном поле. Однако вместо ожидаемых аккуратных рядов самолетов японцы обнаружили всего дюжину Р-40 и Р-36 и четырнадцать вконец устаревших Р-26. Большинство Р-40 «Томогавк» находились в укрытиях и были защищены от непосредственного обстрела. Шесть машин были вытащены на поле, чтобы согласно приказу Мартина перехватить неопознанные самолеты к северу от острова^[17]. Два были сбиты на взлете, остальные успели излететь и вступили в бой с японцами на встречных курсах. В коротком воздушном бою все Р-40 были сбиты, но и японцы потеряли один истребитель. Армейские пилоты не смогли ничего сделать, так как слишком мало знали о японской тактике. Жертва, однако, была не напрасной: японские истребители истратили боеприпасы, что спасло большую часть истребителей на базе Уиллер.

В это время лейтенанты Тайлер и Велч вместе с четырьмя своими приятелями из эскадрильи взлетели с аэродрома Халейва и направились к большой цели рядом с Омана-Пойнт.

В это время на авиабазе Беллоус приводили в порядок вооружение и заправляли истребители. Среди главных аэродромов военно-морской базе Каное повезло больше других: ее не атаковали, так как выделенные для этого истребители и пикирующие бомбардировщики были перенацелены на уничтожение TF8.

Истребители «Зеро» с «Кага» открыли атаку Перл-Харбора, уничтожив к югу от острова Форд шесть «Девастейтеров» с «Энтерпрайза». Еще четыре торпедоносца и три пикировщика «Зеро» сожгли на самом острове. Затем японские истребители прошли путь до аэродрома Эва, где уничтожили несколько истребителей и пикирующих бомбардировщиков ВМС, из числа тех, которые не были отправлены на остров Уэйк и Мидуэй. В 07:55 двадцать семь «Вэлов» с «Акаги» и «Кага» атаковали аэродром Хикэм, уничтожив большинство В-17^[18] и В-18, находившихся вне укрытий. Двадцать оставшихся «Кэйтов» выходили с юго-востока к «линкорному ряду».

Несмотря на своевременное предупреждение, и Хикэм и Уиллер остались без защиты. Артиллерия ПВО, предназначенная для их обороны, все еще находилась на своей базе в Шоффилдских казармах и только готовилась к занятию боевых позиций. Торпедоносцы «Кэйт», однако, были встречены заградительным огнем пулеметов калибра 0,5 и 1,1 дюйма, и 3– и 5-дюймовых орудий кораблей в Перл-Харборе. Этот огонь был не таким смертоносным, каким он станет в более поздние годы войны, когда каждый крейсер и линкор будет нести десятки 20– и 40-миллиметровых зенитных орудий[64].

Линейный корабль «Оклахома» стал мишенью для семи «Кэйтов».

Два были благополучно сбиты, но оставшиеся пропороли линкору борт своими модифицированными торпедами^[19]. Быстрое контрзатопление спасло линкор от опрокидывания, хотя он накренился на 30 градусов. ЛК «Вест Вирджиния» также получил четыре торпеды в открытый борт, однако попадания распределились более равномерно, и он осел, оставаясь на ровном киле. Три оставшиеся «Кэйта» атаковали «Неваду», но два из них были сбиты, а торпеда третьего прошла мимо. «Калифорния» и другие корабли, стоявшие на якорях с восточной стороны острова Форд, избежали атаки, так как самолеты, которые должны были их атаковать, действовали против TF8.

Через несколько минут после удара торпедоносцев над гаванью появились горизонтальные бомбардировщики. Вместо бомб они несли специально модифицированные 14-дюймовые бронебойные снаряды с линкоров. Их мишенями были ЛК «Мэриленд», «Теннесси» и «Аризона». Долгие часы тренировок сыграли свою роль: все корабли противника получили попадания. В 08:20 младший офицер «Сорю» Нобори Канаи добился прямого попадания в носовой снарядный погреб «Аризоны». Взрыв не только уничтожил сам корабль, но и убил много моряков с других кораблей. Адмирал Киммель в полном шоке смотрел из своего штабного кабинета, как гордость его флота тонет в сорокафутовых водах Перл-Харбора — сорок футов воды всегда считались слишком малой глубиной, не позволяющей осуществлять торпедные атаки.

«Энтерпрайз» обнаружен

Импровизированная ударная группа под командованием капитан-лейтенанта Сигехару Мураты^[20] была отделена от основных сил в 07:45. В 08:30 Мурата обнаружил TF8, тридцатиузловой скоростью отходящую к югу. В группе «Энтерпрайза» все эскортные силы находились в боевой готовности с того момента, когда было услышано сообщение по радио: «Воздушный удар по Перл-Харбору. Тревога не учебная». Боевой воздушный патруль авианосца состоял из десяти «Уайлдкэтов» и барражировал на 20 000 футов. Тридцать SBD «Энтерпрайза» и шесть последних TBD кружили вокруг острова Май, направленные туда адмиралом Хэлси. Его план состоял в том, чтобы дозаправить и перевооружить эти самолеты для удара по японскому флоту, который Хэлси собирался нанести как только он получит представление, где находится противник.

Мурата приказал своим пилотам рассредоточиться: половина атакует «Энтерпрайз», остальные — ордер. После торпедоносцев должны были ударить «Вэлы». Десять «Кэйтов» Мураты атаковали «Энтерпрайз» с обоих бортов, прорываясь через заградительный огонь, много более опасный, чем в Перл-Харборе. Три «Кэйта» были сбиты до того, как они успели сбросить торпеды, но оставшиеся самолеты успешно осуществили атаку. Три торпеды одна за другой попали в правый борт «Энтерпрайза», две следующие разрушили левый. Корабль потерял ход. Прекрасная система борьбы за живучесть позволила локализовать массивные повреждения, нанесенные торпедами, но модифицированные 14-дюймовые снаряды, сброшенные «Вэ-лами», разорвались внутри

корпуса и разрушили водонепроницаемые переборки. «Энтерпрайз» начал медленно погружаться в глубины Тихого океана.

«Уайлдкэты» патруля были связаны японскими истребителями. В короткой и яростной битве семь «Уайлдкэтов» были сбиты ценой трех «Зеро» и двух «Кэйтв». Оставшиеся бомбардировщики и торпедоносцы атаковали крейсера «Нортгемптон», «Честер» и «Солт-Лэйк-Сити». Вскоре «Честер» и «Солт-Лэйк-Сити» загорелись и пошли ко дну. Из девяти эсминцев сопровождения «Блатч», «Данлап» и «Бенбам» были потоплены. «Нортгемптон», флагманский корабль контр-адмирала Рэймонда А. Спрюэнса, смог уйти, получив одну торпеду и одну бомбу.

Потопив «Энтерпрайз», Мурата повел свою группу — 8 «Кэйтв», 7 «Вэлов» и 3 истребителя — назад к авианосцам^[21]. Оставшиеся эсминцы спасли выживших с погибших кораблей TF8, среди спасенных оказался вице-адмирал Хелси[65].

Затишье перед бурей

Эсминец «Хелм», который начал движение перед атакой, миновал выход из гавани Перла в 08:17.

Несколькими минутами позже за ним проследовал эсминец «Монаган». Оба избежали попаданий во время атаки первой волны. В 08:25, сразу после завершения первой атаки, легкий крейсер «Феникс» отдал швартовы и проследовал через гавань. На него не обратили внимания, так как все взгляды были устремлены на линкор «Невада». Пользуясь тем, что на «Неваде» было обычной практикой оставлять под парами один котел, даже если корабль находился в гавани, Джосеп К. Госсидж, вахтенный офицер линкора, приказал утром привести в действие остальные котлы, сообразуясь с тревожными сведениями, полученными из штаба. Этот его приказ сделал «Неваду» единственным линкором, готовым к немедленному выходу из гавани. Вместе с младшим штурманом рулевой Роберт Сэдберри провел свой глубокосидящий корабль мимо «линкорного ряда» и в 08:55 вывел его в главный канал, ведущий из гавани. Это был настоящий подвиг судовождения, но и он не помог.

В 08:30 радар Опана-Пойнт сообщил о другой крупной цели, появившейся вблизи Оаху и направляющейся на юг. Станция Каава подтвердила это. Одновременно обе станции передали информацию о небольших целях,двигающихся на север. Майор Бергвист передал новые цели на базу Уиллер, чтобы оттуда смогли направить Р-40 для перехвата неприятельских самолетов. Станция Коко-Хед заметила небольшую группу целей, появляющихся с востока. Это были 12 В-17 майора Лэндона, только что прибывшие из метрополии, еще четыре вернулись из-за технических неисправностей. Майор Лэн-дон, услышав по радио о японской атаке, связался с Хикэмом, чтобы получить посадочные инструкции. Ему приказали отклониться к запасным аэродромам на Мае и на Гавайях и ждать приказа вернуться в Хикэм.

Коммандер Тэйлор передал информацию о предстоящих японских атаках контр-адмиралу Белинджеру и 2-му патрульному крылу на базе гидросамолетов в Канеохе. Эти атаки подтвердило мудрость решения Белинджера послать разведчики РВУ на север на поиски японского флота. Пока, однако, 18 РВУ не обнаружили японских самолетов.

Р-40 с аэродрома Халейва приземлились на базе Уиллер, чтобы дозаправиться и перевооружиться. 12 Р-36 стояли на летном поле, служба местной защитой, но 30 Р-40 были направлены, чтобы перехватить вторую атаковую волну. Они заметили 150

японских самолетов прямо перед собой в 08:40. Пользуясь внезапностью, «Томагавки» сбили два истребителя и полдюжины «Вэлов» и «Кэйтов». Пытаясь отвлечь врага, американцы, однако, совершили роковую ошибку, втянувшись в классический воздушный бой с вертками «Зеро». В результате двадцать «Томагавков» было сбито, остальные сумели уйти, исчерпав боеприпасы. Часть самолетов получили повреждения. Тридцать четыре оставшихся «Зеро» разбились на группы, чтобы атаковать Беллоус, Канеохе и Хикэм.

50 «Вэлов» оказались над Перл-Харбором в 08:55. Футида приказал сконцентрировать все силы на ЛК «Невада», который только что вошел в главный канал. Зенитные орудия корабля открыли огонь, но их было слишком мало, чтобы отбить атаку. Поскольку кораблю приходилось идти по каналу прямо и медленно, он все более и более страдал от повторяющихся попаданий бомб, которые пробивали палубы и взрывались внутри, вызывая пожары и разрушения. Через несколько минут после попадания первой бомбы линкор также получил две торпеды от одной из малых подводных лодок^[22], которая смогла проникнуть и гавань рано утром. Первая торпеда уничтожила руль и винты, вторая пробила огромную дыру в ее корпусе. Потеряв управление, линкор встал в самом узком конце пролива, где и взорвался через 15 минут в 09:10.

Когда линкор «Невада» был уничтожен, горизонтальные бомбардировщики и оставшиеся пикировщики обратили пристальное внимание на линкоры «Калифорния» и «Пенсильвания», а также на крейсера, которые все еще стояли на якорях. «Калифорния» получила три торпеды от малых подводных лодок и затонула в гавани. Эсминец «Элвин» потопил одну такую лодку. Около 15 «Вэлов» и «Кэйтов» были сбиты зенитным огнем и пушками истребителей «Уайлдкэт» корпуса морской пехоты, действующих с аэродрома Эва.

Бомбардировщики снова атаковали Хикэм, уничтожив несколько ангаров и сровняв с землей мастерскую. Правда, полоса избежала повреждений, только несколько самолетов было подбито.

Младшие лейтенанты Тайлер и Велч направили самолеты P-40 с Халейвы против более чем 20 «Вэлов», сопровождаемых истребителями «Зеро», атаковавших в 9:00 Беллоус. Они нарушили рисунок атаки и вогнали в землю полдюжины «Вэлов». Ранее испытав возможности истребителей, пилоты воздержались от ближнего боя, а вместо этого набрали высоту для новой атаки. Пять самолетов из этой группы действовало над базой гидросамолетов в Канаохе, они удивили японцев внезапной атакой, сбив несколько самолетов. В это время «Зеро» и «Вэлы» прервали атаку Беллоуса и переключились на другую мишень — аэродром Уиллер. Набрав высоту, японские истребители атаковали обороняющие свою базу P-36, буквально разрезав на части эти устаревшие самолеты. Даже в этой ситуации P-36 защитили аэродром от прицельного обстрела и ограничили ущерб от атаки пикировщиков, часть из которых сбросила бомбы на круговую область, под которой должны были размещаться подземные резервуары с бензином.

К 09:30 вторая атака была завершена, нападающие исчезли за горизонтом. Радар преследовал их, идущих на север, пока они не исчезли в 130 милях. По дороге домой истребители перехватили и сбили две патрульные летающие лодки 2-го патрульного крыла РВУ, но не раньше, чем одна из них передала на базу информацию, оправдывающую полет за пределы зоны действия радаров.

Третья волна

Авианосцы Нагумо начали принимать самолеты первой волны в 10:00. В 10:30 адмирал встретился со своим штабом для обсуждения докладов об атаке первой волны и только что полученной от Футиды информации об успехе второй атаки, которая продолжалась час. Кэптэн Гэнда предложил Нагумо нанести запланированный третий удар. Мишенями послужат нефтехранилища, доки подводных лодок, штаб, мастерские, портовые краны и другие обслуживающие деятельность флота объекты. Нагумо неохотно согласился рискнуть своим флотом, задерживаясь вблизи неприятельской базы для еще одного удара. Гэнда заключил, что гибель «Энтерпрайза» оставила в распоряжении противника только один «Лексингтон», а в одиночку он бессилён. В то же время потопление «Невады» заблокировало выжившие крейсера и подводные лодки в гавани, так что серьезной угрозы не было.

Поскольку Нагумо остался недовольным, Гэнда предложил отправить разведывательные самолеты на запад и юг, чтобы найти «Лексингтон», который, по его мнению, находился в направлении острова Мидуэй. Нагумо согласился, что сейчас пора использовать задействовать все наличные разведывательные самолеты, и приказал поднять их в воздух. Он отложил свое решение о третьей атаке до того, как Футида вернулся и сообщил ситуацию в Перл-Харборе.

Футида приземлился на «Акаги» около полудня. Он доложил Нагумо о результатах атаки, подчеркивая, что канал закупорен севшей на его дно «Невадой» и остатки Тихоокеанского флота заперты в ловушке внутри Перл-Харбора. Он рекомендовал осуществить третий удар немедленно, чтобы уничтожить нефтехранилища и оборудование военно-морской базы. Он добавил, что истребители сбили почти 60 американских самолетов и оставили остальные догорать на земле, устраняя любую угрозу в этом направлении. После этого Нагумо решил нанести третий удар, но добавил, что он будет последним: приняв третью волну, флот возвращается. В 13:00 54 истребителя «Зеро», 36 «Вэлов» и 44 горизонтальных бомбардировщиков поднялись в воздух.

Восстановление и поиск

Шок и опустошение, вызванные двумя последовательными воздушными ударами, к тому времени уже удалось частично преодолеть. Адмирал Киммель рассматривал горящие и тонущие корабли, которые составляли главную силу Тихоокеанского флота. Его очень опечалил доклад контр-адмирала Спрюэнса, что «Энтерпрайз», два тяжелых крейсера и три эсминца потеряны. Его не утешил тот факт, что 30 SBD выжили при гибели TF8 и приземлились на острове Форд. Ужаснее всего было сознавать, что Перл-Харбор стал теперь полностью бесполезен, так как выход из гавани закрыт из-за крушения «Невады». Главный специалист по спасению затонувших кораблей доложил, что убирать корабль придется несколько месяцев, тем более что он не может двигаться. Возможно, легче прорыть другой канал, если оборудование будет привезено с западного берега.

У генерал-лейтенанта Шорта было поменьше проблем с разрушениями. Укрепления Шафтер, Дебусси и Камехама в основном избежали атаки, а бараки Шоффилд получили минимальные повреждения. Зенитные батареи были развернуты на позициях вокруг Перл-Харбора и двух главных аэродромов. Обе пехотные дивизии не понесли потерь и выдвигались к береговым укреплениям. Однако военно-воздушные силы генерал-майора Мартина понесли тяжелые потери. Мартин лишился четырех из шести боеспособных В-17. Из 36 устаревших В-18 только 11 «осталось в живых», количество истребителей сократилось до двадцати пяти Р-40 и шестнадцати Р-36. С другой стороны, девять легких бомбардировщиков А-20 остались в строю[66], а прибывшие «Летающие крепости» майора Лэндона могли обеспечить небольшую, но ценную поддержку. Мартин решил

сажать В-17 в Хикэм, чтобы сосредоточить силы и подготовиться к атаке японского флота, если он будет обнаружен.

Командер Тайлор оповестил контр-адмирала Белинджера, что армейские радары проследили за японскими самолетами, возвращающимися на свои авианосцы. Белинджер передал эту информацию, а также доклад с РВУ адмиралу Киммелю, который приказал передать информацию на «Лексингтон» вместе с приказом искать японский флот. Он также приказал всем SBD быть готовыми к немедленной атаке, как только этот флот будет обнаружен.

Финальный удар

В 13:45, один из разведчиков 2-го крыла обнаружил японский флот в 170 милях к северо-востоку от Оаху. Контр-адмирал Белинджер немедленно предупредил адмирала Киммеля и генерал-майора Мартина. Мартин приказал В-17 подниматься в воздух немедленно, а Киммель велел Белинджеру выслать для атаки 30 пикирующих бомбардировщиков «Доунтлесс». Цель находилась на границе радиуса их действия, но шанс был, и Киммель хотел им воспользоваться. Бомбардировщики шли без прикрытия.

Оперативный центр получил хороший опыт этим утром и теперь функционировал лучше, чем надеялся майор Бергвист. Снова Локард и Эллиот на Опана-Пойнт обнаружили приближающиеся японские самолеты на расстоянии 120 миль. Бергвист позвонил генерал-майору Мартину, который поднял двадцать пять Р-40 на высоту 20 000 футов, приказав им защищать аэродром Уиллер. Командир третьей волны командер Мурата приказал тридцати «Зеро» уйти вперед, чтобы очистить небо от вражеских перехватчиков. Вторая половина истребительных сил предназначалась для непосредственного прикрытия.

Радары Мартина отследили перестроение японских сил^[23], и Оперативный центр передал местоположение обеих групп японских истребителей «Томагавкам». Капитан Джеймс О. Беквиз, командующий 72-й истребительной эскадрилей, направил свои самолеты против главных сил японцев. Схватка началась в 14:35 в 20 милях к северо-востоку от бухты Канеоха. И вновь Р-40 имели преимущество высоты перед противником. Они, можно сказать, нырнули в японский строй, сразу сбив от шести до десяти «Вэлов» и «Кэйтов», но сами попали под удар «Зеро». За следующие двадцать минут половина эскадрильи была уничтожена.

Впервые в этот день армейские зенитки встречали атакующих, когда те пролетали над Перл-Харбором. Истребители обстреляли аэродром Хикэм и корабли в гавани, чтобы отвлечь внимание от бомбардировщиков. Восемнадцать «Вэлов» атаковали нефтяные резервуары в дальнем конце военно-морской базы между Хикэмом и юго-восточным бассейном. Своими 550-кг бомбами они взорвали какое-то количество баков с горючим, вызвав обширный пожар. Остальные восемнадцать пикировщиков ударили по восьми подводным лодкам, пришвартованным по сторонам юго-восточного бассейна, рядом со штабом подводного командования. Они также нанесли удары по крейсерам «Гонолулу», «Сан-Франциско» и «Новый Орлеан», которые избежали серьезных повреждений во время первых двух атак[67].

Японцам не было известно, что адмирал Киммель прошедшим летом перенес свой штаб в здание командования подводным флотом. Адмирал предпочитал управлять с берега, чтобы не обременять свой флагманский линкор обязанностями штабного корабля и дать ему возможность действовать совместно с флотом. Когда штаб был атакован тремя тысячефунтовыми бомбами, адмирал Киммель и многие сотрудники его штаба погибли.

Хоть это и было непреднамеренно, смерть адмирала Киммеля даст Америке первого героя войны: он будет первым, кто получит (посмертно) «Военно-морской крест». В конце концов, Киммель погиб вместе со своими кораблями. Действуя как горизонтальные бомбардировщики, «Кэйты» обрушили бомбы на склады боеприпасов рядом с сухим доком, где находился флагманский корабль Тихоокеанского флота ЛК «Пенсильвания».

Уничтожив запасы топлива и ремонтные мастерские, Мурата повернул к своим авианосцам, однако смерть Киммеля была отомщена. В тот самый момент, когда Мурата закончил свою миссию, «Летающие крепости» нашли японский флот и нанесли удар.

«Летающие крепости» майора Лэндона оправдали в этот день свое имя, отразив атаку 24 истребителей, прикрывающих флот. Однако надежды потопить авианосцы шестью 600-фунтовыми бомбами, которые нес каждый самолет, не оправдались.

Истребители все еще роились вокруг В-17 Лэндона, когда SBD с «Энтерпрайза» вышли в атаку. Решение капитанов «Дзуйкаку» и «Сорю» прекратить маневры уклонения, чтобы поднять в воздух дополнительные истребители, привлекло внимание атакующих. «Доунтлессы» поразили оба авианосца бомбами на всю длину полетной палубы, взрывая торпеды и бомбы на самолетах, которые были готовы ударить по «Лексингтону»^[24].

Цена успеха была для американцев очень высокой: только восемь их самолетов вернулись на остров Форд. Еще несколько пережили столкновение с японским флотом, но погибли на обратном пути от истребителей Мураты.

Четыре неповрежденных авианосца Нагумо — «Акаги», «Кага», «Хирю» и «Секану» приняли в 17:00 третью волну, в том числе самолеты с «Дзуйкаку» и «Сорю». Когда посадочные операции были завершены, вице-адмирал Нагумо приказал флоту идти курсом на северо-запад обратно в Японию. Его первоначальное беспокойство было оправданно. Августовская военная игра правильно предсказала потерю трети самолетов и двух авианосцев. Нагумо оставил два крейсера и четыре эсминца, чтобы попытаться спасти выживших с тонущих авианосцев.

Потопление «Дзуйкаку» и «Сорю» стало горькой победой для американцев, так как Тихоокеанский флот прекратил существовать в качестве реальной боевой силы. Один авианосец и семь линкоров потоплены, проход в гавань Перл-Харбора заблокирован, ремонтные мастерские разрушены, а запасы топлива сгорели. Хотя осталось двадцать пять летающих лодок РВУ и четырнадцать В-17, всего дюжина Р-40 были дееспособны. Гавайские острова были беззащитны против воздушной атаки.

Оставшиеся ТФ были направлены на следующее утро в Гонолулу, но порт был слишком мал, чтобы служить чем-то иным, нежели временным укрытием для тихоокеанских крейсеров и эсминцев. Он не мог вместить флот.

ТФ.12 «Лексингтона» прибыло девятого числа. Вице-адмирал Хэлси, который принял командование Тихоокеанским флотом, приказал авианосцу отправиться в Калифорнию, взяв с собой поврежденный «Нортгемптон». С блокадой Перл-Харбора американские силы вернулись на Западное побережье. Перед ними стояла ужасная дилемма: сражаться на Атлантике и в то же самое время воссоздавать Тихоокеанский флот. Перл-Харбор не удастся открыть до апреля 1942 года[68]. К сожалению, это случится именно тогда, когда к Гавайям подойдет Ямамото во главе Объединенного флота.

Реальность

Никаких предупредительных звонков Старка или Маршалла не было. Позже было обнаружено, что связь была разрушена японцами[69]. Приход «Энтерпрайза» был отложен на два дня из-за плохой погоды, вследствие чего авианосец был в 200 милях от Оаху в утро сражения. Вся авиация — и армейская и морская — находилась в 4-х часовой готовности. От этого была даже некоторая польза: хотя самолеты были потеряны, многие пилоты пережили этот день.

«Неваде» запретили двигаться каналом, после того как корабль получил первые повреждения. Линкор сел на грунт около госпиталя, где и был разрушен.

Перл Харбор остался передней базой для Тихоокеанского флота, который был реорганизован вокруг быстроходных авианосных соединений. Альтернатива, разыгранная здесь, показала, что только очень быстрая смена убеждений у военных и морских командующих на Гавайях и в Вашингтоне может поменять исторический результат событий 7 декабря 1941 года.

Джеймс Арнольд. КОРАЛЛ И ПУРПУР^[25]

(Потерянное приключение)

Станция «Гипо», Гонолулу, 17 апреля, 1942

— Это совсем другое, Джо, — сказал офицер военно-морской разведки лейтенант-командер Эдвин Лэйтон. — Сам Кинг требует вашего анализа, и он требует его быстро.

— Боже правый! — ответил лейтенант-командер Джозеф Рочфорт. — Я не понял, что он знает о нашем присутствии. Я немедленно доложу ему.

Лэйтон повесил трубку. Он вспомнил инструкцию, данную ему адмиралом Честером Нимицем в один из тех ужасных дней после Перл-Харбора. Нимиц сказал тогда Лэйтону: «Будь адмиралом Нагумо моего штаба!» Нимиц потребовал, чтобы Лэйтон проанализировал войну с точки зрения японцев, и объяснил ему стратегию и цели противника. Нимиц понимал, что в 1942 году Тихоокеанский флот Соединенных Штатов будет уступать противнику по числу кораблей основных классов^[26]. Чтобы как-то справиться с возникшими трудностями, он стремился как можно шире использовать аналитический подход и разведку.

То был высокий приказ, а Лэйтон обладал уникальными личными данными для выполнения этого задания. Он исполнял обязанности военно-морского атташе в Токио. Многочисленные партии в бридж с адмиралом Исороки Ямамото и его штабом дали Лэйтону полезное понимание — ключ к характеру японских офицеров. Пользуясь этой информацией, данными, предоставленными службой радиоперехвата, отслеживающей движение японских кораблей, а также все более и более успешными результатами дешифровки японского военно-морского кода JN-25B, Лэйтон получил возможность предсказывать японскую военно-морскую стратегию. После долгой и кропотливой работы аналитики сортировали перехваченные японские зашифрованные радиопереговоры и определяли номера японских баз и кораблей. На этом основании они могли вычислить, где и когда противник сконцентрирует свои силы. К исходу третьего месяца войны Рочфорт и его команда научилась перехватывать и дешифровывать японские радиопереговоры.

В начале апреля Рочфорт выяснил, что японцы собираются возобновить операции на юго-востоке Тихого океана, для которых используют название «Кампания RZP». Рочфорт провел ряд экспериментов и в конце концов идентифицировал RZP как Порт-Морсби^[27]. Удалось определить, что речь шла также об острове Тулаги из группы Соломоновых островов. Рочфорт добавил, что активное строительство в Рабауле указывает, что этот пункт будет играть роль главной японской базы во время операций в Коралловом море. К 7 апреля Рочфорт сообщил, что ремонт на авианосце «Кага» будет ускорен, и он сможет участвовать в кампании. Чуть позже Нимиц получил ряд донесений от австралийского военного руководства об усилении воздушных налетов на Порт-Морсби. Эти налеты укладывались в предсказания Рочфорта.

Обязанности Нимица, согласно приказу главнокомандующего флотом Соединенных Штатов Америки адмирала Эрнеста Кинга, включали в себя обеспечение морских сообщений с Австралией. Поэтому Нимиц решился противостоять японскому наступлению в Коралловом море. Пока его силы были, однако, не очень велики. Авианосцы «Энтерпрайз» и «Хорнет» обеспечивали набеговую операцию Дулиттла против Японских островов. «Лексингтон» находился сухом доке в Перл-Харборе. Только «Йорктаун» оставался свободен. Нимиц знал, что если он собирается предотвратить японское наступление в Австралии, нужно действовать очень быстро. Ощущение, что времени на раздумье нет, усилилось 15 апреля, когда Лэйтон представил данные британских дешифровальщиков, подтверждающие, что японские силы завершают операции в Индийском океане и что 5-я дивизия авианосцев «около 28 апреля» прибудет на Трук. В большой естественной гавани, лагуне Трука, 5-я дивизия авианосцев может пройти текущий ремонт. После этого она будет готова начать кампанию на юге. Нимиц приказал «Лексингтону» идти на юг, чтобы присоединиться к «Йорктауну». Это было очень рискованное решение, ставящее под угрозу уничтожения половину боеспособных американских авианосцев, и оно было основано на прогнозах разведки, которые, конечно, не были вполне надежными. Ввиду серьезности положения Нимиц был вынужден информировать Кинга, что, возможно, американские авианосцы будут уступать противнику численностью, как два к одному, в предстоящей битве за Коралловое море.

Кинг был обеспокоен и решился на неординарный шаг, затребовав аналитический отчет станции «Гипо». Шестью часами позже, когда Лэйтон обсудил ситуацию с Рочфортом, ответ, состоящий из пяти основных пунктов, был готов. Дешифровщики докладывали:

- 1) японцы уже завершили операцию в Индийском океане;
- 2) наступление, предполагаемое в восточной Новой Гвинее, должно быть объединено с пунктом 3, а именно:
- 3) с наступлением в Коралловом море;
- 4) нет никаких доказательств подготовки вторжения в Австралию;
- 5) еще одна японская операция находится в стадии подготовки, но ее цель пока неизвестна.

Позже в этот же день команда Рочфорта выяснила, что японское соединение из легких авианосцев и крейсеров было отправлено прикрывать сосредоточение сил в Рабауле. Эта неприятная информация означала, что американские авианосцы ждут даже большие трудности, нежели предполагалось. Но Нимиц и Кинг не дрогнули. Нимиц считал, что

бесценные разведанные станции «Гипо» дают его авианосцам возможность устроить ловушку ничего не подозревающему противнику.

При всей секретности станции «Гипо» аналитики быстро поняли, что радиоперехват представляет собой «улицу с двусторонним движением». Американцы не знали, что прием их высокочастотных радиопередач отнюдь не был ограничен дальностью горизонта, как это утверждали эксперты. Отражаясь от слоя Хевисайда и поверхности океана, радиоволны пересекли Тихий океан и были получены в Японии. Японский центр радиоперехвата в Овада 15 апреля обнаружил повышенную активность радиосети Перл-Харбора. Когда «Лексингтон» принимал свои самолеты, широко пользуясь радиосвязью, аналитики из Овады уже знали, что авианосец готовился к боевому походу. Немедленно оперативный центр в Овада сообщил своему командованию, что авианосное оперативное соединение только что покинуло Перл-Харбор.

«Ямато», база флота Хасиродзима, 18 апреля

Грохот орудий объявил, что линкоры возобновили практические стрельбы. Эти корабли, которые летчики называли «отдыхающим и резервным флотом», ждали, когда настанет их очередь идти в бой, и надеялись, что уже скоро главнокомандующий Объединенным флотом адмирал Ямамото направит их в решающее сражение войны. Готовясь к этому сражению, они ежедневно практиковались в стрельбе.

На борту гигантского линкора «Ямато» Ямамото с отвращением перечитывал стратегический план Имперской ставки^{28}: «после консолидации тихоокеанского оборонительного периметра Японской империи возникнет «стратегическая ситуация длительной неуязвимости». Честолюбивый план призывал к «захвату Гавайев и «внешних островов», атаке Соединенных Штатов, Канады, Панамского канала, а также Центральной Америки, пока Соединенные Штаты не утратят боевой дух и война не подойдет к своему завершению». Первая фаза плана — внезапная атака Перл-Харбора, прикрывающая захват Филиппин, Малайи, и Голландской Вест-Индии — была полностью выполнена. Пока японский Имперский флот безраздельно господствует на Тихом океане. Но что делать дальше? Какова цель следующей фазы?

Ямамото остро чувствовал проблему нехватки времени. Он хорошо знал, что Япония не может вынести длительную войну, войну на истощение с американским колоссом. Нужна молниеносная война, которая в свою очередь требует решающей битвы. Адмирал вообще сомневался, что разумно тратить время на консолидацию позиции перед решающим наступлением. С другой стороны, именно такую «постепенную стратегию» защищали многие офицеры Имперской ставки. Ямамото называл такую политику: «Сидим в засаде и ждем, когда американский флот попадет в капкан». Это было слишком пассивно. Адмирал считал, что недавние набеги американских авианосцев и обстрелы островов американскими крейсерами продемонстрировали уязвимость пассивной защиты^{29}. Намного лучше атаковать и заставить врага принять бой. Ямамото хотел уничтожить базы союзников в северной и восточной Австралии прямым вторжением^{30}.

Ямамото вздохнул: «Эти армейские дебилы». Все о чем они могли думать — это Россия и Китай. Остальное было для них чем-то второстепенным. Армия возражала против Австралийской операции^{31}, потому что она требовала использования армейских ресурсов, транспортов и солдат. Армия и флот пришли к следующему компромиссу: Австралия будет изолирована, все коммуникационные линии с Гавайями будут нарушены. Ямамото и штаб Объединенного флота предлагали начать вторую фазу войны захватом Цейлона, Новой Гвинеи и порта Дарвин, однако армия отказалась выделить свои ресурсы

для поддержки вторжения в Австралию. Имперская ставка приказала Объединенному флоту начать Операцию МО, целью которой было как можно быстрее захватить две базы в Новой Гвинее: в Лаэ и в Саламауа. Армейская базовая авиация с этих баз должна была оказывать давление на оборону Порта-Морсби. Затем предполагалось захватить Тулаги на Соломоновых островах (кодовое обозначение RZP), чтобы получить базу для гидросамолетов-разведчиков на фланге десантной операции против Порта-Морсби^[32].

К тому времени, когда Операция МО была одобрена, Ямамото задумал нечто более грандиозное. После длительных споров с высшим командованием он получил разрешение атаковать атолл Мидуэй, чтобы «выманить» вражеские авианосцы и втянуть их в бой. Поскольку наступление «МО» в Коралловом море является лишь преддверием сражения у атолла Мидуэй, следует придерживаться жесткого расписания и не тратить зря ресурсы, более необходимые в центральном секторе Тихого океана.

Было шоком, когда группа бомбардировщиков В-25 под командованием Дулиттла появилась в небе над Токио. Многие японские стратеги «потеряли лицо». Аналитики армии и флота не могли определить, откуда появились силы, которые нанесли удар. Самолеты бомбили столицу, и ни один из взрывов не должен был остаться без возмездия. Ямамото пришел к выводу, что эта «прискорбная картина иллюстрирует высказывание: «Плохая атака лучше хорошей защиты». Его начальник штаба, адмирал Матоме Угаки, добавил: «Эти события означают необходимость фундаментальных перемен в наших планах и контрмерах». Ссылаясь на предыдущие американские набеги, Угаки продолжал: «Однажды, когда они будут снова выпускать свои самолеты или приблизятся к нам на расстояние выстрела из корабельного орудия, возникнет прекрасная возможность достать их».

Последовала пауза. Затем Ямамото сказал: «В войне каждый должен создавать сам себе подобные «прекрасные возможности».

Штаб Макартура, Мельбурн, 19 апреля

Рэйчел Брэй с трудом успокаивала себя. «Господи, скорее бы это закончилось», — думала она, пока представитель Макартура утомительно подробно описывал происшедшие за день события. Рэйчел хорошо знала, что когда он закончит, газетные писаки начнут задавать невероятное количество вопросов и таким образом неизбежно продлят заседание. Она думала, сможет ли она это вынести.

Дух беспокойства проникал в штаб Юго-Западного Тихоокеанского командования генерала Макартура. До сегодняшнего дня, казалось, каждый день приносил новые сообщения об очередной катастрофе союзников или новом их отступлении. Прибытие Макартура в Австралию и организация им крупного штаба в Мельбурне стали бальзамом для отчаявшихся людей.

Репортеры постоянно торчали в его штабе, потому что Макартур, будучи крупной личностью, всегда сообщал колоритные новости, а его представитель предлагал лакомые кусочки информации об операциях, планируемых этим штабом, которые в других штабах, казалось, вырезает цензура.

Рэйчел Брэй использовала свои университетские связи, чтобы получить журналистский пропуск на брифинги. Ее красивая фигура помогла ей преодолеть единственное препятствие — официального цензора, который поинтересовался ее репортерской квалификацией. По правде говоря, ее опыт ограничивался парой прослушанных лекций по

журналистике и несколькими опубликованными статьями. На втором курсе университета она решила оставить изучение журналистики, чтобы сконцентрироваться на чем-то большем. Увидев, что карандаш в ее руке трясется, Рэйчел заставила себя проигнорировать свою усталость и слушать оратора. В конце концов, мистер Лонг ожидает чего-нибудь получше, чем то, что она написала на прошлой неделе.

«Итак, — продолжал представитель Макартура, — «джапы» собираются появиться в Порт-Морсби, но наши пилоты готовы. У нас там опытные мужчины, которые могут дать сдачи. Но я хочу сообщить вам, ребята: мы думаем — это просто намек. Мы считаем, что надвигается нечто большее, но уверяю вас, генерал принял все меры предосторожности. Мы готовы на этот раз. На этот раз... — спикер сделал драматическую паузу. — На этот раз мы нанесем ответный удар как следует. А теперь у меня есть время для одного или двух вопросов».

«Считает ли генерал Макартур, что люди в Коррехидоре могут быть спасены?» Представитель нахмурил брови. Его начальник сказал, что генерал хочет, чтобы он поддерживал дух австралийцев. В этот день нужно говорить о том, что Макартур собирается делать с японцами, а не об этих несчастных на Филиппинах.

Офицер колебался. Его босс сказал, что генерал хочет уверить публику, что все в порядке и что именно армия Макартура обеспечивает их безопасность. «Генерал знает, что японцы идут к Новой Гвинее. Как мы описывали, они хотят построить взлетные полосы, а потом перемещать свои войсковые конвои под воздушным зонтом. Но мы уверены, что наши «Киттихауки» из Порт-Морсби уничтожат это прикрытие. Вы можете сказать вашему дяде: генерал Макартур говорит, что мы готовы ко всему, что могут послать против нас японцы».

Агент Т, известный Рэйчел Брэй как «мистер Лонг», ждал ее недельного рапорта. Японские агенты обнаружили, что они лучше всего проникают в страны, намеченные для вторжения, когда притворяются рыбаками, портовыми или сельскохозяйственными рабочими. Это неплохо сработало на Гавайях и в Мексике. Но поскольку в Австралии было мало японского населения, она оказалась чем-то вроде вызова для японской разведки. Но после того, как Япония в конце 1920-х годов вторглась в Шандунь, разведка получила возможность активно рекрутировать китайцев. С помощью подкупа и шантажа накопилось приличное количество кандидатов. Среди них выделялся агент Т. Его руководство было им довольно. От этого зависела судьба его семьи, которая оставалась в Шаньдуне в положении заложников.

Агент Т понимал, что, когда начнется война, берега будут строго охраняться, и он не сможет притворяться рыбаком. Его мало интересовал физический труд. Он обнаружил, что математические способности помогут ему сойти за игрока. Именно так он вошел в маленькое и неорганизованное азиатское сообщество Мельбурна. Вскоре у него была собственная комната для азартных игр в подпольной китайской опиумной курильне. В 1940 году он столкнулся с отчаянной женщиной, которая сказала, что оставила почти все свои деньги дома (агент Т и раньше слышал такие истории), но они ей ужасно нужны, чтобы присоединиться к вечеринке друзей, проходящей ниже по улице. У нее хватало только на две ставки на рулетке. Агент Т одолжил ей денег и таким образом получил самого многообещающего агента. Она предоставляла ему информацию с брифингов, а также сплетни из офицерских баров.

Ненавидя себя, но не имея выбора, Рэйчел говорила себе, что просто сообщает хорошему человеку информацию, которую все равно каждый прочтет завтра.

Агент Т позвал ее и передал конверт с деньгами. Рассматривая полученную информацию, он решил, что она недостаточно важна, чтобы передавать ее по радио.

Штаб Тихоокеанского флота, Гонолулу, 20 апреля

Нимиц вновь собрал штаб, чтобы обсудить, как противостоять надвигающемуся наступлению японцев и Коралловом море. Станция «Гипо» была более чем уверена в своих прогнозах. Независимое предупреждение пришло из австралийского разведывательного отдела. Говорилось о том, что наблюдается интенсификация деятельности японской авиации над Коралловым морем. Британцы сообщили, что дивизия крейсеров и авианосец, название которого заканчивается на «-каку», должны прибыть в Трук 25 апреля. Это подтвердило прогноз, согласно которому 5-я дивизия авианосцев, включающая авианосцы «Секаку» и «Дзуйкаку», направлялась в Трук. Было еще одно ошеломляющее известие. Австралийцы передали расшифровку, что японцы собираются сменить коды с 1 мая. Это достоверно означало, что вскоре последует крупная операция. Еще это означало, что разведывательные отделы ослепнут на несколько недель и будут оставаться слепыми, пока не сломают код.

Штаб получил в итоге следующую картину: велика вероятность того, что враг начнет наступление на Новую Гвинею — Новую Британию — район Маршалловых островов[70]. В наступлении будет использована палубная и базовая авиация, и оно начнется очень скоро». Лэйтон сказал, что японцы могут подключить к операции до пяти авианосцев, в то время как разведка утверждала, что будут использованы только три. Нимиц понимал, что может рассчитывать на радиопеленгацию, которая покажет положение кораблей противника и позволит оценить направление их движения.

Хотя хорошо и полезно знать намерения противника, Нимиц понимал, что у него может не хватить сил остановить японцев. «Энтерпрайз» и «Хорнет» должны были вернуться в Перл-Харбор только через три дня. До Кораллового моря десять дней пути, таким образом, эти корабли, скорее всего, не успеют принять участие в сражении. У Нимица оставалось всего два авианосца, которые могли быть поддержаны базовой авиацией Макарура в северо-восточной Австралии и Новой Гвинее, против пяти или трех японских авианосцев. Нимиц принял решение: «Мы должны рискнуть, если придется»[71]. Он приказал соединениям «Йорктауна» и «Лексингтона» соединиться, чтобы остановить японцев.

Штаб Четвертого флота, легкий крейсер «Касими», гавань Рабаул, 22 апреля

Вице-адмирал Сигиеси Иноуэ с тревогой изучал приказы. Поскольку Ямамото давал ему время только до второй недели мая, чтобы захватить Порт-Морсби, авианосец «Кага» не успевал вступить в строй после текущего ремонта. Также не было времени развернуть воздушное прикрытие базовой авиацией в Новой Гвинее. Еще раз прочитав приказы, Иноуэ подумал, что даже нетерпеливые дураки из Токио не должны быть настолько глупыми, чтобы наступать, несмотря на плановую смену кодов. Для этого тоже не хватало времени: не было возможности доставить новые шифровальные книги всем командующим. Поэтому все перемены откладывались до 27 мая. Иноуэ, как и все японские военачальники, неохотно использовал транспорты в тех водах, где нельзя было обеспечить надежное воздушное прикрытие. Таким образом, контроль над воздушным пространством восточного побережья Новой Гвинее был критичен для успеха операции МО. Хотя 25-й воздушный флот собирался предоставить свои самолеты, базирующиеся на Рабаул, превосходство в воздухе зависело от авианосцев «Дзуйкаку» и «Секаку» и легкого авианосца «Сехо». Приказы Иноуэ требовали атаковать многочисленные удаленные друг

от друга цели, однако, по данным разведки, ему будет противостоять максимум один вражеский авианосец. Как только Иноуэ создаст на Тулаги и Луизиадах гидроаэродромы, будет организовано наблюдение с летающих лодок, которые смогут предупредить его, если американское оперативное соединение попытается перехватить соединение, атакующее Порт-Морсби. Тогда авианосцы и превосходная дивизия тяжелых крейсеров выполнят свою работу.

Если японское десантное соединение захватит проход Жомар и достигнет Порт-Морсби, не будет никаких сомнений в результате операции. База могла поддерживать существование только одной армейской бригады. Ее гарнизон состоял из второсортных резервных формирований и был слабо оснащен. Два месяца непрерывных воздушных атак и ощущение, что их «уже списали», не улучшило состояние войск. Они не могли держаться против опытных японских солдат. Таким образом, для союзников все зависело от возможности 150 палубных самолетов остановить японские силы вторжения.

«Йорктаун», Коралловое море, 2 мая

Контр-адмирал Франк Д. Флетчер принял командование объединенным американским авианосным соединением^{33}. Приказ требовал, чтобы он «при благоприятной возможности уничтожил вражеские корабли и самолеты, пытающиеся развить наступление в районе Соломоновых островов и Новой Гвинеи»[72]. Флетчер решил маневрировать в 700 милях к югу от Рабаула вне предполагаемого радиуса японской базовой воздушной разведки. Получив дополнительную информацию о том, что японцы вышли из Рабаула и направляются на юг, контр-адмирал решил нанести фланговый удар.

Во время выдвижения на ударную позицию патрульный «Доунтлесс» из авиагруппы «Йорктауна» обнаружил подводную лодку всего в 30 милях от соединения Флетчера. Это была I-21 из японской разведывательной группы. Три SBD атаковали ее и заставили погрузиться, но успела ли I-21 сообщить о контакте? Флетчер вызвал лейтенанта Форреста Биарда, опытного лингвиста. Биард занимался радиоразведкой. Флетчер был адмиралом старой школы и был невысокого мнения о молодых лейтенантах вообще и о офицерах службы радиоперехвата в частности.

«Успели ли японская подлодка сообщить нашу позицию?» — спросил он. «Сэр, я не знаю», — ответил Биард. Флетчер презрительно сказал: «Вы свободны».

Позже, но в этот же день, специалист Флетчера по авианосным операциям адмирал Обри Фитч вылетел на совещание на «Йорктаун». Он принес новость, что офицер службы перехвата «Лексингтона» слышал радиопередачу подлодки. Сердитый Флетчер вызвал Биарда снова и высказал все, что о нем думает. Через несколько часов пришло сообщение из Перл-Харбора, предупреждающее, что японская операция «в полном разгаре». Адмирал сделал вывод, что противнику теперь известно его местоположение. На самом деле передача I-21 не была принята в Рабауле. Следовательно, американские TF смогли пройти мимо японской завесы, не будучи обнаруженными.

В 08:00 следующего утра группа вторжения на Тулаги начала высадку. Три гидросамолета и десять «Зеро» с легкого авианосца «Сехо» обеспечивали воздушное прикрытие, но так как вторжение пока не встречало сопротивления, в них не было особой надобности. Японцы не ожидали реакции союзников в ближайшие нескольких дней, поэтому их силы прикрытия устремились на запад, чтобы защищать силы вторжения в Порт-Морсби.

Через девять часов Флетчер получил новость, что между Гуадалканалом и Тулаги замечены японские корабли. Это была та возможность, которую он ждал. Не желая нарушать радиомолчание, он послал эсминец «Симе» и танкер «Неошо» навстречу Фитчу, чтобы сообщить ему о новом пункте randevu в 300 милях к югу от Гуадалканала. В это время Флетчер направился на север со скоростью 24 узла для атаки японской группы, находящейся в районе Тулаги.

5-я дивизия авианосцев в районе Рабаула, 3 мая

Обремененная приказом доставить девять «Зеро» в качестве подкрепления в Рабаул и страдая из-за плохой погоды, 5-я дивизия авианосцев находилась в 440 милях к северу от Тулаги. Командующего, вице-адмирала Такео Такаги, раздражало, что два его авианосца все еще не вышли на позицию, позволяющую обеспечить воздушное прикрытие Тулаги. Но он знал, что если моряк беспокоится из-за задержек, связанных с плохой погодой, он выбрал себе не ту профессию. Кроме того, американский авианосец, о котором предупреждала разведка, вряд ли успел бы выйти на позицию. Вице-адмирал приказал своим кораблям провести весь день, заправляясь и готовясь к предстоящей битве. Далеко на севере офицер штаба доставил информацию Ямамото. Адмирал играл в шахматы с Угаки. Ему сообщили, что операция проходит успешно, и Тулаги в безопасности.

Угаки поднял голову и спросил:

— Мы захватили гарнизон в плен?

— В общем-то нет, сэр. Австралийцы эвакуировали базу до того, как мы пришли.

— Это удивительно, — сказал Угаки. Ямамото хмыкнул, и они вернулись к игре.

Коралловое море, 4–6 мая

За десять минут до восхода 4 мая двенадцать торпедоносцев и двадцать восемь пикирующих бомбардировщиков были подняты с авианосца «Йорктаун». Они ушли в пасмурное небо, время от времени попадая в дождевые шквалы. Северный край холодного фронта протяженностью 100 миль достиг северного берега Гуадалканала. На всем пути к цели стояла практически нелетная погода. Во время вылета американские пилоты совершили типичную для обеих сторон ошибку — переоценили свои достижения. Когда они вернулись, то доложили, что повредили легкий крейсер, гидроавиатранспорт и бесчисленное количество транспортов. На протяжении всего дня Флетчер продолжал атаки. К 16:32 «Битва за Тулаги» закончилась для американцев. «Йорктаун» устремился на юг для встречи с Фитчем, а пилоты закончили свой отчет: два эсминца затонули, вместе с ними — четыре канонерских лодки и транспорт, легкий крейсер выбросился на берег, и еще многие суда были повреждены. В этот же день 5-я воздушная армия нанесла бомбовый удар самолетами В-26 по Рабаулу, в то время как В-17, эскортируемые Р-39, бомбили Лаэ,

Японские силы были намного менее активны 4 мая. Не ранее полудня Такаги получил информацию о бомбардировке Тулаги. Он немедленно приказал полным ходом идти на юго-восток, чтобы встретить врага. Это был бесполезный жест: 5 мая, когда его авианосцы дошли до позиции, с которой можно было атаковать, враг уже испарился. На следующий день утром, когда четырехмоторный гидросамолет противолодочного патруля не вернулся в Рабаул, Иноуэ пришел к выводу, что летающая лодка была сбита палубной

авиацией. Но поскольку Иноуэ точно не знал местоположение врага, он приказал Такаги атаковать Порт-Морсби.

Хотя у американцев была прекрасно поставлена разведка, но — такова уж природа военно-морского дела, когда маленькие корабли действуют в безграничном водном пространстве — Флетчер не чувствовал, насколько близки к нему авианосцы Такаги. Он полагал, что они находятся по крайней мере в 400 милях от него. Когда 5 мая «Йорктаун» и «Лексингтон» встретились в утреннем сумраке, 5-я дивизия авианосцев находилась к востоку от них менее, чем в 250 милях.

То, что некоторые называют «трением войны», а иные — удачей, сыграло немалую роль в наступающих событиях. 6 мая во время утренней разведки поисковые самолеты Флетчера повернули, немного не долетев до японских авианосцев. В полдень погодный фронт скрыл соединение Такаги. Со стороны японцев, поисковой самолет доложил положение американских авианосцев, но Такаги не получил эту информацию до следующего дня.

«Дзуйкаку», утро, 7 мая

Предпоследний день сражения в Коралловом море начался с того, что старшие офицеры обеих сторон пытались разобраться в ситуации. Имея недостаточную информацию о местонахождении американцев, Такаги выслушал совет контр-адмирала Тадаити Хара^[34], который рекомендовал совершить поиск на юге, чтобы выяснить, нет ли там неприятельского авианосца. Если выяснится, что тыл чист, он предлагал направить на запад группу поддержки вторжения в Порт-Морсби. В 06:00 вылетели разведчики. Когда один из гидросамолетов с тяжелого крейсера доложил об обнаружении американского авианосного соединения, Такаги похвалил Хара за дельный совет. Хара немедленно приказал атаковать его, подняв все семьдесят шесть самолетов. Цель оказалось эсминцем «Симе» и танкером «Неошо», последний и был принят за авианосец. Превосходящие воздушные силы потопили «Симе» и полностью разрушили «Неошо».

Через пять минут после нанесения удара Такаги получил еще один доклад-предупреждение. Патрульный самолет обнаружил американскую оперативную группу в 350 милях к западу. После этого неприятного известия пришел доклад о другой ТФ, но уже в 200 милях. Когда самолеты ударной волны доложили, что авианосец оказался танкером, Такаги и Хара поняли, что они совершили ужасно грубую ошибку. С одобрения Такаги, Хара приказал «Дзуйкаку» срочно отозвать ударную группу.

«Йорктаун», 7 мая, утро

«Йорктаун» тоже выслал свои поисковые самолеты на рассвете. Десять разведчиков вылетели на северо-восток, где Флетчер предполагал найти японцев. В 08:15 ему доложили, что самолет сбил врага на расстоянии около 250 миль, на краю пролива Жомар. Станция «Гипо» предполагала, что группа вторжения воспользуется этим проливом на пути в Порт-Морсби. Уничтожение палубного самолета подтвердило, что японцы искали американские авианосцы, и укрепило мысли Флетчера, считавшего, что авианосцы противника находились впереди. Через полчаса пришел еще один доклад: два авианосца и два крейсера находятся у побережья Новой Гвинеи и двигаются на юг.

Флетчер среагировал так же доверчиво, как и Хара. Он тоже приказал поднимать ударную волну в воздух. В 10:15 девяносто три самолета устремились на северо-запад. Затем молодой пилот, доживший об авианосцах, приземлился на «Йорктаун» и помчался к

мостику. Он проинформировал Флетчера, что совершил ошибку при кодировании сообщения. На самом деле он обнаружил два крейсера и два эсминца!

«Молодой человек, ты хоть знаешь, что ты наделал? Ты сейчас стоил Соединенным Штатам двух авианосцев!» — закричал Флетчер. Пока он и его штаб отзывали авиагруппу, лейтенант Биард пошел в радиорубку, чтобы слушать японские радиопереговоры. Он со страхом ожидал сообщения об обнаружении авианосной группы противника.

Вместо этого, в 10:22, пришла рентрансляция сообщения из штаба Макарттура: В-17 заметили японский авианосец к северу от Мисимы! Отчаяние Флетчера сменилось восторгом. Он приказал переместить точку удара на 30 миль и атаковать новую цель. Через несколько минут пришла новая тревога. «Неошо» передал, что он находится в 300 милях за кормой и подвергается ударам авиации. Выяснилось, что «Неошо» был вне района действия базовой авиации. Флетчер понял, что он окружен японскими авианосцами^{35}.

Биард перехватил приводной сигнал с «Дзуйкаку»: «Курс 280 градусов, скорость 20 узлов». Это означало, что японские авианосцы быстро приближались с востока. Правда, Флетчер не верил Биарду. В конце концов, пять дней назад тот не смог сообщить, выходила ли на связь вражеская подлодка, тогда как его коллега с «Лексингтона» с легкостью это сделал. Сейчас этот офицер интерпретировал сигнал «280 градусов, скорость 20 узлов»[73] как сообщение японского пилота о курсе и скорости американского соединения. Флетчер не сомневался, кому из них верить. По его мнению, Биард доказал, что склонен ошибаться. Он принял интерпретацию офицера с «Лексингтона», хотя американское оперативное соединение и не находилось на курсе 280 градусов. На самом деле офицер радиоперехвата с «Лексингтона» ошибся в переводе с японского.

Потом пришел доклад, что американские самолеты атакуют японский авианосец^{36}. Это был «Сехо», легкий авианосец, назначенный непосредственно прикрывать вторжение в Порт-Морсби. «Сехо» вступил в строй в начале 1942 года, и, в отличие от ветеранов 1-й и 2-й дивизий авианосцев, его пилоты не имели боевого опыта. Американская ударная группа справилась со своей задачей, легко сбив дюжину «Зеро». Бомбы и торпеды быстро потопили несчастный корабль. В радиорубках на «Лексингтоне» и «Йорктауне» услышали сильный и ясный голос: «Потопил один «гладкопалубный!»[74]

К 13:38 самолеты ударной волны вернулись на свои авианосцы. Флетчер сосредоточился на задачах обнаружения и атаки 5-й дивизии авианосцев. Он продолжал игнорировать информацию Биарда по поводу их местонахождения. С наступлением плохой погоды он решил, что «продолжительности светового дня недостаточно для атаки после интенсивного поиска». Он решил использовать все свои самолеты для того, чтобы отражать неприятельский удар. Он не знал, что его японские «коллеги» пришли к похожему заключению.

«Дзуйкаку», полдень, 7 мая

5-я дивизия авианосцев приняла свои самолеты и подготовила их к новому вылету. К середине дня Хара пришел к выводу, что «атаковать сегодня нет никакой возможности». Однако в 16:00 гидросамолет сообщил, что американские авианосцы находятся в пределах досягаемости и могут быть атакованы. Если бы он командовал более опытными пилотами, Хара атаковал бы всеми силами. Вместо этого он вызвал добровольцев среди лучших

экипажей. Двенадцать пикировщиков «Вэл» и пятнадцать торпедоносцев «Кейт» направились на юг. Они летели по направлению к западу, но не смогли преодолеть грозовой фронт и найти противника. Два часа спустя, когда они разворачивались назад, случилось несчастье. Радар «Йорктауна» обнаружил цель, авианосец поднял «Уайлдкэты» на ее перехват.

Пикировщики сбросили бомбы, чтобы обрести маневренность и проворно уклонились от «Уайлдкэтов». «Кэйты» были не столь маневренными и не могли спастись. Семь торпедоносцев и один пикировщик были сбиты ценой всего трех американских истребителей. Удивительно, но, возвращаясь в условиях плохой погоды, японские пилоты едва не сели на американские авианосцы, приняв их за свои. Их остановил только зенитный огонь^{37}. Японские самолеты смогли вернуться, только потому, что Хара включил прожектора, демаскировав себя. Показав превосходную подготовку, восемнадцать самолетов успешно сели на авианосцы ночью. Только один «Кэйт» разбился. Таким образом, неудавшийся удар выбил девять лучших воздушных экипажей, и в первый раз японцы выяснили, что они имеют дело с двумя американскими авианосцами.

Линкор «Ямато», Хасирадзима, 7 мая

В это время Угаки изучал доклады об обстановке. Когда американцы начали 4 мая свою неожиданную атаку против Тулаги, он записал у себя в дневнике: «Похоже, враг решил атаковать после того, как узнал нашу ситуацию достаточно хорошо». Он и его штаб были уверены в успехе. Аналитики центра радиоперехвата в Овада радовались, что успешно идентифицируют вражеские сигналы. Когда соединение Флетчера нарушило радиомолчание, они правильно сообщили, что в Коралловом море действуют два американских авианосца. Оценивая обстановку, Угаки ожидал хороших новостей. Он пометил в своем дневнике, что авианосец, ближайший к авианосцам Хара, «будет уничтожен одним ударом»[75], в то время как другой авианосец «станет прекрасной целью для средних бомбардировщиков-торпедоносцев с Повой Гвинеи». Вместо этого пришли ужасные новости о потере «Сехо».

Обмен авианосцами, 8 мая

Разведка союзников выяснила все что только было можно. 8 мая ожидался тяжелый бой, первое в истории сражение авианосных соединений. Успех придет к той стороне, которая будет бить сильнее. Тактические факторы хорошо сбалансированы. Погода, которая так мешала японским авианосцам предыдущим вечером, теперь служит им ценным укрытием. Напротив, американские авианосцы оказались в районе очень хорошей видимости. Однако у американцев 121 самолет против 95 у японцев. Каждый американский авианосец имеет на 60 процентов больше зенитных средств. Имея более мощные силы прикрытия, американцы обладали большими оборонительными возможностями. Наконец, в отличие от «Сеаку» и «Дзуйкаку», «Лексингтон» и «Йорктаун» имели радар.

Каждая сторона примерно знала местоположение своего противника и с утра начала поиск. В 08:20 лейтенант Д. Смит сообщил об обнаружении неприятеля. Через две минуты унтер-офицер Кензо Канно сделал то же самое. Таким образом, ни одна из сторон не избежала обнаружения и не могла воспользоваться фактором внезапности. Американцы запустили 82 самолета: 46 пикировщиков, 21 торпедоносца, 15 истребителей сопровождения. 17 «Уайлдкэтов» остались охранять авианосцы. 69 японских самолетов — 18 «Зеро», 18 «Кэйтов» и 33 «Вала» образовали ударную группу, 19 «Зеро» остались в воздушном патруле. Американцы показали, что они хуже, чем японцы, летают строем.

Торпедоносцы и пикировщики атаковали разрозненно и нескоординированно. «Девастейторы» сбрасывали торпеды со слишком больших дистанций, из-за чего от них можно было легко уклониться. «Доунтлессы» производили бомбометание прямо в центре истребительной завесы. Они достигли трех попаданий в «Сеаку». лейтенант Джозеф Пауэрс нанес самый серьезный удар. Показав отвагу, за которую он получил позже Почетную медаль Конгресса, Пауэрс держал свой самолет, поврежденный зенитной артиллерией, не пытаясь выйти из пике. Его 1000-фунтовая бомба попала в корпус и вызвала обширный пожар авиационного бензина. Взрыв повредил полетную палубу и сделал «Сеаку» неспособным к взлетно-посадочным операциям.

В это время японские пилоты атаковали «Йорктаун» и «Лексингтон» с большей координацией, чем американцы. Тем не менее экипаж «Йорктауна» продемонстрировал великолепное управление, на скорости 32 узла уклонившись от всех торпед. «Лексингтон» был на 80 футов длиннее, чем «Йорктаун», и имел вдвое большие водоизмещение и радиус поворота. Он уклонился от нескольких торпед, но две попали в цель. Достигли попаданий и два «Вэла». Какое-то время казалось, что несчастный авианосец все-таки выживет. Однако через некоторое время корабль потряс взрыв паров бензина, который стал для «Лексингтона» смертельным. Один пикировщик попал в надстройку «Йорктауна». Бомба пробила три палубы и взорвалась на складе авиационного оборудования. Экипаж быстро взял пожар под контроль.

На этом битва и закончилась. Ни та ни другая сторона не получила достаточного опыта оборонительных авианосных сражений. Системы борьбы за живучесть показали свою полную несостоятельность на непрочных кораблях, перегруженных авиационным бензином и взрывчаткой. Один американский авианосец был потоплен и один поврежден. Со стороны японцев один корабль потерял боеспособность, утратив возможность совершать взлетно-посадочные операции. 5-я дивизия авианосцев потеряла 37 процентов своей авиации за минувшие 24 часа. «Дзуйкаку», был вынужден сбросить часть самолетов (9 бомбардировщиков и три истребителя) за борт, чтобы принять все возвращающиеся самолеты. Это сделало потери в авиационном парке из серьезных катастрофическими. Из семидесяти двух самолетов только двадцать семь были способны взлететь.

На борту легкого крейсера «Касима» в гавани Рабаул адмирал Иноуэ переваривал ужасные новости. Его первой мыслью было приказать всем оперативным соединениям искать сражения. Затем он подумал о своих уязвимых транспортах. Знание того, что вражеские крейсера патрулируют пролив Жомар и что американские авианосцы находятся между транспортом и 5-й дивизией авианосцев, нервировало его. Иноуэ приказал транспортам повернуть назад и не входить в пролив Жомар. Четыре тяжелых крейсера, принадлежащие к силам прикрытия, будут защищать их во время отхода.

Такаги тоже сильно беспокоила его позиция. Потери среди его самых опытных пилотов заставили его проявлять осторожность. Обменявшись посланиями с Иноуэ, он тоже решил отойти. Этим вечером Иноуэ завершил неприятное дело, послав рапорт о сражении адмиралу Ямамото. Обвинив Хару в том, что тот не оправдал доверия, Иноуэ заключил: «Атака Порт-Морсби будет отложена. Запрашиваю ваше подтверждение».

Линкор «Ямато», якорная стоянка Хасирадзима, 8 мая

Начальник штаба Угаки закончил брифинг и спросил Ямамото, как ответить на требование Иноуэ. Последовала долгая тишина, затем Ямамото сказал: «Что-то здесь не так, мой друг. С тех пор как началась эта война, мы все время пытаемся вступить в

схватку с американскими авианосцами. В конце концов мы нашли их — и что? Или у Хары, или у Иноуэ, или у них обоих не выдержали нервы».

«В войне есть противник, — ответил Угаки, — поэтому никто не может действовать так, как ему хочется».

«Все идет слишком хорошо для американцев, — ответил Ямамото. — Они эвакуировали свою базу на Тулаги, как раз перед тем как мы пришли туда. Они ударили по нашим кораблям, когда те стояли на якоре и были без прикрытия. Они бомбили Рабаул и Новую Гвинею, когда мы собирали свои силы. Затем они блокировали пролив Жомар и потопили «Сехо». Что-то там не так?»

Угаки ответил: «Я думаю, это связано с недостаточной воздушной разведкой. Нам нужно иметь это в виду».

«Хм-м-м... — промычал Ямамото. — Я хочу, чтобы наши лучшие люди как следует изучили проблему. Но ничто не должно помешать операции на Мидуэе».

Жертва пешки, 10 мая

Агент Т прочел резюме дневных брифингов из штаба Макартура, полученные от Рэйчел Брэй. Оказалось, что только что завершившееся сражение в Коралловом море привело к большим потерям с обеих сторон. Однако из речи докладчика можно было понять, что враг владеет информацией о планах Имперской ставки. Когда что-то происходит однажды — это случайность. Когда дважды — это уже нечто другое. Мог ли вражеский агент или даже предатель существовать в японском высшем командовании? Вряд ли, но все возможно.

Он решил нарушить радиомолчание и послать первое сообщение с того самого дня, как сигнализировал о своем успешном прибытии в Австралию. Полученная информация требовала длинной передачи. Следовало ожидать, что вражеские посты прослушивания выявят его присутствие. Если они достаточно хорошо умеют работать, ему придется искать безопасное место, а для этого нужно замести следы.

Рэйчел прервала его размышления: «Достаточно хорошо, не правда ли? Можно мне мой пакет?»

Во время тренировки в Овада агенту Т вбили в голову не позволять привязанности мешать прагматическому суждению. Его инструктор быстро понял, что это не составит проблему для агента Т.

Он дошел до своего стола, но вместо конверта из правого ящика он достал конверт из левого. С легкой улыбкой он передал конверт: «Хорошо поработала. Вот специальная награда».

Линкор «Ямато», Хасиродзима, 12 мая

Два дня спустя один из офицеров штаба потребовал встречи с Ямамото и начальником штаба Объединенного флота. Его сопровождал молодой офицер, который выглядел очень нервным в присутствии адмирала.

«Сэр, это лейтенант Итики из отдела радиоразведки в Овада. У него есть кое-что интересное».

Ямамото поднял глаза на колеблющегося лейтенанта: «Да?»

«Сэр, мы получили информацию поста прослушивания на Новой Гвинее от австралийского агента-нелегала, — его голос срывался.

«Продолжай» — сказал Ямамото.

«Этому агенту было приказано не сообщать, если не случится ничего экстраординарного. Так или иначе, мы ничего не слышали о нем с тех пор как война началась, и забыли о нем. Его сообщение было повреждено, но мы выяснили: он сообщал, что американцы знали о наших планах. Они знали, когда и где мы будем действовать.

«Невозможно!» — закричал Угаки.

Ямамото поглядел на лейтенанта более добродушно: «Продолжай»

«Сэр, наш отдел не обратил бы внимания на этот агентурный бред, если бы не тот общий анализ ситуации вокруг Тулаги, который вы нам поручили несколько дней назад. Само по себе сообщение ничего не значит, но вместе с Тулаги...»

Ямамото перебил его: «Порт-Морсби, «Сехо», крейсера в проливе Жомар, авианосцы Такаги, да?»

«Мы думаем, что американцы читают наши сигналы».

Офицер по разведке пробормотал: «Это невозможно, мы использовали двойные многобуквенные коды...»

«Довольно! — крикнул Ямамото — Сколько я говорил вам, что не надо недооценивать американцев! Мы проверим это. Угаки, Иноуэ продолжает работать над Операцией RY против Оушена и Науру?»

«Да, сэр».

«Конечно, американские авианосцы не могут этого ожидать, — продолжал Ямамото. — Скажите Иноуэ продолжать, но если он столкнется с американскими авианосцами, ему придется прекратить операцию. И, Угаки, пошлите этот приказ с курьером. Пришлите этого молодого человека сюда».

Конец игры, 13 мая

В Вашингтоне, округ Колумбия, генерал Дуайт Эйзенхауэр написал секретный меморандум генералу Макартуру относительно той информации, которую главное командование на Юго-западе Тихого океана предоставляет австралийской прессе, и передал документ генералу Маршаллу. Он гласил: «Публичные сведения, распространяемые Вашим штабом, содержали важные детали, касающиеся недавнего морского сражения на юге Тихого океана. Главнокомандующий Тихоокеанского флота считает, что это представляет определенный риск для действующих соединений». Здесь Маршалл вставил написанную собственной рукой фразу: «и подвергает опасности

успешное продолжение операций». Далее указывалось: «Всякая информация, касающаяся боевых действий на земле, на воде и в воздухе, происходящих в зоне ответственности главного командования на Тихом океане, может быть предоставлена только Военно-морским департаментом». Критика разозлила Макартура, Эйзенхауэр и Маршалл знали об этом, но они также знали, что важно хранить в полном секрете важную информацию[76].

15 мая японский гидросамолет с Тулаги обнаружил «Энтерпрайз» и «Хорнет» на позиции, с которой можно было атаковать силы вторжения в Оушен и Науру. Иноуэ немедленно отменил Операцию RY.

На протяжении последующих двенадцати дней штаб Объединенного флота работал с полной отдачей. Ямамото не стал рассматривать возможность отмены операции по захвату атолла Мидуэй. Напротив, уверенность в том, что американские авианосцы пойдут в бой, зарядила его дополнительной энергией. Он пересмотрел стратегию, создав два альтернативных плана. Первый из них включал в себя отправку по радио приказов, согласно которым операция по захвату Мидуэя должна была разворачиваться по первоначальному замыслу. Второй, истинный, план содержал ряд детальных письменных инструкций, которые должны были передаваться только из рук в руки. Эти инструкции коренным образом пересматривали план.

Первоначально Алеутское соединение продолжает действовать в соответствии с исходным замыслом, причем два крейсера используют позывные легких авианосцев «Рюдзе» и «Дзунье». Затем эти крейсера остаются на севере, в то время как авианосцы присоединяются к главным ударным силам в районе Мидуэя. Такую же уловку следует использовать для легких авианосцев «Дзуйхо» и «Хошо».

Эти маневры добавляют 120 самолетов к силам Ударного авианосного соединения. Это практически компенсирует отсутствие 5-й дивизии авианосцев («Се-каку» находится в ремонте, «Дзуйкаку» понес большие потери в авиагруппе). Кроме того, Ямамото увеличил количество кораблей прикрытия, чтобы защитить авианосцы надежным противовоздушным щитом. Наконец, адмирал потребовал, чтобы субмарины Передового разведывательного соединения заняли свои позиции не позднее 1 июня, чтобы они могли обнаружить выход американских сил к Мидуэю.

Получив приказ сконцентрировать все усилия на угрозе Мидуэю, станция «Гипо» расшифровала огромный объем японских депеш. Это дало Нимицу всестороннюю, детальную и аккуратную картину японского боевого порядка, позволила определить состав и маршруты оперативных соединений, следующих к Мидуэю и Алеутам. 27 мая Нимиц собрал последний военный совет перед тем, как отправить американские авианосцы на позицию, позволяющую устроить японцам засаду и рассеять их силы.

В тот день легкий крейсер «Нагара» возглавил огромные авианосные и линейные силы Объединенного флота, которые вышли из Хасиродзимы и устремились на восток — к атоллу Мидуэй. С мостика своего флагманского корабля адмирал Ямамото с чувством глубокого удовлетворения обозревал свой могучий флот. Исход битвы был почти предопределен.

Реальность

Был очень тонкий оперативный баланс в период Кораллового моря — Мидуэя, и этот баланс очень легко мог быть нарушен. Например, та бомба, что попала в «Йорктаун» во время битвы в Коралловом море, легко могла упасть на двадцать футов ближе к

диаметральной плоскости и повредить полетную палубу. В этом случае «Йорктаун» не мог бы принять участие в битве у атолла Мидуэй, так что несложно создать «альтернативную» версию. Разведка союзников, их умение комбинировать данные радиоперехвата и результаты анализа криптоаналитиков сыграли выдающуюся роль в событиях весны 1942 года.

Во всех версиях 8-го мая происходит обмен авианосцами.

В текущей реальности Нимиц обошел приказы Кинга и проинструктировал Хэлси таким образом, чтобы позволить японцам найти его авианосцы. Нимиц справедливо полагал, что этого будет достаточно, чтобы прервать японское наступление против островов Оушен и Науру. В отличие от Кинга Нимиц очень хотел вернуть авианосцы на Гавайи, чтобы успеть подготовиться к операции на Мидуэе.

Рэйчел Брей не существовало. Но руководство в Вашингтоне очень беспокоилось относительно возможности раскрыть противнику свой ценнейший источник информации о его намерениях. Показателен упрек Маршалла Макартуру: документ приведен дословно, он найден с помощью Музея Джорджа Маршалла. К счастью, несмотря на неосмотрительность Макартура и безумие «Чикаго Трибьюн» после Мидуэя, японцы так не поняли, что их коды читаются союзниками.

Форрест Р. Линдси. УДАЧА НАГУМО

(Сражения при Мидуэе и в Калифорнии)

Решения

Коммандер Ч. Маккласки по прозвищу Бешеный взирал на бескрайние просторы Тихого океана. Он возглавлял ударное соединение палубных пикирующих бомбардировщиков, занятое поисками четырех японских авианосцев, составлявших ядро мощной авианосной группы противника, направляющейся к острову Мидуэй. Приказ найти корабли противника и атаковать их с воздуха был отдан сегодня утром и другим американским военным самолетам, как вылетевшим с острова Мидуэй, так и палубным бомбардировщикам, но никаких вестей от других эскадрилий пока не поступало, поэтому он совершенно не представлял, выполнили они задание, или нет. Его собственный «Доунтлесс» и еще тридцать два таких же бомбардировщика представляли собой грозную силу. Каждый из них нес 500- или 1000-фунтовую бомбу, любой из которых было бы более чем достаточно, чтобы потопить вражеский авианосец — разумеется, если бы удалось подлететь достаточно близко. Самолеты не обладали высокой скоростью и имели лишь легкое вооружение, но отличались высокой точностью бомбометания, а хороший пилот мог уложить бомбу не далее пяти футов от центра мишени. Его пилоты были действительно хороши, разве что у них еще не было достаточного опыта. Как только эскадрилья доберется до японцев, он сам возглавит первый заход, чтобы продемонстрировать молодежи, как правильно выходить на цель и точно поражать противника.

Погода стояла ясная, и видимость была превосходной, но предательских султанов белого дыма, свидетельствующих о присутствии японских авианосцев и кораблей сопровождения, видно не было, а до самого горизонта простиралась лишь безмятежная водная гладь. Он следовал курсом, который, как считалось, должен был вывести их на японский флот, если тот будет следовать с постоянной скоростью и прежним курсом, но никаких признаков присутствия противника по-прежнему не наблюдалось. Согласно

первоначальному плану, озвученному на сегодняшнем утреннем совещании, предполагалось, что японский флот будет одновременно атакован самолетами-торпедоносцами и прибывшими на место одновременно с ними пикирующими бомбардировщиками, а тем временем истребители будут охранять их от вражеских «Зеро». При атаке торпедами с небольшой высоты и бомбовой атаке сверху у противника практически не будет возможности оказать серьезное сопротивление. Это был старый добрый удар «сверху и снизу», парализующий японскую оборону на те несколько драгоценных секунд, которые были им необходимы.

Так где же все-таки японцы? Из динамика доносились лишь отрывки радиопереговоров пилотов 8-й эскадрильи торпедоносцев с «Хорнета», которые, очевидно, наконец обнаружили японскую авианосную группу, но из них все равно невозможно было понять, где именно находится вражеский флот. Запасы горючего близились к критическому уровню: они уже пролетели почти 155 миль, а, кроме того, истратили уйму горючего на набор высоты и на бесцельное кружение над авианосцами в ожидании взлета торпедоносцев.

Оставалось два варианта. Он мог свернуть направо (на северо-запад), предположив, что японцы сделали поворот в сторону американских авианосцев. А можно было свернуть налево (на юго-восток) к острову Мидуэй, считая, что японские авианосцы движутся быстрее, чем предполагалось, и намерены возобновить попытки сокрушить оборону острова. Последний вариант действий имел и другие преимущества: если противника там не окажется, он сможет посадить свои самолеты, дозаправиться, получить свежую информацию о местонахождении японцев и снова вылететь им навстречу.

Мрачно взглянув на указатель топлива, а потом снова окинув взглядом безмятежный океан, Маккласки мысленно бросил монетку и свернул налево, к Мидуэю[77].

В это же время адмирал Тиути Нагумо, командующий ударной японской авианосной группой, позволил себе слегка расслабиться после того, что с его точки зрения было достаточно хмурым утром, в конце которого чуть забрезжил призрак удачи. Все утро корабли его мощного соединения ни разу не подверглись нападению ни американских бомбардировщиков наземного базирования, ни торпедоносцев. Потрясением для него явилось присутствие вражеских авианосцев — предполагалось, что американцы находятся в районе Перл-Харбора — но через некоторое время самолет-разведчик обнаружил американские авианосцы. К удивлению адмирала, они оказались в 200 километрах к северо-востоку от него. Его самолеты наконец вернулись после утреннего удара по острову Мидуэй, а пилоты истребителей отдыхали после воздушных поединков. Времени довооружить все самолеты необходимым количеством торпед и бронебойных бомб для нанесения удара по вражеским кораблям уже не оставалось, но он успокоил себя мыслью о том, что его пилоты вполне смогут уничтожить американские авианосцы и тем оружием, которое у них имеется. Налеты американцев закончились, равно как и вызванное ими смятение. Боезапас самолетов был пополнен. Теперь самым важным было ответное нападение, решающее сражение с остатками вражеского флота. Наконец, поступили сообщения о том, что самолеты на всех его четырех авианосцах готовы к взлету. Через двадцать восемь минут после того, как последний из американских торпедоносцев упокоился на дне Тихого океана, адмирал Нагумо приказал своим самолетам взлететь и построиться для нападения на американские авианосцы.

Ситуация на авианосцах «Хорнет», «Энтерпрайз» и «Йорктаун» была не из лучших. Большая часть истребителей сегодня утром была отправлена для нанесения ударов в расчете на то, что они застигнут японцев врасплох. Утренние, тщательно спланированные

налеты провалились после того, как торпедоносцы, бомбардировщики и истребители появились в районе местоположения противника в разное время и японцы получили возможность разделаться с ними поочередно. Многие пилоты даже не смогли обнаружить японцев и вернулись на Мидуэй или совершили вынужденную посадку на воду. Боевые информационные центры получили одни случайные малопонятные обрывки радиосообщений, свидетельствующие только о том, что среди пилотов царит растерянность и отчаяние. Лишь несколько самолетов сумели вернуться на свои авианосцы. Все они были изрядно потрепаны, а горючего в баках практически не оставалось. К середине утра 4 июня 1942 года большая часть ударных сил американских авианосцев была рассеяна, или покоилась на дне океана.

Два японских самолета к тому времени обнаружили американский флот и теперь, скрываясь за редкими облаками, старались подобраться поближе. Они непрерывно передавали навигационную информацию приближающейся ударной группе из бомбардировщиков и истребителей с тем, чтобы как можно быстрее вывести их на цели. Вскоре после 11:00 по местному времени американские радары засекали первую волну атакующих японских самолетов в количестве 200 единиц, приближающихся к практически беззащитным авианосцам. Дать им отпор могла только группа «Уайлдкетов» воздушного патруля. Бой был коротким: через шестнадцать минут все три авианосца были поражены и японские самолеты обрушились на крейсера и эсминцы охранения

Когда атака закончилась, «Энтерпрайз» и «Йорктаун» еще держались на плаву, но команды их покинули, и на борту оставались лишь группы специалистов, оценивающих степень повреждений. «Хорнет» почти сразу затонул, и к месту его гибели тут же устремились эсминцы с тем, чтобы подобрать спасшихся моряков. Несмотря на отчаянные попытки запустить машины двух уцелевших авианосцев, все понимали, что решающим фактором является время. Никто не сомневался, что вскоре последуют новые налеты, а после этого корабли окажутся в пределах досягаемости пушек японских линкоров. После того, как из воды был вытасчен последний моряк, подошли эсминцы и выпустили по нескольку торпед в опустевшие корпуса. Теперь еще два американских авианосца разделили участь своих пилотов и их самолетов, упокоившись на глубине двух миль на дне Тихого океана. Уцелевшие корабли, битком набитые моряками, которых сумели обнаружить и вытащить из воды, на всех парах устремились прочь от противника на северо-восток.

Вскоре после этого японские силы вторжения под прикрытием шквального огня линкоров и крейсеров сил поддержки начали высадку на Мидуэй. После недолгого жестокого сражения оборона острова была смята и над тем, что незадолго до этого было кусочком американской территории, взвился флаг Страны Восходящего Солнца[78].

Известие о потере трех авианосцев и острова Мидуэй для Вашингтона оказалось подобным удару молнии. Такие новости от народа скрыть было невозможно: слишком уж много материалов о крупном морском сражении к этому времени появилось в средствах массовой информации. Когда смысл случившегося наконец дошел до сознания нации, стали раздаваться громкие и крайне эмоциональные призывы к правительству дать ответ. Состоялись экстренные совещания президента и его администрации с министром обороны и его заместителями, другими силовыми министрами и самыми влиятельными членами Конгресса. Наконец все присутствующие осознали значение того, что произошло, вину за поражение быстро возложили на адмирала Честера Нимица, которого обвинили в азартной игре почти всеми остающимися на тихоокеанском театре военных действий американскими военно-морскими силами. Зачем нужно было подвергать риску «Йорктаун», который и так всего несколько дней назад в сражении в Коралловом море

получил серьезные повреждения? Почему, несмотря на все предупреждения, полученные Нимицем, провалились воздушные атаки на японские авианосцы? Почему, когда адмирал Хэлси угодил на госпитальную койку, Нимиц для командования столь серьезными авианосными операциями против японцев выбрал адмирала Спрюэнса, превосходно командующего крейсерами, но совершенно незнакомого с авианосцами?

Само собой, было начато расследование, но прежде всего следовало как следует оценить новое и крайне сложное положение США и их союзников. Это было не просто еще одним поражением на Тихоокеанском театре военных действий. Это был полный разгром. Даже те небольшие операции, которые США и союзники могли осуществлять до Мидуэя в виде налетов и локальных военных действий, теперь представлялись невозможными. Австралия и все остальные территории в южной части Тихого океана оказались совершенно беззащитными и перед угрозой японского вторжения. Теперь на Тихом океане оставались только «Уосп» и «Саратога». В то же время японцы располагали десятью тяжелыми и пятью легкими авианосцами. После разгрома в Перл-Харборе у американцев на Тихом океане не оставалось ни одного линкора, и это означало полное господство японцев от Индийского океана до побережья Калифорнии. Имело место множество взаимных упреков, но действенных решений никто принять не мог.

Теперь, решили японцы, Его величеству императору больше не угрожают жалкие укусы американцев и, что еще более важно, Соединенным Штатам придется признать превосходство Японии и согласиться на мир на ее условиях. Именно это с самого начала и являлось основой плана японской военной кампании. Сначала ослабить американский флот, затем изолировать американские гарнизоны и подавить их сопротивление, и, наконец, втянуть остатки сил противника в решающую битву на море. Как и предполагалось, все шло своим чередом. Оставалось лишь добиться от американцев принятия условий перемирия, после чего Япония сможет полностью сосредоточиться на развитии и укреплении своей империи. Когда в Токио вовсю праздновали победу, лишь адмирал Исороку Ямамото по-прежнему оставался в штабе со всеми своими старшими офицерами. Времени терять было никак нельзя. Даже при том, что противник как будто полностью деморализован, адмирал обдумывал свои собственные планы и предложения Генерального штаба по поводу проведения следующей фазы операции, обеспечивающей окончательный переход военной инициативы к японским вооруженным силам. Наскоро были составлены условия перемирия, которые должны были быть переданы союзникам через доверенных людей в посольствах Швеции и Швейцарии, и практически все члены высшего руководства Японии считали, или надеялись, что американское правительство не найдет иного выхода, как согласиться на них. Ямамото придерживался другого мнения. Опыт работы в качестве военного атташе в Вашингтоне убедил его в том, что американцы — крайне вздорный и малокультурный народ — в то же время могут оказаться упрямыми и решительными. Отвага пилотов американских торпедоносцев, безуспешно пытающихся поразить его авианосцы, произвела впечатление даже на его подчиненных. Все американские пилоты раз за разом продолжали заходить на цели со скоростью 120 км/ч, совершенно невзирая на то, что его истребители «Зеро», куда более быстрые, сбивали их одного за другим. Они гибли как настоящие воины, признавали его офицеры. Мысль об этом навевала грусть, однако следовало заняться разработкой следующей фазы операции.

Со стратегической точки зрения дальнейшие действия должны были быть следующими:

- 1) Захватить Новую Гвинею и Австралию. Возобновить кампанию, преждевременно прерванную сражением в Коралловом море, которая позволит Империи продвинуться далеко на юг. Такое развитие событий было бы понятно и пришлось по душе японскому

военному руководству, поскольку позволило бы Японии установить контроль над всей юго-западной частью Тихого океана и подступами к Индийскому океану. Установление контроля над всеми этими морями обеспечивало беспрепятственный доступ к источникам горючего и запасам полезных ископаемых, а также открывало путь к захвату Индии. В этом случае, по общему мнению, Япония становилась бы просто неуязвимой.

Единственной проблемой, связанной с вышеуказанной стратегией было то, что она потребовала бы использования всех военно-морских сил, а после захвата Австралии и Малаккских проливов для удержания захваченных территорий потребовалось бы значительно усилить наземную и противовоздушную оборону. Подобная стратегия по идее означала «все или ничего» по крайней мере на следующие шесть месяцев, а то и на целый год.

2) Выслать подкрепления силам, штурмовавшим Мидуэй и захватить Оаху и остальные Гавайские острова — единственно логичная и легко достижимая цель. Оаху оставался последним и единственным форпостом американцев на Тихом океане. Природные гавани острова, такие как Перл-Харбор, базирующийся там флот, силы ВВС, огромные запасы горючего всегда представляли собой серьезную угрозу японскому флоту, стремящимся захватить Мидуэй, а кроме того, могли бы сыграть роль потенциального плацдарма в случае, если бы у американцев хватило духа контратаковать. Захват Гавайских островов и подавление американского сопротивления на Оаху гарантировали бы безопасность островов метрополии, оградив их от всех возможных ответных действий американцев непреодолимым барьером. Полное превосходство на море позволит японцам успешно высадить десанты на суше и поддержать высадки огнем. Сейчас это казалось более чем реальным. Решение о захвате Гавайских островов следовало принять немедленно. И уж нечего говорить о том, что следовало поддержать и усилить опорные пункты на Алеутских островах, на островах Апу и Кыска, предварительно уничтожив любые американские военно-морские силы, находящиеся в этом районе.

3) Нанести удар по материковой части США. Невероятно мощные силы вторжения Японии способны нанести серьезный урон городам, заводам, транспортным системам и системам энергоснабжения Западного побережья США. Активные авианалеты наверняка убедят руководителей США в невозможности ведения продолжительной войны с Японией. Объединенный флот является идеальным орудием, призванным парализовать стратегическое мышление противника и его возможности воспроизводства военной техники. Производственные мощности большинства американских авиастроительных компаний находятся вполне в радиусе действия палубной авиации японцев, а некоторые из заводов даже находятся в зоне досягаемости орудий линкоров, подошедших к Западному побережью США. Внезапные мощные удары лишь подчеркнут новое положение Японии на Тихом океане, деморализуют американцев и подорвут их веру в свое правительство, а, кроме того, дадут возможность Его Величеству дать достойный ответ на оскорбительный рейд Дулиттла, призванный прекратить земное существование его священной персоны. Учитывая опыт отражения налетов бомбардировщиков наземного базирования на японские корабли в ходе сражения при Мидуэе, Ямамото был уверен, что может безнаказанно приблизиться к морским границам США. Его немного тревожили возможные атаки торпедоносцев, выходящих на цели на низкой высоте, но скоростные «Зеро» были вполне способны справиться с этой опасностью, что подтверждалось всем предыдущим опытом. Те боевые корабли, что остались у американцев, серьезной угрозы представлять не могут. В пределах досягаемости орудий и самолетов его практически не знавшего поражений флота находились нефтепромыслы, нефтеперегонные и авиастроительные заводы, электростанции, судоверфи и множество других стратегических объектов. Америке предстояло оборонять 2200 километров побережья при том, что никто и понятия не имел, в каком именно месте японцы нанесут удар.

4) Требовалось дать ответ на настоятельные требования Германии нанести удар по Советскому Союзу. Некоторые влиятельные члены японского правительства и армейского руководства настаивали на немедленном ударе по юго-восточному флангу Советов в Маньчжурии с тем, чтобы оказать нацистам помощь в окончательном разгроме СССР. Идея была более чем привлекательной. В случае успеха граница с Маньчжурией значительно укрепилась бы, а в зону влияния Японии сразу попали бы все северные районы Тихого океана, включая Охотское море, порт Владивосток и неисчерпаемые богатства Сибири. Это почти наверняка гарантировало бы победу стран Оси над СССР, который до сих пор оправлялся после молниеносного немецкого наступления на Москву и Кавказ. Открытие японцами второго фронта оттянуло бы с запада часть сталинских войск и значительно облегчило бы положение немцев. Подобное решение требовало невероятных средств, огромного количества войск и их снабжения всем необходимым, а кроме того наверняка явилось бы игрой «ва-банк». Русские и японцы однажды уже были противниками, поэтому, учитывая пересеченный характер местности, капризную погоду, огромные расстояния и боевой дух русских, следовало ожидать, что кампания будет крайне непростой. Учитывая вариант 1, можно было предполагать, что США серьезной помехи представлять не смогут и их легко будет удерживать в узде.

5) Комбинация всех вышеперечисленных вариантов действия: американские войска на данный момент не в состоянии перейти к наступательным действиям, однако со счетов их сбрасывать рано. Реальной силой оставался американский подводный флот, базирующийся на Перл-Харбор и Австралию. Хотя количество лодок было небольшим, а качество торпед оставляло желать лучшего, ни один японский командир не забывал об их присутствии. Другой проблемой оставались ВВС противника, причем американские бомбардировщики уже нанесли серьезные удары по его силам, концентрирующимся для удара по Мидуэю. Кроме того, данные перехвата свидетельствовали о том, что базирующиеся на Оаху военно-воздушные силы начали получать подкрепления. Члены его штаба практически единодушно рекомендовали избрать вариант № 2, блокировать или захватить Гавайские острова с тем, чтобы навсегда очистить Тихий океан от американских ВМС и продолжать развивать успех операции при Мидуэе. Однако его консультации с Генштабом сухопутных войск показали, что армия склоняется скорее к варианту № 1 — наступательным операциям в Новой Гвинее и Австралии.

Ямамото, как всегда, раздирали противоречивые идеи. Для того чтобы развить успех, связанный с победой при Мидуэе, он скорее всего порекомендует в ближайшее время провести сразу несколько операций с тем, чтобы это дало Японии стратегическое преимущество в дальнейшем. С помощью своего воздушного флота и корабельной артиллерии он изолирует американские силы на Гавайях и нанесет серьезные удары или полностью разрушит порты и промышленные предприятия на Западном побережье. Недавние победы вполне позволяют Японии угрожать материковой части США, а Ямамото прекрасно понимал, что американцы пойдут на уступки лишь в случае угрозы непосредственного вторжения. После этого Япония сможет уже спокойно заняться решением остальных проблем в юго-западной части Тихого океана и завершить создание империи.

Он знал, что нынешнее подавляющее тактическое превосходство японцев вполне может оказаться временным, если позволить гигантским американским производственным возможностям развиваться и дальше. Кроме того, он понимал, что США спешно строят новые авианосцы, а тем временем летные школы спешно готовят молодых пилотов. Он мысленно прикинул, возможно ли определить, где именно находятся верфи, на которых строятся новые авианосцы, и можно ли нанести по ним удар. Это дало бы Японии дополнительное время и возможность воспользоваться временным преимуществом в

воздухе. Однако его морская разведка обнаружила строящиеся авианосцы лишь на верфях на Восточном побережье США в Нью-Джерси и Вирджинии, а, следовательно, они были за пределами досягаемости его сил. Было бы нелишнее скоординировать действия с германскими союзниками, но те пока ограничивались лишь рекомендациями, которые можно было принимать или не принимать. Более серьезной поддержки немцы Японии пока не оказывали. Следовательно, единственной возможностью предотвратить изменение сил в тихоокеанском бассейне была лишь блокада Панамского канала и перекрытие подводными лодками пространства между Южной Америкой и Антарктидой. Кроме того, ему следовало учитывать возможность нанесения контрудара двумя оставшимися американскими авианосцами. При этой мысли он улыбнулся. Если он сможет быстро обнаружить их, то Япония одержит полную победу. Разве могут два авианосца противостоять его могучему флоту?

Как только он решил направить свои военно-морские силы к Тихоокеанскому побережью США, Ямамото вызвал группу своих самых доверенных стратегов под началом кэптана Гэнда[79] и поручил им спланировать операцию. С точки зрения адмирала, у Японии в распоряжении имелось от шести до двенадцати месяцев, на протяжении которых Америка либо капитулирует, либо восстановит свои военно-морские силы и снова будет представлять собой угрозу Японии на океанском театре военных действий. Как обычно, Генштаб и армейское командование поначалу противились его планам, но авторитет и и сила личности в конце концов возобладали над несогласными. Император издал специальный рескрипт, посвященный его победе над американским Тихоокеанским флотом при Мидуэе, после чего ему уже не составило большого труда убедить недовольных следовать его планам. А его планы предполагали нанесение окончательного удара по еще недавно казавшемуся неодолимым врагу и позволяли армии вскоре после этого приступить к выполнению своих собственных задач. Более того, его план соответствовал чаяниям большинства японцев: зачем идти на перемирие, когда так близка окончательная победа? Ведь, как-никак, японские войска еще не потерпели ни единого поражения! Да, ему предстояла серьезная работа.

Макартур реагирует

Министр обороны открыл совещание по оперативным планам военных действий в Пентагоне сразу же после встречи с президентом и генералом Дугласом Макартуром. Последний прибыл из Австралии с тем, чтобы принять командование над тихоокеанскими военно-морскими, военно-воздушными и сухопутными силами. Несмотря на множество недовольных подобным решением, президент был уверен, что Макартур был именно тем человеком, который сможет взять ситуацию под контроль и вернуть нацию на дорогу к победе. Макартур дал ясно понять, что примет назначение только в случае, если все имеющиеся силы будут в его распоряжении и если ему будут предоставлены все необходимое материально-техническое обеспечение и ресурсы. Когда открывалось совещание, паника уже готова была вырваться наружу. Сообщения о потерях следовали одно за другим, перемежаясь докладами о военных возможностях противника и уязвимости американских позиций на Тихоокеанском побережье и на Гавайях.

После заслушивания докладов генерал Макартур был представлен присутствующим в качестве главнокомандующего американских вооруженных сил на тихоокеанском театре военных действий, после чего участники конференции молча выслушали его доклад о том, какими способами он собирается набрать, обучить и отправить на войну с Японией новые контингенты американских бойцов. Первоначальное мнение о том, что японцев можно держать в узде, а тем временем вместе с союзниками сосредоточиться на борьбе с немцами, оказывалось явно несостоятельным. Поражения, начавшиеся с разгрома в Перл-

Харборе, со сдачи 20 000 человек на Филиппинах, теперь дополнились потерей почти 10 000 летчиков, солдат, моряков и морских пехотинцев, которые либо погибли, либо пропали без вести на Мидуэе. Оборона Гавайских островов представлялась практически невозможной. Никакие военно-воздушные силы не были в состоянии поддерживать линии коммуникаций и сухопутные американские войска на островах. Равно невозможно было сосредоточить там военно-морскую группировку, способную предотвратить нападение японцев и последующий захват островов. К настоящему времени воздушные нападения японцев с острова Мидуэй и с авианосцев стали обычным явлением, что привело к значительному упадку духа у жителей острова. Все те, кто имел возможность бежать с Гавайев, быстренько паковали вещи и отбывали восвояси. Было совершенно ясно, что падение Гавайев лишь дело времени. Штаб-квартира Тихоокеанского флота и другие командные центры были эвакуированы с Оаху в Сан-Франциско, где Макартур на военно-морской базе Трежер-Айленд создавал свой собственный штаб.

Для американского руководства угроза Западному побережью была очевидна. Впервые американским городам грозили разрушения, которые уже испытали на себе многие города Европы. Первым делом следовало усилить военно-воздушные силы на всем протяжении Тихоокеанского побережья от Сан-Диего до Сиэтла, причем обеспечить их не только бомбардировочной и истребительной авиацией, но и самолетами разведки. Кроме того, следовало начать эвакуацию важнейших оборонных предприятий, которые предстояло переместить, замаскировать или обеспечить мощной противовоздушной обороной. При этом не следовало забывать и об эвакуации во внутренние районы страны гражданского населения.

С политической точки зрения, положение в стране было хуже не придумаешь. Руководство Республиканской партии и Конгресса были вне себя от того, что правительство Рузвельта оказалось столь инертным и столь неподготовленным. Кое-кто даже призывал Рузвельта подать в отставку или организовать импичмент и выборы нового руководителя нации. Движение за отставку набирало силы, но затем пошло на убыль, когда конгрессмены-демократы поддержали президента. Как только положение стабилизировалось, настало время принять предложения министра обороны по изменению стратегических целей в войне.

Во-первых, изменились приоритеты: теперь первоочередной задачей стало считаться поражение Японии, а не война в Европе. Англичанам, Советской России и бойцам Сопротивления оккупированных стран Европы предстояло некоторое время полагаться исключительно на собственные силы. Операция «Торч» — совместный десант американцев и англичан во Французской Африке — была отменена. Войска, предназначенные для этой операции, были отправлены назад в Сан-Диего для организации обороны Западного побережья и возможных военных действий против японцев. Лихорадочно создавались новые радарные станции и узлы связи, которые поспешно монтировались вдоль всего побережья с целью создания непрерывной цепи, способной загодя обнаружить любые объекты, приближающиеся со стороны океана. Самолеты, артиллерию, танки, боеприпасы, грузовики теперь отправляли не в Англию и Советский Союз, а в Калифорнию, Орегон и Вашингтон. Единственным прямым отпором немцам продолжала оставаться война с немецкими подводными лодками, рыскающими у атлантического побережья США и в Карибском море. Они создавали серьезные помехи американским военным операциям и игнорировать их было попросту невозможно.

Во-вторых, военно-воздушные силы, уже готовые к погрузке и отправке в Великобританию, были отправлены на Западное побережье, где пилоты были отправлены на переобучение с целью подготовить их к ведению боевых действий против японских

кораблей. Часть лучше всего проявивших себя пилотов была отправлена в Панаму для укрепления обороны канала. Единственное, что оставалось непонятным, так это то, успеют ли американцы вовремя завершить сложную работу по восстановлению воздушного флота, его инфраструктуры, а также подготовку экипажей, производство боеприпасов, горючего и запчастей в количестве достаточном, чтобы противостоять возможному нападению японцев. В Панаме, как и на всем остальном Западном побережье, закипела работа.

В-третьих, авианосец «Рейнджер» должен был быть немедленно переброшен на подмогу Тихоокеанскому флоту. Все находящиеся в Атлантике и Карибском море подводные лодки также следовало немедленно перебросить на Тихий океан в качестве средств разведки и отлова японских транспортов на ключевых океанских трассах и в узловых точках.

В-четвертых, в учебно-тренировочных лагерях на всей территории Штатов началась краткосрочная интенсивная подготовка пехотинцев, бойцов ПВО и танкистов, призванных отразить нападение японцев на Западное побережье США.

В-пятых, инженерные войска США под руководством штаба генерала Макартура должны были срочно построить на Тихоокеанском побережье сеть аэродромов. Командование этих войск, кроме того, отвечало за координацию и ход работ по возведению береговых укреплений вдоль всего Западного побережья. Военные строители уже начали подбирать подходящие места для строительства, а железные дороги начали переброску необходимых строительных и иных материалов для строительства. Большим приоритетом пользовались лишь переброска войск и вооружений.

В-шестых, авиазаводы «Консолидейтед Вулти» (Сан-Диего), «Локхид» (Бербанк), «Дуглас» (Лос-Анджелес), «Норт-Американ Эвизйнш» (Лос-Анджелес) и «Боинг» (Сиэтл) следовало демонтировать и перебросить с Западного побережья в Колорадо, Аризону и Нью-Мексико. Предполагалось, что вся операция может занять около года. Только заводы компаний «Нортроп», «Мартин», «Белл», «Чане Ваут», «Рипаблик», «Грумман» и «Кертисс» должны были остаться на своих местах и беспрепятственно продолжать проектирование и производство вооружений. В срочно опустошаемых офисах уничтожали кальки, рулоны чертежей паковались в картонные тубусы, а приборы, шаблоны и аэродинамические трубы укладывались в прочные деревянные ящики. Все это оказало совершенно непредсказуемое влияние на некоторые типы самолетов. К примеру, P-51 «Мустанг» так и не получил предназначенный для него двигатель «Паккард-Мерлин 61», а P-38F «Лайтнинг» продолжал страдать от так и не решенной проблемы эффекта сжатия. B-17 и B-24 предстояло начать заново производить в Канзас-Сити и Уичите, вследствие чего количество их некоторое время обещало оставаться небольшим. «Боингам» модели 345-й или XB-29, а также самолетам B-32 и B-36 компании «Консолидейтед Вулти» вообще предстояло оставаться в виде проектов на протяжении шести месяцев или около того, до тех пор, пока не закончится восстановление авиастроительных заводов на новом месте. Можно было увеличить лишь производство «Мародеров» B-26, поскольку авиазавод Гленна Мартина, в Балтиморе, стабильно наращивал уровень производства. Наилучшим перехватчиком и самолетом прикрытия оставался истребитель «Рипаблик» P-47, поэтому другим авиастроительным компаниям предстояло перепрофилироваться на его производство. Контракты на производство дальнего бомбардировщика, необходимого для нанесения ударов по Японским островам, были переданы Джеку Нортропу, с тем чтобы он ускорил работы по созданию своего довольно странного бомбардировщика XB-35.

В-седьмых, наиболее ответственные офицеры и персонал с Гавайских островов должны быть эвакуированы в США. Останется лишь минимальное количество военнослужащих, необходимое для проведения военно-морских операций и обороны островов. Жителям Гавайев будет предоставлено право либо оставаться там, где они живут, быть переправленными в специальные лагеря на территории США, либо на другие острова архипелага подальше от предполагаемой цели нападения японцев — Оаху.

Макартур согласился, что подобные шаги неизбежны, но в то же время он не может допустить уход Соединенных Штатов в глухую оборону. Он прекрасно знает, как японцы способны неотступно преследовать поставленные цели и видел, какая участь постигла мужчин и женщин, американцев и филиппинцев в Коррехидоре. Для него «Марш Смерти» на Батаане был реальным переживанием, и он целиком сосредоточился на том, как им, американцам перейти в победоносное наступление. Он был не согласен с адмиралами Нимицем и Кингом, сделавшими ставку на сражение при Мидуэе, и был страшно разочарован его исходом. Теперь же он располагал полной поддержкой флота — силой, которая при благоприятном стечении обстоятельств была способна отразить приливную волну и направить ее назад, в сторону противника.

Одной из главных проблем было то, что закрылось единственное окно в планы противника: станция «Гипо», аналитический центр данных дешифровки и радиоперехвата, была недавно закрыта и отправлена в Калифорнию. Первые полезные сведения от них поступят не раньше чем через несколько недель. Вдобавок к этому, японцы, по-видимому, догадались, что американцы читают некоторые из их секретных сообщений, и после сражения при Мидуэе немедленно сменили наиболее важные из своих шифров. Американцам придется разгадывать «JN-25», как называется новый японский военно-морской шифр, в самый неудачный момент[80].

Хотя Макартур был чрезвычайно занят, звонок командующего ВМС США заставил его отступить от графика и встретиться с учеными из Исследовательского центра ВМФ в Далгрене, штат Вирджиния и Университета Джона Хопкинса в Балтиморе. Они сообщили ему о создании оружия нового типа и о том решающем значении, которое оно может иметь в войне. Суть открытия являлась государственной тайной и была совершенно феноменальной. Ученые создали и успешно испытали артиллерийский снаряд, который с помощью радиосигнала определял расстояние до самолета и изрывался при максимальном приближении к нему. Они называли это устройство дистанционным взрывателем «VT», и оно могло произвести настоящую революцию в средствах ПВО. Они показали Макартуру фильм, где были зафиксированы результаты первых испытаний «VT» против беспилотного самолета-мишени. Результаты оказались даже лучше, чем он предполагал. С первого же выстрела мишень буквально разнесло в куски. Макартур немедленно распорядился запустить новое оружие в производство и как можно скорее обеспечить им расчеты сил ПВО[81].

Макартур прекрасно представлял себе, каковы будут следующие шаги японцев. Теперь на Тихоокеанском театре военных действий им ничто не препятствовало и, если они будут следовать своей обычной тактике, американцам следует очень скоро ждать новых и сокрушительных ударов. Он был согласен с прикидками разведслужб, которые считали, что японцы, скорее всего, нанесут удар по Гавайским островам и Западному побережью, но никак не мог согласиться с тем, что имперские войска победят. У него были одна-две идеи по поводу того, как осадить противника и ослабить его. С точки зрения Макартура, кажущееся превосходство японцев на Тихом океане может сослужить им дурную службу. В этом смысле они были вполне предсказуемы: они наверняка заткнут рты сторонникам мира в правительстве и будут продолжать наступательные операции. Единственными

реальными их целями могут быть лишь Юго-Восточная Азия и Австралия, или, если они решат продолжать развивать свой успех при Мидуэе, остров Оаху. Тем не менее возможность нападения на Западное побережье оставалась вполне реальной и он знал, что прибытие подкреплений для Тихоокеанского флота всецело зависит от безопасности Панамского канала. А еще он понимал, что если японцы решат обойти Оаху и Западное побережье, и ударить по Австралии, они пустят в ход практически все свои наступательные средства далеко от Америки, тем самым давая ей небольшую передышку и позволяя встать на ноги. В противном же случае, если японцы решат нанести удар по Гавайям и Западному побережью, то они используют для этого свою главную ударную силу — Объединенный флот, причем рискуя подвергнуться ударам американской наземной авиации и вдали от своих центров снабжения; японцы окажутся отрезанными от метрополии и от любой возможной поддержки. Вся штука, следовательно, будет заключаться в том, чтобы подманить их как можно ближе и воспользоваться этой их слабостью.

Какой именно способ действий выбрать, стало ясно несколько дней спустя. Американские самолеты-разведчики обнаружили новые строящиеся японские аэродромы на Соломоновых островах, на острове Гуадалканал.

Едва флагман адмирала Ямамото «Ямато» покинул лагуну Трук, как его настигла поразительная новость: американские войска обнаружены на Соломоновых островах в гавани Тулаги, группировка неизвестной численности высаживается на острова Тулаги и Гуадалканал.

Никто из разведывательных служб — даже офицеры разведки при штабе адмирала — не делал никаких предупреждений о том, что американцы могут предпринять что-либо подобное. Как они смогли? У них на Тихом океане было только два авианосца, а их силы охранения состояли всего лишь из легких крейсеров и эсминцев. Разведывательные подводные лодки обнаружили транспортные суда, покидавшие порты на западном побережье, однако предполагалось, что они следуют на Гавайи. Что американцы собирались делать? Как они собирались поддерживать вторжение или даже выиграть?

В этот момент крупномасштабная операция Ямамото только начиналась. Ударная группировка, костяк которой составляли суперлинкоры «Ямато» и «Мусаси», разворачивалась в море к востоку от Трука, готовясь отправиться к побережью Калифорнии. Силы Ямамото были подобны частям сложного механизма. Оперативная группировка, состоящая из шести авианосцев, а также группа крейсеров и эсминцев под командованием адмирала Нагумо двигались прямо на восток по направлению к Калифорнии. Одновременно с этим, другая ударная группировка собиралась занять положение к северу от Гавайских островов, а третья направлялась к западному побережью Панама. Группа отвлечения, включающая авианосец «Рюдзе», направлялась в Коралловое море, имитируя нападение на Порт-Морсби, и должна была подойти уже достаточно близко, чтобы утром приступить к выполнению боевой части операции. Как только группа отвлечения вступала в бой с противником на Новой Гвинее, ударная группировка Ямамото должна была соединиться с группой авианосцев адмирала Нагумо в 300 морских милях к западу от острова Сан-Клементе. Оттуда они должны были выдвинуться для того, чтобы силами палубной авиации и корабельной артиллерии нанести удары по портам в Сан-Диего и Лос-Анджелесе.

Тщательная ночная разведка, осуществляемая авиацией, базирующейся на подводных лодках, выявила главные цели, причем особенный интерес представляли военные и гражданские аэродромы, военные базы, портовое оборудование, позиции корабельных и

береговых батарей. Любые военные корабли, оказавшиеся в этой зоне, были бы атакованы, и юго-западное побережье США увидело бы японские корабли окутанными пламенем и дымом, поскольку они выпустили бы на берег тысячи снарядов. Воздушные силы, базировавшиеся на авианосцах, вступили бы в бой с уцелевшей авиацией противника и нанесли удар по целям, находящимся на глубине до 200 километров от берега. Такой большой дальности, впрочем, и не требовалось, поскольку американцы разместили основную часть наиболее важных объектов в непосредственной близости от берега. Однако у Ямамото была одна проблема. Единственным человеком, которому он мог поручить командование основной группой авианосцев, был адмирал Нагумо с его кажущимися успехами в операциях на Перл-Харборе и в Мидуэе, а Ямамото не доверял ему. Он не довел до конца операцию в Перл-Харборе, а в результате неудовлетворительно проведенной воздушной разведки на Мидуэе только счастливый случай спас его авианосцы.

Гавайская ударная группировка, которая должна была прибыть к острову Оаху одновременно с ударом Калифорнийской группировки, окончательно лишила бы противника дееспособности. На этот раз атака была бы безжалостной: уничтожались бы все обнаруженные доки, пирсы, склады, ангары, хранилища топлива и боеприпасов. При поддержке армейских бомбардировщиков с Мидуэя, эта группировка имела достаточно самолетов и боеприпасов, чтобы оставаться на месте боевых действий столько времени, сколько понадобится. Цель удара заключалась не в том, чтобы захватить Гавайи, а в том, чтобы сделать их бесполезными с военной точки зрения. Ямамото понимал, что высадка на Гавайи потребует больше ресурсов, чем он мог выделить в такие сжатые сроки. Эта операция позволила бы ему затупить шип в своем боку, блокировав американские войска на островах. Нейтрализовав Гавайи и пройдя мимо них в обход, Ямамото решал бы все краткосрочные тактические задачи. Позднее туда можно было бы вернуться.

Панамская ударная группировка с помощью самолетов, взлетающих с авианосца «Дзуйхо», наносила бы бомбовые и торпедные удары по шлюзам в Педро-Мигуэль и Гатуне. В это же время специальная десантная группа проводила бы операции с целью уничтожения насосных станций и портового оборудования в Бальбоа. Главный удар был бы нанесен по Мирафлорским шлюзам. В этой атаке принял бы участие эсминец «Мутсуки», на борту которого должен был находиться экипаж из добровольцев. Под прикрытием авиации и корабельной артиллерии, эсминец должен был пройти ворота и на полном ходу ворваться в шлюз. В момент полного прохода корабля в шлюз, экипаж должен был привести в действие заряд в 500 тонн взрывчатки, тем самым выведя из строя тихоокеанский вход в Панамский канал. При бездействующем Панамском канале американцы теряли бы решающие недели или даже месяцы на усиление своей военно-морской группировки на Тихом океане.

Единственная проблема заключалась в том, что американцы не стали бы просто так дожидаться их на Западном побережье. Они находились в зоне оперативных действий японцев, угрожая их флангам какой-то неизвестной операцией. В срочном донесении, которое Ямамото получил из Рабаула, сообщалось, что американские самолеты находятся над островом Гуадалканал, и через какое-то время будут угрожать базе в Рабауле. Допустить этого было нельзя, с этим было нужно что-то делать. В Рабаул был отправлен приказ отозвать группу отвлечения из операции в Порт-Морсби и пополнить противодесантные силы под командованием полковника Кийяоано Ишики 28-м пехотным полком 35-й бригады 17-й армии. Эти новые силы должны были покончить с присутствием американцев на острове Гуадалканал.

В Вашингтоне Совет безопасности снова собрался для обсуждения последних рекомендаций Макартура — хотя, с учетом его личности и стиля, «рекомендации» представляли собой нечто гораздо большее. Высадка на Гуадалканал была нехотя одобрена, частично потому, что адмирал Кинг согласился с Макартуром, а это случалось достаточно редко, частично потому, что общее командование операцией было поручено адмиралу Биллу Хэлси. Это решение было все еще трудным и спорным. Было рискованным задействовать для поддержки операции по высадке на остров все оставшиеся авианосцы и четыре крейсера до тех пор, пока на Гуадалканале не будут созданы аэродромы, способные обслуживать самолеты, принимающие участие в воздушных операциях. В этих же морских силах остро нуждались для защиты Оаху и Западного побережья, поэтому ставилась задача быстрого возвращения авианосцев, как только войска на Гуадалканале будут способны вести самостоятельные действия и построенные там аэродромы смогут обслуживать их собственные воздушные силы. Японцам не было известно, что авианосец «Рейнджер» только что вышел из Панамского канала в Тихий океан, а подготовительные работы на авианосцах «Эссекс» и «Индепенденс» были ускорены за счет перехода на круглосуточный режим работы. Члены совета с удовлетворением узнали первые новости с Гуадалканала — 1-я дивизия морской пехоты, сломив незначительное сопротивление, захватила на острове аэродромы и быстро укрепила свои позиции[82].

У президента были и другие поводы для беспокойства. Британские союзники были недовольны, а их положение становилось все более отчаянным. Несмотря на победы Монтгомери над Роммелем, тот продолжал удерживаться в Северной Африке, а Ось разделала британцев. Нацисты приступили к подводным операциям в Центральной Атлантике, вне зоны досягаемости базирующейся на берегу авиации. Многочисленные и хорошо скоординированные вылазки вражеских подводных лодок наносили ощутимый урон конвоям. Америка помогала как могла, но все надводные корабли, вплоть до минных тральщиков, были задействованы для защиты двух ее побережий. Ф.Д. Рузвельт не мог выделить дополнительно что-либо из сил флота или авиации. Британское командование стояло на грани прекращения бомбовых ударов по Германии и немецким целям в Голландии и Франции. Оно пыталось проводить дневные бомбежки промышленных объектов, однако из-за недостатка ресурсов было вынуждено перейти на ночные удары. Они были гораздо менее точными, но все же доставляли неприятности противнику.

Советские союзники также становились все более недовольными. Нацисты стояли у ворот Москвы и после отчаянных боев захватили центр Сталинграда на Волге. Америка объявила, что не может оказывать большей помощи Советам, и Сталин все больше убеждался, что Америка ведет с ними двойную игру. Они очень нуждались во втором фронте, который бы отвлек часть сил вермахта. Тяжелы были дела его союзников, но президент знал, что ближайшие несколько месяцев являются критическими и для выживания Америки. Большинство прогнозов, сделанных разведкой, сходилось на том, что в тот момент Япония не могла вторгнуться в США, однако дальнейшие неудачи на Тихом океане не позволили бы Америке принимать участие в операциях на Европейском театре военных действий и заставили бы сосредоточиться на защите от Японии. Собственное политическое положение президента было крайне непрочным. До ноябрьских выборов было всего два месяца, и его переизбрание было неочевидным. Его лидерство все более подвергалось сомнению в обществе, даже в его партии начинали критиковать его суждения и говорить о том, что кто-то «новый и свежий» должен участвовать в президентской гонке. Как и Макартура, ему пришлось нелегко, но он верил в американский народ. Теперь они увидят, работает или нет его стратегический план.

Макартур также был сильно обеспокоен, хотя и не подавал виду. Держась на публике уверенно — даже высокомерно, — он знал, насколько тяжелой может оказаться ситуация. Разведка из Австралии на основании данных прослушивания сообщала о передвижении крупных формирований японцев. Подводная лодка, находившаяся у входа в Трук, сообщала о том, что крупные части вражеского флота собираются в море для передвижения на восток. Макартур перебросил на запад столько сил, сколько было возможно, уделяя особенное внимание авиации. Единственное средство защиты Западного побережья и Панама, с его точки зрения, заключалось в том, чтобы атаковать бомбардировщики и подводные лодки. Он и адмирал Кинг задействовали все силы армии и флота для обнаружения, изматывания а затем и уничтожения частей противника. Главная задача заключалась в том, чтобы вынудить противника отложить удар, пока Америка не восстановит равновесие в силах. На военно-морском флоте усиленно готовились экипажи, но по самым оптимистичным оценкам, «Эссекс» и «Индепенденс» должны были быть готовы к боевым действиям к январю-февралю 1943 года, а прийти в Тихий океан они могли не ранее апреля или мая. Это при условии, что Панамский канал будет действующим.

Вдоль всего западного побережья, около Оаху, на побережье Центральной Америки патрульные самолеты, радары, станции радиоперехвата, подводные лодки были заняты поисками признаков приближающегося японского флота. Им не пришлось долго ждать. В 03:30 по тихоокеанскому времени 8-го октября 1942 года самолет с военно-морской авиационной базы на Норт-Айленд, пролетая к западу от Сан-Диего, обнаружил вражеские корабли, доложил об их местоположении и вскоре был сбит. Ямамото со своим Объединенным флотом прибыл.

Сирены воздушной тревоги завывали над Сан-Диего и Лос-Анджелесом, сотни тысяч жителей отправились в убежища или воспользовались дорогами, ведущими за город. Как только солнце поднялось над холмами, рой японских истребителей, взлетевших с авианосцев, начал атаковать с бреющего полета аэродромы в Сан-Диего и его окрестностях и искать самолеты, находящиеся в воздухе. Таковые были. Стаи P-40 и P-38 с аэродромов Браун и Линдберг, а также F4F с базы Норт-Айленд обрушились сверху на «Зеро» противника. Вскоре все слилось в сплошном водовороте. Одни самолеты гонялись за другими над красной черепицей домов, стоящих на холмах Сан-Диего. Вслед за истребителями около 200 бомбардировщиков «Кэш» и пикирующих бомбардировщиков «Вэл», взлетев с шести авианосцев, обрушились на побережье, чтобы атаковать военно-морскую базу, аэродромы и авиазавод. Еще одна группа американских истребителей подключилась к бою и устремилась за ними, дымные следы самолетов пересеклись в голубом небе Калифорнии. Обстрел самолетов был нерегулярным и поначалу неточным. Однако, по мере того, как зенитчики пристреливались, все больше самолетов стало падать. Бомбы падали по всему городу. Некоторые из них поражали цель, но большинство нет. Плохо нацеленные или аварийно сброшенные бомбы, сбитые самолеты, упавшие зенитные снаряды вызвали пожары, которые быстро распространялись. Над городом и в море над гаванью повисли клубы дыма. Сан-Диего горел, а бой еще только начался[83].

Как только пришло первое сообщение о начавшихся столкновениях, штаб Макарута перешел на чрезвычайный режим работы. По прямым телефонным линиям в Сан-Диего и Лос-Анджелес передавались данные радаров и приказы наносить удары по японцам. Бомбардировщики, поднявшиеся со взлетных полос, разбросанных по всей южной Калифорнии, взяли направление, основываясь на данных радаров о перемещении японских самолетов. По перемещению самолетов можно было определить место расположения японского флота. После разгрома на Мидуэе тактика действий была переосмыслена и улучшена. В то время как высотные бомбардировщики B-17 начинали

налет с различных направлений, с борта авианосца «Сеаку» было видно, как с востока на низкой высоте приближаются двухмоторные бомбардировщики. В-27 «Мародер», несущие торпеды, и В-25 «Митчелл», несущие бомбы, приближались, чтобы атаковать соединение с флангов. Истребители «Зеро», которые взлетели, чтобы встретить В-17, были вынуждены пикировать, чтобы перехватить средние бомбардировщики, приближающиеся к их кораблям. Истребители морской авиации F4F, вылетевшие с военно-морской авиабазы в Лонг-Бич, направлялись для перехвата истребителей «Зеро». Первый бомбовый удар был нанесен по «Ямато». Повреждения, похоже, были незначительны, однако дым указывал на то, что станция заправки самолетов была выведена из строя. Крейсера «Могами» и «Микума» были повреждены, причем «Микума» встал неподвижно.

Нагумо, наблюдавший с мостика своего флагмана, увидел бомбардировщик, направлявшийся прямо на «Хирю». Он затаил дыхание, когда тот, находясь под мощным огнем истребителей «Зеро», сбросил торпеду. «Мародер» вспыхнул, перевернулся и упал в воду. Вслед за этим его торпеда поразила «Хирю» в районе миделя.

В результате яростного огня по самолетам вода покрылась их обломками, однако по мере того, как все больше бомб и торпед попадали в корабли японцев, обстрел стал ослабевать, поскольку на кораблях были вынуждены бороться с возникающими пожарами. На горизонте появились новые группы самолетов, которые приближались с двух направлений. Это были военно-морские торпедные бомбардировщики ТВФ «Эвенджер», летящие с военно-морских авиабаз в Лонг-Бич, Сил-Бич и Лос-Аламитос. Командовавший военно-воздушными силами Макартура на острове Трэжер генерал «Гэп» Арнольд направлял в бой все новые и новые самолеты с близлежащих аэродромов. Часть самолетов направлялась к Лос-Анджелесу, где они поступали под командование центра управления авиацией на военно-морской авиабазе в Лос-Аламитос к югу от Лос-Анджелеса. Там армейские и морские штабные офицеры изучали сообщения о ходе боевых действий и отправляли в бой новые части. Когда самолеты возвращались из боя, их направляли на рассредоточенные аэродромы для дозаправки и пополнения боезапаса. Всего за несколько месяцев, которые были у Макартура на подготовку, его офицеры из авиации создали сеть центров управления авиацией, чтобы координировать воздушные сражения[84].

Удивление Ямамото сменилось изумлением: как американцам удастся действовать так эффективно? Расчеты, основанные на действиях американцев в Мидуэе, оказались явно несостоятельными. Они научились проводить хорошо скоординированные атаки, самые худшие последствия которых испытали на себе один из авианосцев и несколько подразделений бомбардировщиков. Ямамото хотел подойти ближе к берегу, чтобы привести в действие план по обстрелу линкорами береговых объектов, но воздушные удары уже начали приносить результаты, всего за тридцать минут сражения, когда корабли находились за 200 морских миль (370 км) от линии, с которой могли оказать поддержку артиллерийским огнем. Он надеялся на большую внезапность, но американцы проявили неплохую способность предугадывать его действия. Он знал, что повреждение еще нескольких авианосцев является лишь вопросом времени. Поэтому он приказал оперативной группе двинуться на юго-запад, чтобы выйти из зоны досягаемости самолетов противника. Там он смог бы планировать дальнейшие действия, исходя из эффективности проведенной атаки, которую можно было оценить, основываясь на донесениях экипажей самолетов и данных аэросъемки. Сражение разворачивалось неудачно. Он знал, что не может уступить победу американцам.

Президента разбудили в 07:10 по واشنطنскому времени, когда донесение о контакте с противником было передано в Департамент военных операций. Столкновение, которого

он боялся, произошло в точности, как было предсказано, и теперь парни Макартура должны были остановить японцев. Донесения о ходе учений и подготовке к обороне обнадеживали, но он слишком хорошо знал, какой эффект для страны и его политической карьеры будет иметь очередное крупное поражение. Последние контакты с союзниками проходили достаточно жестко. Черчилль был непреклонен относительно необходимости немедленной помощи и оценивал ситуацию в Европе как катастрофическую. Ночные бомбардировки оказались неэффективными, потери стали быстро возрастать, после того как немцы улучшили систему обороны. Силы в Северной Африке были истощены, в результате упорного сопротивления немцев войскам Монтгомери, а ночные налеты немцев на британские города участились, как ответ на бомбежки Германии. Самой тяжелой была ситуация на море. «Волчьи стаи» немецких подводных лодок, численностью до двадцати единиц, наносили небывалый урон судоходству. Россия была в отчаянии. Нацисты подошли вплотную к Москве, после героической и отчаянной обороны пал Сталинград. Налеты на Германию с запада были незначительными, шансов на открытие второго фронта не было. Это придавало Гитлеру уверенности, позволяло изменить пропорции в распределении войск и перебросить дополнительные части для наступления на Советский Союз. Сталин туманно намекал на потенциальную возможность заключить сепаратное соглашение с Германией, если союзники в ближайшее время не помогут ему.

Рузвельт сидел у телефона и слал курьеров в Пентагон, чтобы получить самые последние сведения о боевых действиях в Калифорнии.

А за пять часовых поясов от Вашингтона Оаху был подвергнут массированным ударам бомбардировщиков наземного базирования из Мидуэя и впервые после Перл-Харбора был атакован самолетами с авианосцев. Однако на этот раз американцы были заранее предупреждены и подготовлены. Как и в Калифорнии, американские истребители находились в воздухе и пытались через ряды японских истребителей пробиться к бомбардировщикам. Новые радары, установленные в Оаху в течение нескольких месяцев, прошедших со сражения в Мидуэе, патрульные подлодки и самолеты морской авиации позволили расширить «поле зрения» Гавайев далеко в море. Когда радары зафиксировали массированное передвижение воздушных сил противника, им поверили, и американцы успели подготовиться. Зенитный огонь также стал гораздо более эффективным. По ряду причин зенитчики на этот раз быстрее пристреливались, и некоторые японские самолеты оказывались сбитыми первым же выстрелом из крупнокалиберного орудия, как только попадали в зону обстрела. Несмотря на тщательную подготовку, а также высокий моральный и боевой дух японских экипажей, несмотря на проводимые в течение месяцев подготовительные налеты, потери оказались гораздо выше ожидаемых. На удивление, американцы действовали гораздо лучше, чем прежде. Однако, несмотря на это, огонь бушевал по всему Оаху, и практически ни одна его часть не миновала разрушения.

В это же утро, еще до восхода солнца, другая ударная группа заняла позиции для атаки Панамского канала. Пока авианосец «Дзуйхо» разворачивался по ветру, на самолетах уже разогревали моторы. Самолеты имели на вооружении тяжелые бомбы и торпеды. Неожиданно вахтенный предупредил о появлении в воде следов торпед. Быстрый авианосец резко развернулся, чтобы пропустить торпеды, но было уже слишком поздно. Два взрыва потрясли «Дзуйхо», по нему стал распространяться огонь. Эскортные корабли использовали глубинные бомбы против вражеской подводной лодки, выпустившей торпеды, однако это только позволило еще двум подводным лодкам приблизиться и выпустить новые торпеды в поврежденный авианосец. По крайней мере две из них попали в «Дзуйхо», увеличив его крен более чем до 30 градусов и практически предрешив его судьбу. Еще одна из торпед попала в «Мутсуки» В результате мощного взрыва на месте,

где еще мгновение назад находился эсминец, образовался огромный гриб, который стал медленно подниматься в небо[85].

Первые донесения, пришедшие к полудню в Вашингтон, были мрачными, они сообщали о значительных разрушениях и потерях, но появился первый намек на то, что ситуация начинает меняться в пользу Америки. Макартур из своего штаба мастерски руководил непрекращающимися контратаками против трех японских группировок. Как только заканчивался один налет, начинался новый, пока японцы неожиданно не отошли дальше в море, выйдя из зоны досягаемости американской авиации. В результате нападения на Калифорнию сильно пострадал порт в Сан-Диего, пирсы и склады в Санта-Монике. Небо покрылось густым черным дымом, потери, как военные, так и среди гражданского населения, были жестокими. По всему городу можно было услышать сирены скорой помощи, которые смешивались со звуками взрывов. Тем не менее ни Сан-Диего, ни Лос-Анджелес не были парализованы на длительное время. Завалы можно было разобрать, пожары потушить, а большую часть поврежденных объектов восстановить. Японцы так и не смогли приблизиться достаточно близко, чтобы использовать корабельную артиллерию. Согласно донесениям, над сушей и морем было сбито более двухсот японских самолетов, а за некоторыми самолетами, возвращавшимися на авианосцы, тянулся дымовой след. Атака на Оаху прошла еще хуже, а ее результаты были похожи: большинство, а может быть и все, разрушенные объекты могли быть в скором времени восстановлены или заменены новыми. Потери японской авиации оказались очень жестокими, гораздо тяжелее, чем по самым неблагоприятным прогнозам, и японцы не знали почему.

Силам, оборонявшим Панамский канал, в то утро тоже пришлось потрудиться. Американские подводные лодки атаковали японский флот, а бомбардировщики дальнего радиуса действия вели его поиски, чтобы продолжить атаку.

Ямамото оставался в командном пункте на «Ямато» и получал сообщения. Потери были высоки, погиб «Хирию». Пораженный бомбами и торпедами, охваченный огнем, он не мог быть восстановлен. После того, как последние члены экипажа были эвакуированы с авианосца, он был уничтожен торпедами, выпущенными с японского эсминца. Кроме того были потоплены три эсминца, а о наличии повреждений сообщалось в донесениях с большинства кораблей. Сообщалось так же, что «Микума» взят на буксир и сможет присоединиться к оперативной группе. После того как обломки были разобраны, выяснилось, что повреждения на «Ямато» были легкими. Однако тот факт, что он был атакован, оказал деморализующее воздействие, и сражение пошло неудачно. Самым печальным последствием сражения явилась потеря столь большого числа самолетов и опытных экипажей. Авианосцы без самолетов представляли собой лишь удобную мишень, а оперативная группа без достаточной поддержки с воздуха была бесполезна. В донесениях разведки содержались намеки на то, что скоро могут подойти «Саратога» и «Уосп». Еще утром это было бы отличной новостью, но теперь, после потери более половины самолетов, преимущество было на стороне американцев. Шифрованные донесения об атаках на Оаху и в Панаме приводили в отчаяние: потери были гораздо больше предсказываемых, а урон, нанесенный противнику в Оаху, гораздо меньше того, на который надеялись. После потери «Дзуйхо» и «Мутсуки» в результате атаки подводных лодок Панамская ударная группа была отведена. Несколькими удачными выстрелами враг поразил сердце ударной группировки и оставил ее не у дел.

Ямамото планировал новые удары, возможно на севере, но уже знал, что тот результат, которого он пытался достичь в результате наступления, уже упущен. Нагумо отвел свои авианосцы на такое расстояние от зоны боевых действий, где они находились в

безопасности от ударов самолетов наземного базирования, однако и сами не могли действовать. Воинственный дух американцев вырос, а не упал, надежды, что их можно вынудить к миру, рухнули. Ямамото решил принять ответственность за эти неудачи на себя и отвести обвинения от Императора. В конце концов, эта война превращалась в затяжную.

Тем временем пропала связь с полковником Ишики, после того, как он должен был атаковать американцев на Гуадалканале. В его последнем донесении говорилось, что он планирует нанести удар в бухте Аллигатор сразу после заката. Теперь было только молчание. Это беспокоило.

Эпилог

В конце декабря 1942 года авианосцы «Эссекс» и «Индепенденс» были спущены на воду и вышли в Атлантический океан. Им предстояло пройти подготовку по ускоренному графику, а новые экипажи самолетов проходили интенсивные тренировки. Всего за шесть недель оба авианосца были готовы к боевым действиям и пересекли Панамский канал, направляясь в Тихий океан. Японцы послали подводные лодки, которые должны были атаковать эти авианосцы после выхода из канала, однако мощное патрулирование позволило американцам, избежав столкновения, провести соединение авианосцев с силами Тихоокеанского флота. В течение короткого времени все новые и новые авианосцы продвигались на этот театр военных действий, баланс сил стал складываться в пользу американцев. Американцы удержали Гуадалканал, и теперь вражеские силы на Соломоновых островах и в Новой Британии находились под растущим натиском американцев.

Рузвельт принял решение об увеличении сил, сражающихся против немцев. Несмотря на поражения последних семи месяцев, немцев можно было победить, и Америка должна была выполнять обещания. Американские конвои взяли под защиту суда, идущие на восток, и решительно занялись «волчьими стаями». Патрульные бомбардировщики увеличили дальность своих действий, взлетая с американского побережья, Карибских островов, Исландии, Ньюфаундленда и с новых эскортных авианосцев. Потери среди немецких подводных лодок стали расти. Высадка десанта в Северной Африке началась в феврале, и немцы, парализованные на Восточном фронте жуткими холодами, были вынуждены обратить внимание на появление новых сил в южном Средиземноморье. Группы американских офицеров проинформировали своих союзников о тактике и технологических новинках, использованных в боях в Калифорнии и на Гавайях, впервые раскрыв существование и эффективность радиовзрывателей.

Джек Нортроп со своими инженерами, а также инженерами Гленна Мартина, продолжили интенсивную работу над бомбардировщиком XB-35. Совершенно секретные инструкции из Вашингтона требовали предпринять все усилия, чтобы новый B-35 был готов к использованию не позднее конца 1944 — начала 1945 года. Это был единственный проект бомбардировщика дальнего радиуса действия, который мог быть тогда реализован, и на его создание были брошены все ресурсы. Конструкторская бригада была усилена инженерами, командированными правительством. Объединенная команда решила отказаться от соосных винтов в пользу более привычных, а весьма амбициозные и сложные турели с дистанционным управлением были заменены обычными башнями с ручным управлением. Новый гигантский бомбардировщик, размах крыльев которого, по первоначальным проектам, должен был превышать 172 фута, начал принимать очертания. Нортроп понимал, что и в Лос-Аламосе что-то хотят делать с его самолетом, но не мог разузнать, что именно. Его попросили увеличить грузоподъемность с 16 000 до

26 000 фунтов, а радиус действия увеличить с 8150 до 10 500 морских миль. Размах крыльев был увеличен до 207 футов, были добавлены два дополнительных мотора. Нортроп, однако, был озадачен требованием увеличить грузоподъемность. Он знал, что часть этого увеличения пойдет на дополнительное топливо для беспосадочного перелета до Японии или Германии с континентальной территории США, а вот остальная часть пойдет на дополнительное вооружение. Какой тип бомбы весил так много?

Действительность

При подведении окончательных итогов американские потери на Мидуэе оказались бы жестоким ударом по вооруженным силам и моральному духу страны. Но ясно, что основы американской мощи при этом не были бы подорваны. Проектирование и производство военной техники на Западном побережье на некоторое время было бы дезорганизовано, но имелось немало других ресурсов, чтобы быстро восполнить эти потери. Народ в Соединенных Штатах был готов перенести удары или даже вторжение, но никогда не согласился бы на перемирие с японцами. Из всех ошибок японского руководства при анализе американской реакции на потери при Мидуэе и другие поражения эта была наиболее грубой.

Это могло повлиять на события в Европе и Советском Союзе, но не решающим образом. Британия нашла бы силы для продолжения борьбы. Советский Союз удержал бы Москву и отвоевал бы Сталинград, даже если бы Германия задействовала дополнительные ресурсы. Советы в любом случае одержали бы победу, но это могло потребовать больше времени, и гораздо больше русских при этом бы погибло.

Если Ямамото реализовал планы по захвату Новой Гвинеи и Австралии, окончательный результат не изменился бы. Америка приготовилась бы к обороне, ускорила выпуск авианосцев и подготовку экипажей, приступила бы к наращиванию сил для контрнаступления. Спорный вопрос, но думается, что если бы японцы не концентрировались на американских целях, то яростная жажда реванша в Америке была бы более сдержанной, но не намного.

В конце концов все было бы потеряно. Войска Оси просто не имели достаточно людей и ресурсов, чтобы удерживать такую огромную территорию, которую они захватили. Им требовалось больше удачи и политической системы, которая бы приняла бы культуру завоеванных народов. Ни японцы, ни немцы такой системой не обладали. Вместо этого они казнили, запугивали, сжигали мирное население завоеванных народов, вызывая у них всеобщее и неизбежное желание сопротивляться всеми доступными средствами. Кроме того, Императорская армия и флот не обладали тыловыми службами для ведения продолжительной войны по всему океану. Япония никогда не обладала глубоким тылом для поддержания тотальной войны на задворках Америки.

Вторглась бы Америка на Гуадалканал, даже ценой потери трех авианосцев? Возможно. Как Макартур, так и Кинг понимали важность этих взлетных полос для Японии и знали, что их строительство необходимо остановить, чтобы защитить линии связи, соединяющие Америку с Австралией. Они также знали, что если американская авиация сможет действовать с Гуадалканала, она будет угрожать крупной японской базе в Рабауле. Как только американцы появятся на острове, японцы должны будут быстро отреагировать. В том и заключался стратегический замысел Макарура, что американское вторжение отвлечет внимание японцев от потенциально более опасных направлений.

Даже в случае крупного поражения в Мидуэе и отчаяния Америки война могла бы закончиться в середине 1945 года, но за ней последовало бы более трудное послевоенное восстановление. Поражения в начале войны и жестокое обращение с пленными со стороны японцев осложнили бы дальнейшие отношения и придали бы войне более отчаянный характер. Манхэттенский проект оставался бы высшим приоритетом, и, как только появился бы бомбардировщик, пригодный для доставки ядерного оружия, оно было бы применено без колебаний. Элегантные «Летающие крылья» Джека Нортропа, которые обладали заранее не планируемым, хотя и весьма желанным свойством быть невидимыми для радаров, были способны доставить ядерное оружие в самое сердце вражеской территории. Токио и, возможно, Берлин стали бы первыми из нескольких целей, как только новое оружие стало бы доступным.

Враг посеял ветер, пожав такую бурю, какой и не мог себе представить. Поражение при Мидуэе только бы увеличило ее силу и определило бы ее неизбежность.

События, представленные в этой главе, являлись следствием поражения, вызванного решением командера Маккласки повернуть по направлению к Мидуэю, а не к северо-западу, где он столкнулся бы с японскими авианосцами. В действительности он повернул по направлению к японцам, следуя лучшим традициям американского флота искать врага, а не безопасность. Он встретил вражеские авианосцы и атаковал их. В результате все четыре авианосца затонули. Битва при Мидуэе оказалась решающим поражением японского Императорского флота, в результате которого он окончательно утратил инициативу.

Джон Гилл. САМУРАИ НАСТУПАЮТ

(Японские войска в Австралии)

Военные лидеры Великобритании и США собрались в Лондоне в апреле 1942 года, чтобы обсудить дальнейшую стратегию военных действий. В России Красной Армии удалось отбросить части вермахта от Москвы, однако это значительно ослабило ее силы. Настало временное затишье, однако никто не сомневался, что весной со стороны Германии последует новое массированное наступление. Такое же затишье наступило в Западной Африке после того, как Африканский танковый корпус генерала Эрвина Роммеля после серии удачных атак глубоко продвинулся вглубь территории Ливии, вернув значительную часть территории, отданной британцам годом раньше. Гораздо опаснее для Британии на тот момент были постоянные успехи Германии в битве за Атлантику, в особенности операция «Барабанный бой» немецкого подводного флота, в результате которой судоходство вдоль Восточного побережья США практически прекратилось.

В Азии картина была еще более безрадостной. Там после шока Перл-Харбора и потопления военных кораблей «Принц Уэльский» и «Рипалс» последовала непрерывная серия побед Японии. Захватнические акции японцев, казалось, не встречают никаких препятствий. Они нанесли унижающее поражение Сингапуру, сломили разрозненное сопротивление союзников на принадлежащих Нидерландам островах Ост-Индии, заняли Филиппины, выгнали англичан из Бирмы, поставили под угрозу последний транспортный коридор, связывавший Великобританию с Китаем, нанесли бомбовые удары по Австралии и захватили базы на северном побережье Новой Гвинеи. Даже когда генерал Джордж К. Маршалл летел в Англию во главе небольшой американской делегации, японские авианосцы неистово сновали по восточному Индийскому океану, обстреливали базы на Цейлоне, увеличили список потерь Королевского флота, включая авианосец «Гермес». Тем не менее совещание в Лондоне, с точки зрения Маршалла, прошло хорошо. Военная и

промышленная мощь Америки постепенно возрастала, и он считал, что получил обещание Великобритании начать освобождение Европы в 1942 году. Британия, до сих пор принимавшая на себя основные удары стран оси Берлин — Рим — Токио, относилась к идее броска через Ла-Манш со всей осторожностью и скептицизмом, но тоже искала возможность начать наступление где-то в 1942 году. На прощание Черчилль сказал, что две нации идут в авангарде всего мира «в благородном союзе», а Маршалл отправился домой с надеждой на «усиление активности союзников» в том же году[86]. Ни британский премьер-министр, ни американский генерал еще не знали, что первые ноты крещендо в этой военной симфонии прозвучат со стороны их врагов на другом конце света.

Стратегически важные пункты в австралийском регионе

Пока лидеры союзников строили планы в Лондоне, японские военные стратеги обсуждали новые акции своих сил. Еще до того как была завершена первая фаза завоеваний, на Генеральном совместном совещании армии и флота в начале марта 1942 года было решено, что Японии, вопреки предвоенным предположениям, придется продолжать наступательные операции. «Чтобы деморализовать Соединенные Штаты и заставить Британию покориться, будут приняты решительные меры по расширению захваченных территорий».

Хотя политика, утвержденная на мартовской совместной конференции, подразумевала «такие меры, как захват Индии и Австралии», реальные действия, которые было необходимо предпринять, обсуждались еще три недели[87]. Отказавшись от возможности реконструировать и наладить оборону существующих владений, Япония сформулировала для себя три наступательных стратегических возможности на начало 1942 года. Во-первых, японские силы могли начать наступление в центральной части Тихого океана и попытаться вынудить американский Тихоокеанский флот начать решающую морскую битву, напав на одну из важнейших тихоокеанских баз США, таких как атолл Мидуэй или Гавайи. Вторая возможность заключалась в наступлении в Индийском океане, в ходе которого можно было уничтожить британский Восточный флот, ослабить контроль Великобритании над Индией и, возможно, соединиться с Германией на Ближнем Востоке. В-третьих, можно было начать с Австралии и попутно пробиться через Соломоновы острова к Фиджи и Новой Каледонии, чтобы изолировать Австралию от Соединенных Штатов.

В марте, когда передислокация сил интенсифицировалась, капитан флота Садатоси Томиока самозабвенно и настойчиво отстаивал третий вариант. Томиока числился в отделе планирования Генерального штаба флота. Это был самолюбивый, но способный офицер, образцовый выпускник Военно-морского училища. Аргументируя свою точку зрения, он выделил несколько важных преимуществ, которые получит Япония, осуществив нападение на австралийский материк. В первую очередь успешное вторжение лишит союзников естественного плацдарма для контрнаступления на новые владения Японии в юго-западной части Тихого океана. К тому же Австралия была ареной, на которой союзники могли в полной мере проявить материально-техническое превосходство США, поэтому этот материк «будет слабым местом в обороне Японии, если не будет находиться под полным контролем Японии или не будет надежно отрезан от Соединенных Штатов». И наконец, Томиока и его начальство видели в захвате Австралии основную стадию своей кампании по «подрыву боевого духа союзников», что было чрезвычайно важно для культуры, ставящей во главу угла психологический фактор войны[88]. На совещании в начале апреля, когда генерал Маршалл летел в Лондон, в японском штабе спорили и погружались в созерцание. Главным противником Томиоки был армейский полковник Такусиро Хаттори, считавший, что нападение на Австралию

лишь рассеет внимание Японии, традиционно сосредоточенное на одном континенте. Как-то вечером за чаем, в частной беседе с Томиокой, Хаттори пытался поколебать его уверенность. Взяв в руку чашку с чаем, он сказал: «Чай в этой чашке — это все наши силы». Потом он вылил чай на пол и сказал: «Видите, все будет именно так. Если ваш план одобряют, я отойду от дел»[89]. К несчастью для Хаттори, Томиока к тому времени уже заручился поддержкой Объединенного флота, начальник штаба которого хотел обеспечить продолжение «решительного наступления» императорских войск, чтобы Япония «не ждала удара от врага, сама будучи не в силах ударить»[90]. План флота получил дополнительную поддержку от генерал-лейтенанта Томоюки Ямасита, «тигра Малайи», чье мастерство и решительность привели несколькими неделями раньше к поражению Сингапура. Под их давлением Хаттори вынужден был, согласно собственному обещанию, отойти от дел, однако тут же получил назначение в штаб 38-й дивизии в Китае .

Томиока победил, и совещание завершилось 5 апреля 1942 года, и окончательным решением было начать наступление «на стратегические пункты в австралийском секторе настолько быстро, насколько позволит боевая обстановка»[91]. Однако ценой этой победы стало согласие Генерального штаба на самый сложный план нападения Объединенного флота на атолл Мидуэй, предложенный адмиралом Исороку Ямамото. Хотя штаб флота «решительно, иногда даже со слезами на глазах возражал против плана», Ямамото был непоколебим, и Японии пришлось одновременно проводить два широкомасштабных наступления, разделенных тысячами миль открытого океана[92].

Нажим на Австралию продолжается

План Японии по захвату Австралии включал две основные фазы. Первая, намеченная на начало мая, должна была подготовить путь для дальнейшего продвижения. В нее входил захват Порт-Морсби на южном побережье Новой Гвинеи (Операция МО) и оборудование базы для самолетов морского базирования на маленьком островке Тулаги около Гуадалканала в Соломоновых островах. Вторая фаза, под кодовым названием Операция АУ, заключалась собственно в захвате северной Австралии для облегчения последующего захвата авиабаз союзников, угрожающих японскому оплоту в Рабауле, и в дальнейшем продвижении на юг для того, чтобы бомбардировщики наземного базирования могли разбомбить основные австралийские порты на восточном побережье, оборвав связи с Соединенными Штатами. Японские стратеги пришли к выводу: не было необходимости в оккупации всей Австралии, что потребовало бы, по прогнозам Хаттори и других офицеров штаба, 10–12 дивизий и невероятного количества кораблей. Вместо этого Ямасита и офицеры флота разработали план кампании, которая позволит Японии завладеть береговыми анклавами до самого Брисбена.[93] Из этих анклавов японская авиация могла спокойно достичь Сиднея, Канберры и Мельбурна, а возможно, даже Аделаиды, а также патрулировать акватории в южном и восточном направлениях.

Намечалось, что Операция АУ займет приблизительно один месяц после занятия Порт-Морсби. Поэтому она должна была совпасть по времени с наступлением Ямамото на Мидуэй, чтобы Объединенный флот отвлек внимание американского Тихоокеанского флота, таким образом обезопасив японские силы в Австралии от американских авианосцев. С авиабаз самолетов наземного и морского базирования на Соломоновых островах должна была осуществляться поддержка операции с флангов; эти же базы должны были стать основой для дальнейшего наступления на Фиджи и Новую Каледонию. Другие силы японского флота должны были угрожающе приближаться к Голландской Ост-Индии, чтобы держать в напряжении северо-западную Австралию, отвлекая таким образом внимание союзников. В качестве дополнения к плану Томиока

предложил десантные атаки на Дарвин и, возможно, на Перт, «чтобы сильнее нажать на Австралию»[94]. Однако даже без того японцы были уверены, что Операция АУ лишит Австралию надежды на поддержку и сильно повредит боевому духу союзников.

Решение о захвате Австралии вызвало быстрое увеличение военного присутствия Японии на участке между Новой Британией и Новой Гвинеей. В Рабауле находился штаб только что сформированного 8-го флота, или Сил Внешних Южных Морей, под командованием вице-адмирала Гуниши Микава, «мудрого, учтивого и многоопытного моряка»[95]. Опытный Микава командовал кораблями 8-го флота и крупным контингентом морской гвардии и морской пехоты, а морская авиация находилась под началом вице-адмирала Насизо Цукахары, командующего 11-м Воздушным флотом. Императорская армия, изначально представленная здесь Отрядом Южных Морей, подразделением размером с бригаду под командованием генерал-майора Томитаро Хории, теперь пополнилась четырьмя пехотными дивизиями (5-й, 6-й, 17-й и 51-й), двумя отдельными бригадами (21-й и 65-й) и одной из трех японских недавно созданных танковых дивизий (2-й). Генералу Ямасита, как автору основного плана, было поручено командовать этой огромной силой в качестве командующего новой 17-й армией[96]. В дальнейшем ему пообещали предоставить, по крайней мере временно, еще две дивизии, если представится возможность для легкого захвата территорий.

23 апреля 1942 года Микава составил директиву для Операции МО, приказ № 13 по Силам Внешних Южных Морей. Менее чем через две недели из Рабаула под личным командованием Микавы вышла крупная военно-морская тактическая группа. На борту кораблей находился Отряд Южных Морей, 3-я специальная морская десантная группа «Курэ» (СМДГ) и другие наземные войска, которые должны были участвовать в штурме и захвате Порт-Морсби. Другие части 3-й СМДГ отправились к Тулаги, а авианосцы «Сеаку» и «Дзуйкаку» из 5-й дивизии авианосцев под командованием вице-адмирала Тамеичи Хара должны были осуществлять прикрытие операции[97]. Микава излучал спокойную уверенность, и солдаты «были в приподнятом настроении, когда начали выполнять свое величественное и почетное предназначение»[98].

Коралловая катастрофа

Пока японцы собирали свои силы, союзники изо всех сил старались перехватить инициативу. Маршалл был против отвлечения от подготовки наступления в Европе, но генерал Дуглас Макартур, оставшийся в Австралии после бегства с Филиппин, и адмирал Эрнест Дж. Кинг, главнокомандующий американским флотом, настаивали на военных действиях в Тихом океане.

Макартур командовал недавно созданным Северо-Западным Тихоокеанским сектором (СЗТС) и не мог не подчеркивать важность обороны Австралии, но и Кинг понимал важность австралийского материка в качестве базы союзников для будущих операций и отмечал, что транспортный коридор был «едва ли менее важен», чем связь между Гавайями и Калифорнией. Благодаря настояниям Кинга и данным разведки о том, что «направление наступления неприятеля в юго-западной части Тихого океана становится все яснее», два американских авианосца, «Йорктаун» и «Лексингтон», стояли наготове в Коралловом море, ожидая, пока тактическая группа Микавы выйдет из-за восточной оконечности Новой Гвинеи[99].

К несчастью для союзников, битва в Коралловом море оказалась лишь еще одним звеном в цепочке неудач, хотя и не такой губительной, как некоторые из предыдущих боев. Началась битва довольно удачно для союзников. Американская штурмовая авиация

обнаружила часть сил Микавы поздним утром 7 мая и потопила легкий авианосец «Сёхо», ликующе сообщив: «Один авианосец готов!» Однако, увлекшись злополучным «Сёхо», американцы забыли уничтожить беззащитные транспорты, и Микава быстро нанес ответный удар, собрав свой рассеянный по океану флот под прикрытием архипелага Луизиады. «Сёхо» еще не успел потонуть, а самолеты с авианосцев 5-й дивизии уже обнаружили и нанесли повреждения американскому танкеру «Неошо», а его эскорт, эсминец «Симе», отправили ко дну. В тот же день японские тактические бомбардировщики G3M «Нелл» и G4M «Бетти» из Рабаула обнаружили Оперативную группу 44, небольшое американо-австралийское подразделение, которое двигалось к югу от пролива Жомар, чтобы атаковать японский флот в Порт-Морсби. Благодаря умелому маневрированию и удаче оперативной группе удалось уйти от столкновения без единой царапины. Ночью американским и австралийским морякам повезло меньше — крейсеры и эсминцы Микавы предприняли неожиданную атаку на корабли союзников. В суматохе японцы потопили единственный в Оперативной группе 44 легкий крейсер и два эсминца. Из трех оставшихся кораблей оба тяжелых крейсера (один американский и один австралийский) получили серьезные повреждения. Им по счастливой случайности удалось ускользнуть незамеченными в южном направлении и вернуться обратно в Австралию. Микава потерял только один эсминец.

В то время как корабли союзников ковыляли прочь от пролива Жомар, а Микава собирал свое разбредшееся стадо транспортов, две основные группы авианосцев обнаружили друг друга. 8 мая между ними произошла серия крупных столкновений. После атаки американских судов «Сёкаку» получил незначительные повреждения и вместе со своим близнецом «Дзуйкаку» исчез под шквалом выстрелов. Из-за сильного дыма на борту «Сёкаку», плохой видимости и отсутствия централизованного командования американские пилоты переоценили свои достижения. Однако, к их большому разочарованию, из перехваченных радиogramм стало известно, что «Дзуйкаку» не получил повреждений, а команде «Сёкаку» удалось быстро погасить огонь и вернуть корабль в строй. Тем временем японская авиация нанесла сокрушительный удар по американским авианосцам. Американцы пытались сквозь дождь отыскать цели, а японские пикирующие и торпедоносные бомбардировщики атаковали после того, как небо прояснилось, нанеся мощный удар по «Лексингтону» и задев «Йорктаун». «Йорктаун» был еще в состоянии принимать самолеты, поэтому на него переправилась авиация с «Лексингтона», а команда последнего из всех сил боролась за любимый корабль. Несмотря на самоотверженные действия команды, состояние «Лексингтона» не внушало никаких надежд, и корабль пришлось в тот вечер затопить, а «Йорктаун» поспешил в Перл-Харбор.

После ухода авианосцев и уничтожения Оперативной группы 44 путь к Порт-Морсби был открыт, и Микава ушел через тот же пролив 9 мая, всего на два дня не укладываясь в намеченный график. Американские бомбардировщики из Таунсвилля попытались воспрепятствовать продвижению японцев, но не достигли особых результатов, потеряв два B-17 в бою с истребителями с «Дзуйкаку». Несколько оставшихся в Порт-Морсби истребителей и пикирующих бомбардировщиков были сбиты японцами после ожесточенной битвы в небе над Новой Гвинеей. Имея местное превосходство в воздухе, ветераны из Отряда Южных Морей и 3-й СМДГ 12 мая высадились в Порт-Морсби и быстро побороли сопротивление деморализованной и плохо обученной австралийской 30-й бригады. Хотя некоторым австралийцам удалось скрыться под покровом джунглей, более 3000 попали в плен, и к середине мая из Порт-Морсби уже совершали вылеты первые японские самолеты. Плацдарм для Операции АУ был подготовлен.

Тяжелые времена для Австралии

Двойное поражение в Коралловом море и у Порт-Морсби пагубно сказалось на боевом духе союзников, в особенности когда стало ясно, что ни один из японских авианосцев не получил серьезных повреждений. «Сёхо» был недостаточной компенсацией за потерю «Лексингтона»- и повреждения «Йорктауна». Как заявил своим согражданам австралийский премьер-министр Джон Кертин, «это — самые тяжелые для нас времена»[100].

В середине мая американским авианосцам «Хорнет» и «Энтерпрайз» удалось прогнать от австралийского побережья два японских авианосца благодаря симуляции налета на острова Оушн и Науру к востоку от Соломоновых островов, но союзникам стало ясно, что Япония готовит крупную операцию в центральной части Тихого океана, и оба авианосца были срочно отозваны на Гавайи. Пока «Хорнет» и «Энтерпрайз» спешили на север, разведка американского Тихоокеанского флота подготовила прогноз, в котором учитывалась возможность одновременного удара японцев по Алеутским островам, Австралии и району Гавайев и атоллу Мидуэй[101]. Это совпадало с расчетами Макартура: -»Наличие у противника крупных сил дает ему возможность осуществить крупномасштабное наступление с самыми опасными для нас последствиями... Если не атаковать Японию в другом месте, мы, без сомнения, можем ожидать нападения на Австралию»[102]. За неимением достаточного количества ресурсов для противостояния всем трем ударам силам Тихоокеанского флота пришлось сосредоточиться на центрально-тихоокеанском секторе, предоставив Макартуру и австралийцам выходить из положения своими силами.

У союзников ситуация была не особенно обнадеживающей. Хотя в Австралии на тот момент формировалась крупная армия, в мае 1942 года из имеющейся 31 бригады готово к бою было меньше половины, и только четыре из них имели какой-то опыт боевых действий (5 других бригад все еще были за пределами Австралии, а три, включая 30-ю, уже были уничтожены). Австралийское народное ополчение, Добровольческий Оборонный корпус, состоял из 500 человек и оказывал неоценимую помощь, однако его бойцы были слишком стары для продолжительной активной службы; к тому же боеприпасов едва хватало для регулярных частей и ополчения, а об этих «тыловых» войсках даже и речь не шла. Были и положительные моменты. В Австралию прибыла американская 41-я пехотная дивизия, 32-я дивизия была уже на подходе, а в четыре австралийские бронетанковые бригады прибыли американские танки. Соединения армии и морской пехоты США также стояли на страже близлежащих островов, с которых осуществлялось патрулирование транспортного коридора в Соединенные Штаты. Однако, за исключением отдельных частей 1-й дивизии морской пехоты, все эти подразделения были новыми и не имели опыта боевых действий.

Положение авиации беспокоило не меньше, а ситуация с флотом была и вовсе мрачной. Бои за Ост-Индию и за Порт-Морсби значительно истощили силы авиации союзников, и многие эскадры располагали лишь половиной необходимого количества самолетов. С кадровым составом также были проблемы. Большинство австралийских летчиков были неопытны, а американские летчики представляли собой либо «зеленых» новичков, только что прибывших из Штатов, либо усталых деморализованных ветеранов, измученных многочисленными поражениями в Ост-Индии. Проблема обострялась тем, что истребители союзников (Р-39, Р-400, Р-40 и австралийские «Уиррей») значительно уступали по своим тактико-техническим характеристикам японским А6М «Зеро» и Кі-43 «Оскар». Вследствие поражений в Яванском и Коралловом морях у американского и австралийского ВМФ не было ни авианосцев, ни линейных кораблей, ни тяжелых крейсеров, чтобы противостоять японцам. Пока не подоспела дополнительная помощь из США, роль горстки оставшихся легких крейсеров и эсминцев могла заключаться лишь во

вспомогательных операциях в пределах радиуса действия авиации наземного базирования. Самое большее, на что могло надеяться командование союзнического флота, — на успешные операции старых американских подлодок модели S.

Падение Таунсвилля

В то время, когда корабли Объединенного флота под командованием адмирала Ямамото рассекали воды центральной части Тихого океана, спеша навстречу Тихоокеанскому флоту у атолла Мидуэй, армада Микавы отчалила от пристани Рабаула и вошла в Коралловое море, неся на борту силы вторжения Ямаситы к австралийскому континенту.

Исправно работающая разведка доложила союзникам о приближающемся вторжении, однако когда японские транспорты уже подошли к побережью, намеченные противником точки высадки еще не были известны. Кроме этого недочета разведслужб, были и другие проблемы. Во-первых, американские и австралийские дешифровщики в общих чертах предугадали Операцию АУ, но в отличие от операции на Мидуэе офицеры разведки союзников не знали о порядке проведения операции. Во-вторых, имеющиеся у союзников возможности расшифровки кодов японской армии были ограничены. Поэтому разведке не всегда удавалось раскрыть важные детали основных операций Императорской армии. И наконец, небольшая группа аналитиков разведслужбы США сосредоточилась на Ямамото, как на первостепенной угрозе, и не могла тратить столько же времени и энергии на Операцию АУ. Хотя австралийская разведка тоже работала над изучением планов Японии, на выяснение истины не хватало ни специалистов, ни времени.

Из-за этих серьезных пробелов в разведанных стратеги союзников должны были обеспечить безопасность всего побережья Австралии. Согласно плану, подготовленному австралийским генералом Т. А. Блейми, командующим наземными силами союзников, большая часть сухопутных войск уже была собрана на стратегически важном юго-восточном направлении, от Брисбена до Мельбурна, и в конце мая были подкреплены 2-й дивизией из западной Австралии. Тем не менее командование союзников считало, что в случае серьезного вторжения можно будет попытаться удержать лишь Таунсвилль и Рокхэмптон, к северу от Брисбена, а огромные пространства между ними придется вскоре отдать врагу. Поэтому в этих двух городах разместили 5-ю австралийскую и 41-ю американскую дивизии соответственно, причем первая была подкреплена 14-й бригадой, незадолго до этого посланной в Кернс. Большая часть боевой авиации также была сконцентрирована у Таунсвилля. Подразделения меньшего размера были размещены в прочих стратегически важных точках: Силы Северных Территорий (вскоре ставшие 12-й дивизией) — в Дарвине, 4-я дивизия — под Пертом, а 12-я бригада — на Тасмании[103].

Австралийское правительство также приняло меры безопасности — эвакуировало всех гражданских лиц, материально-техническое обеспечение и потенциальные технические ресурсы, имевшиеся к северу от Таунсвилля. Хотя многие эвакуируемые не одобряли этот переезд, благодаря этому предусмотрительному и противоречивому шагу японские захватчики лишились техники и продовольствия, которые они рассчитывали использовать для поддержки наступления.

5-я дивизия под командованием генерал-майора Э. Дж. Милфорда, защищавшая Таунсвилль, первая столкнулась с захватчиками. Согласно плану Ямаситы, его собственная 5-я дивизия должна была высадиться к северу от Таунсвилля, а 6-я — к югу, чтобы исключить подход подкрепления по прибрежному шоссе. Солдатам 5-й дивизии, воевавшим под началом Ямаситы во время кампании на Малайском архипелаге, была предоставлена честь собственно оккупации города. Одновременно они продвигались в

глубь материка в сторону скопления аэродромов союзников в Чартерз-Тауэрс, в восьмидесяти милях к юго-западу по шоссе. В то же время 17-я дивизия должна была атаковать порт Кернс, вытеснить австралийский гарнизон (ошибочно считалось, что там стоит батальон) и начать постройку аэродрома. В качестве последней меры безопасности 3-я СМДГ «Курэ» должна была занять два аэродрома союзников на северной оконечности негостеприимного полуострова Кейп-Йорк. В обычной японской манере, план был сложным и смелым до безрассудства и основывался на том, что за счет проверенного мастерства и жестокости Императорские вооруженные силы ошеломят и победят защитников.

Было спланировано, что начало операции должно совпасть с атакой на Мидуэй; поэтому Ямасита начал свой штурм австралийского побережья 4 июня 1942 года. Все три дивизии быстро заняли береговые плацдармы, но потери оказались тяжелее, чем ожидалось, и австралийские ополченцы, как предсказывали некоторые офицеры в японском штабе, продемонстрировали неожиданное упорство в защите родной земли, даже когда враг значительно превосходил их числом. Многие из намеченных на первый день целей не были достигнуты, к великому раздражению Ямаситы, и возникли проблемы с разгрузкой боеприпасов под постоянным обстрелом союзнической авиации. У Императорского флота тоже возникли трудности. Один эсминец и один транспорт были потоплены, один крейсер был поврежден, и превосходство союзников в воздухе не давало соединиться морской и наземной авиации. Более того, на севере произошла катастрофа, когда древняя американская субмарина S-38 запустила две торпеды в один из транспортов, везший 3-ю СМДГ «Курэ». Все это привело к потерям в живой силе и технике, которые ослабили десант, и поэтому пришлось временно отказаться от атак на аэродромы на Кейп-Йорк. Ямаситу также весьма расстраивали проблемы со снабжением и транспортировкой. Он рассчитывал на захват топлива, продовольствия, автомобилей и прибрежных судов, что ускорило бы ход операции, но благодаря предвидению австралийцев и стараниям Добровольческого Оборонного корпуса большая часть всего этого была либо увезена, либо уничтожена, и японцам пришлось надеяться только на то, что они привезли с собой. Несмотря на эти неудачи, два японских авианосца были целы и невредимы, а 17-я армия до заката уже прочно обосновалась на берегу, и командование обеих противоборствующих армий узнало новости о битве за Мидуэй.

Катастрофа в центральной части Тихого океана практически сразу же отразилась на ходе Операции АУ, так как «Сёкаку» и «Дзуйкаку» тут же вернулись в Рабаул, покинув зону действия союзнических бомбардировщиков наземного базирования. Однако операция по захвату Австралии уже шла полным ходом, и в Императорском Генеральном штабе понимали, что в создавшейся ситуации остается только продолжать начатое. Поэтому в течение последующих нескольких недель и в Кернсе, и в Таунсвилле продолжалась битва, оставившая после себя множество искореженных ржавых обломков техники, которыми усеяны сегодняшние пляжи. В Таунсвилле сражение шло наиболее ожесточенно, так как японской 5-й дивизии надо было вытеснить солдат австралийской 11-й бригады и стойких бойцов Добровольческого Оборонного корпуса почти из каждого дома. К концу месяца город был взят, однако основные японские пехотные подразделения все еще были более чем в 50 километрах от Чартерз-Тауэрс, а союзническая авиация препятствовала разгрузке в портах и функционированию аэродромов. В Кернсе 17-я дивизия довольно легко оттеснила назад австралийскую 14-ю бригаду, и два аэродрома были уже практически под контролем японцев, несмотря на постоянные визиты американских бомбардировщиков. К счастью, генерал-лейтенант Ясуси Сакаи, командующий 17-й дивизией, твердо решил выполнить свою особую миссию — захватить порт Кернс, и 14-я бригада избежала полного уничтожения. Продвижение было медленным и затруднялось транспортными проблемами, лишавшими его мобильности и боеприпасов, в особенности артиллерийских

снарядов. Тем не менее у Ямасита был повод для радости: 19 июня 5-я СМДГ «Сасебо» заняла две авиабазы союзников на полуострове Кейп-Йорк. К тому же ему обещали подкрепление. Вдобавок к 20-й дивизии и 2-й танковой дивизии в Порт-Морсби и на новых аэродромах в Австралии должны были развернуться дополнительные элементы 6-й военно-воздушной дивизии. С такими ресурсами он мог быть уверен, что летные полосы Чартерз-Тауэрс скоро будут в его руках.

Союзники отреагировали на вторжение настолько быстро, насколько позволяли скудные силы и несовершенная транспортная система Австралии. Когда стала ясна степень целеустремленности японцев, Макартур заключил, что Императорский флот не сможет осуществить еще один такой крупномасштабный десант, особенно после Мидуэя. Поэтому он и Блейми отозвали австралийские подразделения с южного побережья и перевели американскую 32-ю дивизию из Аделаиды в Брисбен. Прошедшая огонь и воду австралийская 7-я дивизия прибыла первой и практически сразу же сыграла ключевую роль в разгроме наступления японцев на Чартерз-Тауэрс. Не дрогнув перед безудержными залпами танковых орудий, лишивших мужества измотанных солдат 5-й дивизии, ветераны спокойно расстреляли колонны вражеской бронетехники и беспощадно добивали отдельные танки, которым удавалось проскользнуть через их линию обороны. Остановив наступление японцев на Чартерз-Тауэрс, 7-я дивизия позволила Милфорду укрепить правый фланг, на котором Ямасита высадил небольшой десант, пытаясь пробиться по прибрежному шоссе.

После первого японского десанта и попыток развития успеха наступило затишье. Однако, пока две воздушные армии бились за контроль над воздушным пространством, а Ямасита дожидался боеприпасов и подкрепления, военная мощь союзников постепенно возрастала. К середине июля основная часть австралийской 2-й и американской 41-й дивизий были уже в зоне боевых действий, а первые поезда, везшие 1-ю австралийскую бронетанковую дивизию, уже мчались на север из Сиднея. Доставка этого подкрепления оказалась серьезным испытанием, так как из-за занятия японцами Таунсвилля союзники находились в зависимости от окружной удаленной от моря железнодорожной ветки, ведущей в Чартерз-Тауэрс. Если такое положение дел еще как-то спасало подразделения, расположенные в районе Таунсвилля, то войскам, стоящим у Кернса, приходилось полагаться лишь на неприемлемо длинный путь транспортировки по шоссе, открытому для ударов с воздуха.

Несмотря на логистические препятствия, свежие силы союзников подоспели вовремя и остановили вторую волну наступления японской армии. Ямасита, измученный отсутствием перемен в ситуации вокруг Таунсвилля, решил перебросить подкрепление к Кернсу, разбить 14-ю бригаду, а затем, совершив бросок в глубь материка, устремиться к Чартерз-Тауэрс с севера, по пути внося сумятицу в ряды союзнических войск в районе Таунсвилля. Операция началась 16 июля. Только что прибывшие 51-я дивизия и 2-я танковая дивизия устремились к Маунт-Гарнет, а 17-я дивизия атаковала прибрежное шоссе, чтобы установить постоянную связь с силами в Таунсвилле. Поначалу японцы быстро наступали на значительно уступавшие им в числе 14-ю австралийскую бригаду и Добровольческий Оборонный корпус, однако сопротивление противника возросло, когда на фронте появились части австралийской 2-й дивизии. Благодаря постоянным сконцентрированным ударам союзников с воздуха, нехватке топлива для танков и неожиданному появлению американской 41-й дивизии силы Ямаситы прекратили наступление в начале августа, чуть не дойдя до Маунт-Гарнет. На побережье 17-я дивизия и высадившийся Отряд Южных Морей, встретив минимальное сопротивление, расчистили дорогу к Таунсвиллю; однако в результате японские войска вытянулись почти на 300 километров в узкую колонну между океаном и горами.

«Я чувствую себя абсолютно уверенно»

Когда мы, уютно устроившись в кресле, размышляем обо всех этих событиях, нам кажется абсолютно ясным, что на начало августа 1942 года пришелся пик японского наступления в юго-западной части Тихого океана. Однако тогда никто не испытывал уверенности в дальнейшей судьбе союзнических сил и заместитель премьер-министра Австралии Ф.М. Форд имел все основания сказать Макартуру, что его страна переживает «крупнейшую катастрофу из всех возможных». Ответ Макартура, с другой стороны, символизировал стойкость как войск Союзников, так и Коалиции в целом: «Хотя над нами сгустились тучи, я чувствую себя абсолютно уверенно»[104]. Его настроение разделяли люди, отправлявшиеся на фронт в Квинсленде. Один австралийский танкист из 1-й бронетанковой дивизии вспоминал, какую гордость и ответственность чувствовал он и все в его роте, когда люди приветствовали их танки, проезжавшие по небольшим городкам по пути на север. Всех развеселило заявление женщины средних лет, шедшей на занятие по боевой подготовке: «Надеюсь, что не увижу ни одного японского солдата, но если уж увижу, то ему не поздоровится»[105]. Мужчинам в последующие месяцы нужна была еще большая решимость.

Если отражение второй атаки Ямаситы в Австралии было первым успехом союзников в августе 1942 года, то вторым был захват Гуадалканала. Устав от невозможности перебросить в Тихий океан больше сил даже после нападения на Австралию и будучи уверен в том, что союзники должны как можно скорее переходить в наступление, адмирал Кинг успешно осуществил план захвата Гуадалканала и базы самолетов морского базирования на близлежащем Тулаги. Хотя впереди было девять месяцев изнурительных боев, высадка 1-й дивизии морской пехоты 7 августа была первым шагом к окружению японских захватчиков в Австралии и в конечном итоге подготовила почву для активизации сил союзников от Новой Гвинеи до Филиппин и дальше.

Пока американские морские пехотинцы и японская 18-я армия ожесточенно сражались за Гуадалканал, австралийская и американская армии подверглись реорганизации для перехода в наступление. Этот процесс вызвал серьезные разногласия между командованием двух союзных стран. Макартур сначала хотел, чтобы американские подразделения находились под началом американских командиров, однако тяжесть ситуации не способствовала согласию в рядах американских войск. К сильному раздражению эгоцентричного Макартура, без перемешивания американских и австралийских войск было не обойтись, хотя это и уменьшало его роль как командующего. Было решено присоединить к американскому 1-му корпусу под командованием американского генерал-лейтенанта Роберта Л. Эйхельбергера у Маунт-Гарнет одну американскую и две австралийские дивизии, а австралийский генерал-лейтенант С.У. Роуэлл был переведен в штаб австралийского 1-го корпуса в Чартерз-Тауэрс и принял командование войсками, противостоявшими японцам под Таунсвиллем. Оба корпуса якобы находились под командованием Блейми, как командующего сухопутными войсками союзников, однако Макартур зачастую вмешивался, отдавая приказания напрямую, вызывая беспокойство и без того раздраженных командиров и штабных офицеров. Несмотря на постоянные разногласия между американским и австралийским верховным генералитетом, все стремились к одной и той же цели. Как позже замечал Блейми, «с самого начала генерал Макартур и я решили, что необходимо как можно скорее начать наступление на японцев и продвинуться как можно дальше на север»[106].

Когда структура командования была приведена в некоторое подобие порядка, американский 1-й корпус 20 августа предпринял ограниченное наступление в

направлении Рейвеншу, пока австралийский 1-й корпус отвлекал японцев в Таунсвилле. Наступление под предводительством американской 41-й дивизии поначалу было успешным, но быстро прекратилось, натолкнувшись на упорное сопротивление неприятеля; немалую роль здесь сыграла и неопытность молодых американских солдат. У австралийских милиционных батальонов 2-й и недавно организованной 11-й дивизий успех был немного большим, но за две недели боев союзники получили важные уроки тактики и лишились большинства иллюзий по поводу превосходства. Несмотря на довольно тяжелые потери, американские и австралийские войска после августа стали более мудрыми и стойкими в бою и представляли более серьезную угрозу для японцев.

Однако японцы в августе также добились успеха, когда большая колонна судов, уйдя от союзнических бомбардировщиков, прибыла в Кернс, привезя 20-ю дивизию и, что даже более важно, большие запасы топлива и боеприпасов. Располагая этими ресурсами, Ямасита начал планировать новое крупное наступление, оказавшееся последним.

Последние отчаянные сражения

Сентябрьская атака Ямаситы удивила союзников, которые были заняты планированием собственной наступательной операции. Пока австралийская 7-я дивизия разгромила отвлекающее наступление Отряда Южных Морей под командованием Хории к юго-западу от Таунсвилля, японская 17-я дивизия, найдя слабое место на правом фланге американского 1-го корпуса неподалеку от Кумбулумба, значительно углубилась в контролируемую союзниками территорию. Хуже того, 20-й дивизии и 2-й танковой дивизии удалось осуществить прорыв в центре 1-го американского корпуса, окружив несколько подразделений, смяв несколько других и сея ужас за своей спиной. Ямасите начало казаться, что его малайский триумф может повториться.

Однако радость его была недолгой. Клянча у Вашингтона дополнительные войска и технику, Макартур собрал резерв из двух дивизий (II австралийский корпус), правда, не прошедших боевого крещения чтобы начать массированное наступление на Кернском фронте. Во время начала японского наступления это крупное соединение еще продолжало проводить учения и накапливать боеприпасы, и командующий союзническими войсками ждал, пока спадет первый пыл вражеской атаки, чтобы нанести ответный удар. 13 сентября, после короткого, но интенсивного артобстрела и налетов на все японские авиабазы австралийская 1-я бронетанковая дивизия ударила по линии обороны 20-й дивизии к северу от дороги Рейвеншу — Маунт-Гарнет. Противотанковое вооружение 20-й дивизии совершенно устарело, и не было никаких шансов остановить прекрасно обученных австралийских танкистов, несмотря на бесстрашие японской пехоты. К концу дня передовая группа австралийских танков были уже далеко за японской линией обороны, оставив за собой множество небольших групп окруженных, но отчаянных и упорных японских солдат, которых уничтожила американская 41-я дивизия.

Командующий 20-й дивизии, генерал-лейтенант Кане Ёсихара, едва не был убит, когда австралийские танки снесли его головной штаб, но ему удалось сбежать на командный пост 79-го пехотного полка и вызвать помощь по радио. Ответом на его мольбы была несогласованная атака 3-й танковой бригады 2-й танковой дивизии утром 14 сентября. Японцы были не готовы к танковым сражениям, и в тот день танковая бригада потеряла 70% техники, пытаясь противостоять австралийским танкам «Грант» и «Стюарт». Не имея достаточной поддержки пехоты, победоносные австралийцы вынуждены были в ту ночь вернуться назад почти на 10 километров, но их оглушительная победа внесла такую сумятицу в ряды японцев, что Ямасита отступил в страхе потерять все свои войска.

События 13–14 сентября внушили японцам естественное уважение к танкам союзников, но переломить ход войны австралийским танкам и американским солдатам не удалось. Как и повсюду в Тихом океане, из-за тактического мастерства и непоколебимого упорства японской пехоты каждый шаг давался с огромным трудом и стоил огромных потерь. Тем не менее когда 30 сентября Макартур приказал прекратить наступление, его войска отвоевали Рейвеншу и нанесли дивизиям Ямаситы урон, несопоставимый с собственными потерями. Наиболее разительно это было заметно по потерям в бронетехнике. Второе танковое сражение разыгралось 20 сентября, когда японская 2-я танковая дивизия попыталась компенсировать свою техническую неполноценность, прибегнув к ночной атаке. Одна японская колонна была обнаружена и уничтожена почти сразу же, потому что головная машина слишком рано открыла огонь, но вторая колонна повергла части 41-й дивизии и 1-й бронетанковой дивизии во временное замешательство. Однако превосходство японцев вскоре испарилось, и большинство подразделений союзников не покинули своих позиций, и на следующий день несколько окруженных частей 2-й танковой дивизии погибли под беспрестанным огнем союзников. В результате нескольких подобных столкновений к концу сражения от 2-й танковой дивизии ничего не осталось. Длительная операция американской 32-й дивизии, хотя и менее успешная и более дорого обошедшаяся союзникам, была остановлена японской 17-й дивизией, и улажены проблемы на правом фланге американского 1-го корпуса.

Сентябрь принес с собой не только первое успешное контрнаступление союзников; тогда впервые появилась призрачная надежда на то, что равновесие на всем театре военных действий начинает смещаться в пользу Коалиции. В первую очередь в Австралию прибыло значительное подкрепление. Хотя ситуация во флоте продолжала оставаться опасной, а в сражениях вокруг Гуадалканала была задействована большая часть боеспособных кораблей союзников, постоянные просьбы Макарута и Кертина привели к появлению огромного количества подкрепления в виде самолетов и живой силы. Значительное пополнение контингента сухопутных войск было невозможно также из-за стратегии «Германия в первую очередь» и стратегического кризиса в Северной Африке, однако Черчилль согласился отправить в Австралию британскую 2-ю дивизию, направленную до этого в Индию в обмен на то, что уже ставшая легендарной австралийская 9-я дивизия останется в Египте. Еще более значительным событием в глазах австралийцев было возвращение испытанной в боях 6-й дивизии и прибытие огромного количества нового оборудования для экипировки существующих австралийских подразделений.

Кроме материальных приобретений, австралийцы узнали, хотя и дорогой ценой, что покорители Малайи, Явы, Бирмы и Папуа не были непобедимыми. Это была важная психологическая победа, по-своему такая же важная, как разгром 2-й танковой дивизии или нанесение сокрушительных ударов возмездия по силам японских бомбардировщиков. Армия и авиация союзников понемногу набирались боевого опыта, в то время как действия японцев, известных своей доблестью, теперь больше напоминали шаги отчаяния — это были пехотные атаки с недостаточной артиллерийской поддержкой, Силы 17-й армии никак нельзя было назвать иссякшими, однако ее боевое превосходство над американцами и австралийцами таяло на глазах.

Ямасита, чувствуя медленные перемены в ходе кампании, настойчиво требовал подкрепления. Из-за постоянной необходимости в транспортировке боеприпасов и подкрепления в район Гуадалканала прибытие его резервной 41-й дивизии откладывалось, поэтому в начале октября он приказал 17-й дивизии под командованием Сакаи атаковать уязвимый правый фланг американского 1-го корпуса. Однако на этот раз союзники выдержали удар, а японский 53-й полк, прорвавшийся в слабом месте линии обороны

американцев, был окружен и уничтожен в течение нескольких следующих дней. И все же эта атака и серьезные транспортные проблемы заставили Макаурта отложить новое наступление, и у японцев появилось время вызвать 41-ю дивизию из Рабаула.

К несчастью для Ямаситы, 41-й дивизии не суждено было достичь берегов Австралии. Хотя у ВВС союзников все так же не хватало машин и людей, со времен первого японского налета на Дарвин в феврале мастерство, опыт и количество пилотов возросли. Теперь, под командованием исключительно компетентного в вопросах воздушного боя американского генерал-майора Джорджа К. Кенни, они все чаще брали инициативу в свои руки и сделали вылеты японских самолетов из Кернса и Таунсвилля практически невозможными. Также союзники получили несколько партий новых В-25, и когда радиоразведка доложила о намерениях организовать колонну судов для доставки подкрепления 17-й армии, Кенни тщательно подготовился к ее уничтожению. Для Ямаситы это было просто катастрофой. Пока три эскадрильи истребителей «Спитфайр» Королевских ВВС Великобритании отвлекали на себя внимание японских истребителей, американские и австралийские летчики под командованием Кенни обнаружили конвой 41-й дивизии с небольшим прикрытием с воздуха и потопили его. Была потеряна большая часть тяжелой техники; помимо этого, за два дня боя утонуло, было убито или ранено приблизительно 4000 человек. Катастрофа не только погубила 41-ю дивизию — она нанесла большой урон японской флотилии транспортных судов в то время, когда, ввиду одновременных кампаний в Гуадалканале и в Австралии, на логистической системе японского флота и на истощившихся ресурсах государства в целом лежала непомерная нагрузка. Хотя Ямасита и продолжал надеяться на подкрепление и на адекватную замену 41-й дивизии, эта Вторая битва в Коралловом море положила конец попыткам прислать какую-либо существенную помощь 17-й армии.

Когда разбросанные по океану остатки японской 41-й дивизии собрались в Порт-Морсби, ход битвы за Австралию окончательно изменился. Во-первых, несмотря на постоянные заявления Маршалла о том, что приоритет должен отдаваться военным действиям в Европе, к концу 1942 года военная мощь союзников в австралийском театре военных действий выросла до недостижимых размеров. Хотя проблемы со флотом оставались, сила и тактический профессионализм сухопутных войск продолжали увеличиваться. Более того, нарастающее австралийское движение Сопrotивления связывало по рукам и ногам подразделения Ямаситы и срывало все планы по их укреплению. И все же самым важным было смещение равновесия в авиации. В то время, как ВВС Японии держались на неопытных пилотах за штурвалами устаревающих моделей типа «Нелл», «Бетти», «Салли», «Оскар» и других, силы авиации союзников росли как в плане общей численности, так и в плане классности пилотов. Также в эскадрильях Кенни появились гораздо более совершенные самолеты, такие, как бомбардировщики В-25, с успехом использованные при уничтожении транспортов 41-й дивизии, английские истребители «Спитфайр» и американские Р-38 «Лайтнинг» («Молния»), которые начали прибывать в ноябре. Все эти улучшения добавляли неприятностей армии Ямаситы. Потери значительно ослабили войска, однако гораздо более серьезной проблемой было общее осложнение ситуации со снабжением. Из-за серьезной нехватки боеприпасов, топлива и продовольствия огромная армия была физически истощена, в основном малоподвижна и неспособна к применению крупнокалиберной артиллерии, кроме исключительных обстоятельств.

Кроме тактических и технических преимуществ на данном театре военных действий, стратегическая ситуация в более широком масштабе также складывалась в пользу союзников. К январю 1943 года в Императорском Генеральном штабе поняли, что Гуадалканал возможно удержать только путем неимоверных усилий со стороны Японии,

причем эти усилия не обязательно увенчаются успехом. Даже если бы Япония была в силах прислать на остров серьезное подкрепление, было очевидно, что эти силы, как и в случае Ямаситы, невозможно было бы поддерживать на уровне, требующемся для наступательных операций. Благодаря захвату союзниками Гуадалканала в феврале 1943 года и последующему наступлению на Соломоновы острова японские базы в Австралии были надежно охвачены с флангов, и для союзнической авиации стали еще более досягаемы коммуникации Ямаситы через Папуа и Коралловое море. Прибытие в начале 1944 года на Новую Британию и Соломоновы острова 1-й и 36-й японских дивизий на время задержало, но не могло остановить растущее давление со стороны Коалиции.

На другом берегу Кораллового моря союзники тоже наступали. Когда 14 сентября 1942 года американская 32-я и австралийская 2-я высадились на берег в районе Иннисфейла, командующие обеих дивизий в ознаменование этого события послали генералу Макартуру флягу с морской водой, на одной стороне которой был изображен американский флаг, а на другой — австралийский [107]. Их шуточный дар символизировал разделение 17-й армии Ямаситы на две изолированные части и предрек конец дерзкой акции японцев в Австралии. Впереди было еще много безотрадных месяцев боев, когда союзники медленно сомкнули кольцо огня вокруг уменьшавшейся на глазах армии Ямаситы, но на Рождество Макартур уже приказал штабу начать планирование операции по захвату Папуа и Новой Гвинеи, Хотя поначалу он хотел «сражаться за Австралию на территории Новой Гвинеи», нападение японцев на Австралию на самом деле значительно упростило будущие операции в Порт-Морсби и в других местах. В результате Операции АУ Япония была смертельно ослаблена; ее армия потеряла невероятное количество вооружения и более 100 000 человек. Поэтому в марте 1943 года Императорский Генеральный штаб разработал оборонную стратегию, нацеленную на нанесение тяжелых потерь союзникам и на создание условий для ответного удара. Однако после одновременных ударов союзников в Новой Гвинее, на Соломоновых островах и в центральной части Тихого океана эта стратегия постепенно сошла на нет и Макартур смог высокопарно, но оправданно заявить, что «тела воинов Объединенных Сил, защищавших нашу родную Австралию, вымостили путь, ведущий к разрушению Японской Империи». Маршалл, оценивая обстановку на всех фронтах, тоже мог быть доволен. Изучив стратегическую ситуацию в мае 1943 года, он смог с радостью отметить, что он «очень доволен, что Тунис стал нацистским Таунсвиллем» [108].

Реальность

Умозрительные сценарии — бесценная лаборатория для исторического анализа, позволяющая нам понять то, что произошло на самом деле, изучая то, что могло бы произойти. В целом наши литературные опыты расходятся от реальности по двум путям. С одной стороны, мы можем изучить события, происшедшие в результате особых происшествий — например, случаев, когда небольшая перемена в удаче, опыте или упорстве одной из сторон могла бы изменить исход битвы. Такие эксперименты с историей могут потребовать небольшого изменения реальных событий, однако зачастую приводят к важным результатам. Представьте, какой катастрофой было бы для союзников, если бы самолеты с японских авианосцев 7 мая 1942 года атаковали «Йорктаун» и «Лексингтон», вместо того чтобы потопить несчастные «Симе» и «Неошо». С другой стороны, в ходе наших умозрительных исследований могли бы обнаружиться области, где для изменения событий потребовались бы более крупные, широкомасштабные изменения. Исследование приводит нас к стратегическому, институциональному и субъективному аспектам исторической ситуации. Политика призыва и обучения летного состава, проведенная Японией перед войной, — лишь один пример начала такого пути; решение Коалиции следовать стратегии «Германия прежде всего» — другой пример.

Данная глава уходит от реальности по обоим путям. На более низком уровне — на уровне происшествия — здесь представлен новый исход Битвы в Коралловом море. Здесь японцы более уверены в себе и понесли меньше потерь, чем на самом деле, и поэтому могут продолжать кампанию, заняв Порт-Морсби. Таким образом битва становится и тактическим, и стратегическим успехом Японии. В реальности Императорский флот, конечно же, одержал тактическую победу, потопив крупный авианосец «Лексингтон» и потеряв легкий авианосец «Сёхо», но союзники в то же время выиграли в стратегии, воспрепятствовав нападению с моря на Порт-Морсби и уменьшив потенциальную опасность для Австралии. Возможно, даже более важными были огромные потери среди самолетов с японских авианосцев и повреждения, нанесенные «Секаку». Благодаря этому сражению оба подразделения 5-го дивизиона авианосцев отсутствовали при Мидуэе, где в случае их участия Императорский флот располагал бы шестью крупными авианосцами против трех американских, и перевес был бы на стороне Ямамото.

На стратегическом уровне для возможности осуществления нашего сценария были произведены два значительных сдвига. Во-первых, Императорская армия делает стратегический бросок в юго-западную часть Тихого океана, чего в действительности не было. Японская армия, согласно указаниям командования направленная в Китай и Советский Союз, не имела никаких причин для развертывания боевых действий ни в Новой Гвинее, ни на Соломоновых островах, не говоря уже об Австралии. Для таких операций, по расчетам военных планировщиков, потребовалось 10–12 дивизий и невероятно высокий уровень материально-технического обеспечения. Надеюсь, что вероятные успехи Германии летом 1942 года создадут возможности для нападения Японии на СССР, армейские планировщики постарались разместить в юго-западной части Тихого океана самый минимум войск (Отряд Южных Морей генерала Хории, бывший немногим больше укрепленного полка). Так как в Генеральном штабе преобладали представители армии, предложение Императорского флота о расширении тихоокеанских владений было отвергнуто[109]. Таким образом, представители верховного командования ВС США и Великобритании были абсолютно правы, оценив захват японцами австралийского материка как маловероятную перспективу. В самом деле, единственная реальная возможность успешного завоевания Японией Северной Австралии заключалась в том, чтобы, сохранив наступательный порыв былых побед, атаковать в феврале или марте 1942 года.

Второе «стратегическое» изменение было проделано в японском флоте. В данной главе допускается, что заинтересованность Генерального штаба флота в юго-западном секторе Тихого океана была настолько высока, что туда были направлены два крупных авианосца и множество других кораблей для участия в захвате Австралии. Если не принимать во внимание то, что такая операция с трудом уложилась бы в рамки возможностей японского ВМФ — если не превышала их, — то главным препятствием этому мог бы стать адмирал Ямамото и его Объединенный флот. Будучи поглощен командованием «решающей битвой» с Тихоокеанским флотом США, Ямамото не потерпел бы переброски драгоценных авианосцев к Австралии. Из-за его железной воли и огромного авторитета планы Генерального штаба ВМФ относительно юго-западного сектора были обречены. На решающем стратегическом совещании в апреле 1942 года он всех напугал, заявив, что уйдет в отставку, если его план военных действий в центральной части Тихого океана не будет принят. Генштаб ВМФ сдался, и Императорский Японский флот бесповоротно взял курс на Мидуэй[110].

Дэвид Изби. ЯПОНСКИЙ РАДЖА

(Завоевание Индии)

Японское завоевание британской Индийской империи было одним из наиболее ярких и успешных предприятий во время Второй Мировой войны. Оно не было целью начавшегося наступления союзников в 1941–1942 годах, но оно, наподобие домино, стало следствием успеха, которым увенчалось это наступление. Падение Империи было прямым следствием десятилетий волнений и мятежей, предшествовавших взрыву войны, которые ставили под вопрос законность британского правления в глазах многих, не только на субконтиненте, но и в самой Британии. Оно также стало возможным благодаря желанию японцев использовать сведения об этой слабости, чтобы перенацелить большую часть своего стратегического резерва — корабли, подразделения, топливо, — который предназначался для удержания круговой обороны, на нападение на Индию.

На протяжении всей своей истории Индийская империя была счастливой империей. Безусловно, она прожила бы на каких-нибудь несколько лет дольше, если бы не капитулировала и не была захвачена японцами во время девятого вала завоевания, который в 1942 году прокатился через всю Азию. Однако те же самые силы, которые обрекли на изгнание британского раджу, сделали ясным то, что существование японской Индийской империи и ее влияние на Индию и субконтинент будут еще короче, чем у ее предшественницы.

Затянувшийся успех

Британская Индийская империя была периферией предвоенного стратегического планирования японцев, включая и то, какие выгоды может извлечь Япония из развернувшегося в Индии движения за независимость[111]. Тем не менее, как только стратегия Японии повернула в сторону противостояния западному империализму, а также в сторону экономического присутствия в Азии, Индия приобрела дополнительное значение. В результате предвоенной стратегической «переоценки» Индии японцы сначала увидели в ней базу поддержки вражеских соединений в Наньяне, богатой полезными ископаемыми области Юго-Восточной Азии, где был центр стратегических интересов Японии. Они не примеривали свои ограниченные плановые ресурсы к тому, каким образом можно атаковать базу, прервать или прекратить ее работу или как направить политику Японии на поддержку индийского национализма и антиимпериализма. Кроме того, отсутствие долгосрочного планирования позволило согласовать стратегию с большей легкостью, чем другим воюющим странам. Это стало возможным из-за набирающей силу тенденции — по мере того как стратегический выбор становился все уже — концентрировать внимание на внерациональной оптимистической мысли о том, что при достаточно крепком духе лидерства, достаточной смелости и любви к Японии все сложится как нельзя лучше. Таким образом, при вторжении в Индию японцы руководствовались не столько особыми планами или даже стремлением достичь запланированной цели, сколько своей способностью не упустить возможность. С более рациональной точки зрения — японцы подчеркивали успешность того, что мы сейчас назвали бы «способностью к быстрой реакции», особенно упирая на активность. Понимая, что они вряд ли способны одержать верх в масштабной войне на истощение, японцы считали особенно важным решать, планировать и действовать быстро, извлекая пользу из промежуточных побед. Примерно такова была цель японских военных на уровнях тактики, боевых действий и стратегии.

Это означает, что, когда в самом начале войны Япония осознала, что Индия станет ключевым членом «Великой сферы восточно-азиатского сопроцветания», это не привело к большому нарушению планов, хотя предвоенная стратегия и предусматривала, что Бирма обеспечит западный периметр обороны[112]. Даже Бирма была позднейшим дополнением; японские операции были первоначально нацелены скорее на то, чтобы

перерезать бирманскую дорогу в Китай, чем на то, чтобы открывать широкий фронт против союзников.

Лязонские конференции, проведенные в Токио в ноябре 1941 года, подчеркнули полезность скорее непрямого политического проникновения в Индию, чем непосредственного военного вторжения[113]. Это давало японцам возможность не ввязываться в бесконечную наземную войну в Азии — такую, как в Китае. Однако происшедшие в течение нескольких месяцев перемены заставили японцев пересмотреть свой стратегический взгляд на Индию. Фактором, который расширил стратегическую точку зрения японцев на субконтинент, стала перспектива сотрудничества между союзниками. Даже если Японии и Германии не нужно было совместно противостоять Советскому Союзу, успех Германии в Северной Африке, на Среднем Востоке (включая неудавшийся переворот в Ираке) и возможное продвижение на юг Азии с южных границ Советского Союза, все предполагали, что германо-японское «сотрудничество» может вылиться в ценную стратегическую концепцию.

То, что этого не случилось, произошло не по вине Хироши Ошимы, японского посла в Берлине. Он, возможно, никогда не понимал слабости стратегии немцев и их неспособности (или нежелания) заглянуть чуть дальше текущей боевой ситуации[114]. Но и он, и его германские коллеги видели, что англичанам приходится отводить дополнительные силы на западные подходы к Индии и что это может ослабить их способность отразить японскую атаку с востока. Они также подняли — но не решили — вопрос о том, будет ли целью похода на Индию разрушение охватывающих весь мир британских путей коммуникации или же целью этого похода будет продолжение японской экспансии против Бирмы со стороны юго-восточной Азии. Вполне естественно, что немцы были больше заинтересованы в атаке на Цейлон¹³⁸ и последующих атаках в Индийском океане. Они бы оказали более непосредственное воздействие на положение союзников в Северной Африке и на Среднем Востоке, чем на сражения, которые сформировали бы будущее Японии. В ответ в декабре 1941 года в Берлине посол Ошима предложил синхронизировать японо-германский поход на Индию. «После захвата Сингапура Япония должна повернуть на Индию. Когда Япония атакует Индию с востока, будет полезнее всего, если германские войска подойдут к Индии с запада»[115].

Однако, хотя германским войскам так и не суждено было перейти пределы Индии, японцы с энтузиазмом взирали на то, что на поверку оказалось иллюзией союза. Это подтвердило, что Индия будет включена в список целей, который расширился после побед 1941–1942 годов, хотя эта цель и была более отдаленной, чем другие насущные цели Японии. Тем не менее, поскольку довоенные планы Японии были сметены после падения Сингапура тем, что потом назвали «болезнью побед», состав «Великой сферы восточно-азиатского сопроцветания» был пересмотрен и туда была включена Индия[116]. То, как это следовало исполнить, было решено заранее, поскольку японские стратегия и планирование оставались по большей части сосредоточенными на экспансии. Японский флот отозвался на победы 1942 года планированием масштабных продвижений, основной целью которых были Гавайи, но была и Индия[117]. Говоря словами адмирала Матоме Угаки, главы штаба Объединенного флота: «цель нашей стратегии — высадиться на Гавайях, Фиджи, Самоа и в Новой Каледонии, а также овладеть Индией и уничтожить Британскую эскадру в Индийском океане»[118]. Однако планы по захвату Австралии здесь заканчивались, и японцы осознали, что одновременная атака на Индию представляет собой непреодолимую проблему[119]. Поэтому если и Индия, и Австралия были частью вновь расширенного списка стратегических целей, их следовало расположить по порядку.

План — ничто, планирование — все

В начале 1942 года главным сторонником индийской операции был премьер-министр Тодзио[120]. В своем мнении он противостоял генералам Хисаиши Тироши (главнокомандующему Южной армией, со штаб-квартирой в Сайгоне) и Ходзимэ Сутияма (руководителю Генерального штаба армии), а также множеству разведчиков. К беспокойству по поводу стратегического направления Японии они прибавляли беспокойство по поводу опасности успеха, который оставит Японию в оккупации. Они считали индусов неспособными создать организованное государство — после выдворения британцев. У этих руководителей было мало времени для поиска неазиатских союзников, они не доверяли даже своим собственным помощникам из Индийской национальной армии (созданной по приказу Тодзио) в той же степени, в какой они поначалу не доверяли своим бирманским пособникам, которых они теперь пытались организовать, чтобы обеспечить поддержку японскому режиму[121].

Однако армия нашла Индию возможной целью — частично в качестве альтернативы амбициозным военно-морским планам захвата линии круговой обороны в Тихом океане[122]. Это, по крайней мере, не повлекло бы за собой введения в бой по частям, к чему привела бы стратегия военно-морского флота. При принятии решения о походе против Индии планирование должно было начаться в январе — феврале, в конце Малайской кампании. Любое движение на Индию до начала майского сезона дождей могло означать перенос кампании по захвату Верхней Бирмы, включая жизненно важные аэродромы в Мандалае и Лашо, открывавшие путь на Китай. Это значило бы, что силам, направлявшимся теперь в Бирму, придется иметь дело с оставшимися в Верхней Бирме британскими и китайскими соединениями во время сезона дождей при весьма ограниченных ресурсах.

В начале 1942 года японцы увидели те же две тактические возможности, что и немцы (и британцы), наступательных операций. Можно было во время движения на Индию одновременно высадиться на Цейлоне, что давало бы возможность угрожать британским путям снабжения в Индийском океане, около мыса Доброй Надежды, или сразу вторгнуться в Индию, начав атаку через границу в Бирме, как только закончится Бирманская кампания. Механизмы атак также были неясны. Были рассмотрены как возможность морских рейдов — вариант, которому отдавал предпочтение флот, — так и возможность высадки[123]. Обе наступательные операции планировались как Операция-11 и Операция-21, против Цейлона и Индии соответственно[124].

Казалось, атаку японцев 1942 года на британские соединения отразить невозможно. За триумфом при Сингапуре последовало стремительное продвижение по территории Бирмы, несмотря на вмешательство китайцев и тяжелые условия местности, которые вкупе с плохо организованным снабжением затрудняли продвижение японцев больше, чем действия англичан. Следовало решить вопрос о том, какой будет следующая цель. Очевидно, что теперь события обгоняли планы ноября 1941 года.

Потребность в быстрой разработке стратегических планов преследования — когда не было ни времени, ни желания для активного анализа возможностей — появилась, когда Япония отошла от следования довоенному планированию после достижения в 1941–1942 годах первоначальных целей[125]. То, что осталось от довоенного планирования, значило: японцы поняли, что непродуманное нападение на Индию есть авантюра и неоправданная трата сил. Оно могло бы привести к немедленной — или отдаленной — катастрофе. Однако общая стратегическая ситуация значила, что японцы поняли: если они не одержали тактическую победу над союзниками в первые шесть месяцев войны, то вряд ли одержат победу в конце. Очевидно, что Индия была тем фундаментом, опираясь на который союзники с их индустриальным преимуществом смогут наконец укрепить силы и

снова занять Бирму — и, кроме того, Юго-Восточную Азию. Японцы также не питали иллюзий относительно того, что политическая неразбериха в Индии, возможно, предотвратит такое развитие событий.

Претворение в жизнь этой весьма рискованной стратегии было бы сложным делом, которое значило бы отправку в Индию войск, измученных малайской и яванской кампаниями. Они будут действовать согласованно, в несколько приемов. Дивизии, ответственные за начало вторжения, должны будут прибыть из центрального резерва Японии и Маньчжурии. Это само по себе было рискованно. Дивизии, которые воевали в Малайе, извлекли огромную пользу из интенсивных тренировок во Французском Индокитае, но теперь у них не будет времени на это, поскольку следующие одна за другой операции должны были получить стратегический импульс, который дали бы победы Японии.

Независимо от того, стал ли бы целью Цейлон или сама Индия, выбор возможности, подразумевавшей высадку, потребовал бы стягивания конвоев сравнительно небольшого количества японских — и все более необходимых — быстроходных торговых кораблей. Это означало нарушение графика плавания конвоя и неизбежное сокращение стратегических запасов топлива, стали и других стратегических материалов до уровня много ниже того, что считался приемлемым.

Помимо необходимости нового стратегического планирования, передвижения японцев привели их к контакту с новыми народами Азии. Японцы постепенно начинали видеть себя так, как их представляла их же пропаганда, — освободителями Азии от власти белых. Жестокость их собственного десятилетнего правления в Корее и война с Китаем никак не влияли на «фильтр восприятия», который создавали японские специалисты по принятию решений. Противоречия, которые все отчетливее толкали Британскую империю к ее концу — как Империя, узаконившая военную мобилизацию на демократической основе и самоуправление, могла запретить это Индийской империи, — не существовали применительно к Японии. Поэтому японцы были удивлены нарастанием напряжения между управляющими и управляемыми в своей новой Империи и тем, что оно было явным не только со стороны этнических китайцев, которые стали первыми жертвами репрессий.

Оборона Индии

Англичане торопливо готовились к обороне Индии. До этого они не предполагали, что угроза может прийти с востока[126]. Так как это произошло вскоре после поражения при Сингапуре, мало что можно было сделать. Многие из доступных ресурсов — дивизия британской пехоты, авиакрыло истребителей «Харрикейн» — были потеряны в той и доследовавшей за ней яванской катастрофах. 31 марта британский Объединенный штаб планирования определил, что, если японцы решатся на стратегию прямого захвата в отношении Индии, это будет грозить Британии поражением[127].

У англичан были весьма слабые позиции обороны против любой из возможностей японцев. Черчилль говорил на закрытой сессии в Палате общин: «Японцы вместо этого^{39} могут вторгнуться в Индию. Без сомнения, они могут, если решат сосредоточить усилия, вторгнуться в Индию, захватить большую ее часть, взять Калькутту и Мадрас и, конечно, производить безжалостные налеты на беззащитные индийские города»[128]. Индийский главнокомандующий, фельдмаршал Уэйвелл, имея в своем распоряжении всего одну британскую и шесть плохо обученных и вооруженных индийских дивизий в Северо-Западной Пограничной провинции, понимал, что основная угроза придет из Бирмы.

Однако его соображения были отвергнуты руководителями штаба в Лондоне, перебросившими его британскую дивизию на Цейлон[129].

Администрация соседней с Бирмой Бенгалии не была готова оказаться на переднем крае крупного сражения. Она была не способна справиться с потоком беженцев и военными подкреплениями; в то же время она столкнулась с националистами, которые снова стали вести себя беспокойно. Такие районы, как Кенте, Миднапур и Дакка, большую часть времени находились в состоянии открытого противостояния[130]. Ограниченный контингент наличных британских войск обеспечивал безопасность внутри страны. Возникла угроза мятежа, которая все возрастала по мере того, как возрастала уверенность населения Индии в том, что японцев не остановить и что британское правление в Индии обречено[131].

Вдохновители индийских националистов расходились во мнениях о японской угрозе, уже стоявшей на пороге. Партия конгресса, стержень индусского национализма, была против участия в войне, в которую ввел Индию вице-король, не спросив согласия индусов. Тем не менее, конгресс не был единодушен. Такие лидеры, как Джавахарлал Неру, предлагали более активное участие индусов в войне в обмен на немедленную независимость или хотя бы получение ее гарантий. Радикалы из Партии конгресса, которые еще до войны отказались от лидерства — такие, как Сабхаш Боз, — видели в японцах позитивную силу и искали их поддержки.

Мусульманская Лига, не так давно отличавшаяся заявлениями о том, что их страна есть часть бывшей империи, была больше открыта для сотрудничества с британцами, но членов Лиги беспокоила перспектива доминирования индусов. Марксисты (например, М.Н. Рой) призывали сохранять верность антигитлеровской коалиции, в которую входил Советский Союз. Махатма Ганди продвигал идею пассивного несотрудничества с японцами как единственно возможную моральную политику. Коротко говоря, мало было единодушия, которое могло бы «эксплуатировать» — как в смысле организации патриотического сопротивления японскому вторжению, так и в смысле его поддержки — для того, чтобы завоевать независимость.

Попытка справиться с националистическими волнениями, подрывавшими оборону Индии, привела к присылке в марте 1942 года миссии Криппса. Сэру Стаффорду Криппсу, британскому политику, весьма сочувствовавшему, по крайней мере, предвоенному подходу Партии конгресса к вопросам индусского национального движения, пришлось потрудиться. Очень трудно было найти точки соприкосновения между желанием националистов использовать величайшую опасность момента для максимального политического нажима и нежеланием Черчилля и вице-короля идти на уступки в такое время.

Май 1942 года застал британскую Индийскую империю в самом плачевном состоянии, психологически и политически. Такого не было за всю ее историю. Население Индии было поражено японской мощью. Кажущееся безостановочным движение вперед производило на гражданских и солдат впечатление, подобное тому, что испытали французы в 1940 году или жители Северной Африки во время самых удачных моментов похода Роммеля. Результатом этого броска стало то, что при высадках японцев в районе Калькутты им не было оказано никакого сопротивления до тех пор, пока Адмиралтейство не стало считать, что сугубое ударение следует сделать на «особых мерах» — таких, как подготовка взрывов[132]. Дискуссия о широкомасштабном применении тактики выжженной земли в дальнейшем подорвала боевой дух. В Индию еще не проникло ни

одного слова о зверствах японцев в Юго-Восточной Азии или о том, что некиматам тоже пришлось испытать всю тяжесть японского правления.

Япония вторгается в Индию

Ключевое решение, принятое японцами, состояло в том, чтобы сделать мгновенный рывок за пределы того, что всего несколько месяцев назад рассматривалось как их стратегическая сфера влияния и линия обороны. Удар по Индии был бы оправдан на самом высоком уровне — и служб, и правительства. Стратегическая цель японцев сейчас заключалась в том, чтобы заблокировать путь на Китай не контролем над аэродромами, а победой над британской Индийской империей. С удвоенной силой проводя в жизнь концепцию Клаузевица о центре притяжения, японцы стремились не допустить союзников на базы, с которых те могли бы как снабжать Китай, так и развернуть наступление и отвоевать Юго-Восточную Азию.

Конечный план являл собой вариант Операции-21, предложенной генералом Шодзи Иида, командующим 15-й армией. Он склонялся к вторжению в долину Ганга[133]. Окончательное решение состояло в том, чтобы сочетать то, что уже выполнялось, с «десантной составляющей» Операции-21. Это включало в себя уже выполняющийся план проведения в Индийском океане рейдов японскими ударными группами авианосцев, укрепленными быстроходными эсминцами и танкерами. Эта группа продолжала бы участвовать в операции, однако после атаки на Цейлон и укрепления на острове она должна была бы заняться преследованием остатков британских соединений, а затем прикрывать прибытие двух следующих, более медленных соединений — большого конвоя вторжения и еще одного соединения эсминцев и их эскорта для обстрела берега и для того, чтобы сломить сопротивление британских эсминцев после вторжения.

Основной причиной такой смены стратегии японцев, решения, что стратегический резерв будет наиболее полезен именно в походе против Индии, была улучшившаяся работа разведки. До войны японская разведка уступала британской — до тех пор, пока захват Французского Индокитая не предоставил им базу[134]. После этого рейды воздушной разведки над Малайей показали, насколько непрочное положение англичан. Японцы поздно поняли, что для уступающих по численности нападающих разведка с ее возможностью обнаружить временные преимущества, которые могли бы помочь осуществлению авантюрных планов и обеспечить возможность быстрого развертывания, может стать ключевым понятием.

До войны японцам не удалось покрыть субконтинент сетью разведки. При оценке сил в Индии в 1942 году они просчитались в большую сторону. Они считали, что там находится полмиллиона человек, или тридцать (семь британских и двадцать три индийских) дивизий[135]. Тем не менее у них, возможно, были общие соображения о том, что недавно набранные многочисленные дивизии индийской армии были поверхностно, плохо обучены, с очень малочисленным офицерским и сержантским составом. Индийская армия не создавалась для крупномасштабных акций, и набор и обучение новобранцев все еще в большой степени зависели от умения строевых офицеров и сержантов. Не было также эффективной программы для того, чтобы сделать уроки других фронтов понятными тем частям, которые все еще формировались в Индии.

Однако были и другие источники разведанных, убеждавшие японцев в том, что прямой удар по Индии сработает так, как надо. Это была область, где помогали немцы. Германояпонское «сотрудничество» было, конечно, по большей части иллюзорным, но разведка была той областью, где потенциальные результаты были самыми высокими. Повреждение

кабельной связи британцев на Среднем Востоке весьма снижало надежность во время долгих переходов или чаще делало возможным перехват. Немцы действительно смогли перехватывать и декодировать магистральные коммуникации между Индией и Британией; сообщения были затем переданы Японии в степени, какой еще не достигало сотрудничество в рамках гитлеровской коалиции.

Из этих отчетов японцы уяснили слабость войск, оборонявших Индию, — ключевая информация, — и более того, им стало известно о смятении и пораженческих настроениях среди англичан, а также их мнение о том, что вторжение японцев будет тормозиться скорее собственной малочисленностью последних, нежели сопротивлением, которое сможет оказать британская Индийская империя. Японцы оказались в состоянии самостоятельно понять, что у неприятеля есть одна область наибольшей духовной слабости: ни англичане в Лондоне и Дели, ни большинство индусов не хотели идти на жертвы, чтобы нанести поражение Японии, — потому, что убежденность в законности британского правления была поколеблена, и это сводило на нет любые материальные преимущества, которые могли бы иметь оборонявшиеся.

Воспользоваться этим временным кризисом — пока Черчилль не смог организовать переходное правление или Индийская армия не смогла решить проблему обороны Индии эффективно — значило нанести удар до начала сезона дождей в середине мая .

Первая фаза операции началась в середине марта с высадки на Андаманских островах (оставленных их ограниченным британским гарнизоном), в то время как японский флот решительно и серьезно входил в Индийский океан. В первые две недели Первый воздушный флот вице-адмирала Тюити Нагумо не сумел потопить британский боевой флот, который остался вне пределов досягаемости, однако потопил авианосец «Гермес», крейсера «Дорсетшир» и «Корнуолл», а также огромное количество меньших по размеру военных и торговых кораблей в Индийском океане. Поскольку угроза со стороны британских воздушных и морских сил отступила, японцы серьезно разрушили порт в Тринкомали, в том числе нефтебазу и верфи. После этого авианосцы отправились на север и повторили то же самое в Бенгалии, поражая аэродромы и военные сооружения в окрестностях Калькутты и Читтагонга. На этот раз, однако, портовые сооружения не пострадали.

До этого момента все шло в соответствии с первоначальным планом, подразумевавшим рейды в Индийском океане, хотя и с опережением в несколько недель. Но среди средств концентрации японских авианосцев были самолеты предварительной разведки, защищающие войсковой контроль и боевую эскадру во время их вхождения в Индийский океан при радиомолчании. Однако англичане при помощи переданных им США дешифров и других средств разведки вскоре поняли, что это — не обычный рейд авианосцев. Тем не менее оставалось неясным, что станет мишенью — Цейлон или Индия. Цейлон все же получил основную часть подкреплений.

Таким образом, нападение японцев на Индию в начале апреля стало неожиданностью; в главном ударе этого броска участвовали две дивизии, высадившиеся к юго-востоку от Калькутты, у Баласора, в штате Орисса. Другое соединение, не такое большое, высадилось на берег между Читтагонгом и правым флангом плацдарма. Это была маленькая по стандартам высадки десанта группа; снабжение было организовано наспех и при очень скудной материальной базе, даже по японским меркам. Прошло несколько недель, прежде чем следующие дивизии были готовы к высадке.

Но, хотя японцы и рисковали встретить немедленное противодействие, у них было достаточно сил, чтобы обезопасить плацдарм высадки от контратаки англичан, которую те готовы были начать. В начале 1942 года англичане испытывали недостаток резервов, их готовность двинуть запасные формирования на юг от Северо-Западной Пограничной провинции была ограничена волнениями среди гражданского населения, которые сказались на железнодорожном движении и создавали сложность с инфраструктурой.

Акции эти не распространялись по всей стране, волнения не переросли в восстание, но перекрытие железнодорожных путей и серьезные повреждения телеграфных линий, организованные в ключевые моменты, лишили англичан возможности послать резерв к месту высадки японцев[136]. Англичане в ответ арестовали лидеров Партии конгресса, Ганди и многих других лидеров индийского национального движения.

В результате британцы не смогли начать широкомасштабную контратаку, которая могла бы отбросить назад высадившихся японцев. То, что казалось англичанам, говоря словами присловья, «ударом в спину», было, скорее, недостатком резервов самого британского планирования, которые сделали невозможной подобную операцию. Начатые контратаки проводились так, как предусматривал первоначальный план обороны, разработанный генеральной штаб-квартирой Индии, — не единым сокрушительным ударом, а множественными несогласованными ударами качественно сокращенных бригадных соединений[137]. В сражениях первых нескольких недель кампании, до и после захвата японцами Калькутты, британцы начали несколько контратак, которые из-за трудностей, с которыми столкнулись британские командиры, закончились не связанными друг с другом действиями.

Контратаки этих решающих недель кампании часто бывали отмечены героизмом как британских, так и индусских войск. Эти поступки часто были тактически выгодны и разумны, но в итоге оказывались бесполезными с боевой точки зрения. В этом смысле они напоминали наступательные операции объединенных армий «шотландских колонн» в пустыне, проводившиеся в то же время.

Первые воздушные атаки японцев, произведенные с авианосцев, нанесли поражение ограниченному воздушному силам британцев на Цейлоне и в Бенгалии — последними были значительно уступавшие по силе соединения «Хаукер-Харрикейнов» и «Кертисс-Мохауков» — и убедились, что воздушное сопротивление вторжению будет незначительным. Соединения японских бомбардировщиков были готовы двинуться к аэродромам Мандалая и Рангуна сразу же после их взятия, и теперь они начали налеты на города Бенгалии, особенно на Калькутту. Как и в Бирме, потрясение от воздушных налетов было гораздо большим, чем причиненные ими разрушения; оно привело англичан к решению и не пытаться защищать Калькутту.

После того как японский флаг был поднят в Калькутте, произошло именно то, что предвидел Объединенный штаб планирования индийского командования на обсуждении, имевшем место 14 марта 1942 года[138]. Это были: «а) проблема беженцев, б) серьезная проблема внутренней безопасности, в) возможность активных действий пятой колонны в Бенгалии, г) массовое бегство рабочих из районов, которым угрожает захват, парализующее промышленную и транспортную активность, д) развал гражданского управления, е) массовое мародерство и ж) общий упадок духа населения Индии, что не сможет не сказаться на индийской армии».

Начало сезона дождей в середине мая сопровождалось завершением отступления английских войск из Бирмы и тем, что под угрозой оказалась вся территория Бенгалии —

в добавление к угрозе, которую представляло расширение плацдармов высадки японцев. Англичане думали, что дожди прекратят японское наступление. В действительности дожди замедлили скудные поставки японцев гораздо меньше, чем поставки британцев. Так же, как и в Малайе и на Филиппинах, японцы показали в Индии свою способность действовать в условиях окончательного разрыва путей подвоза. Японцы отбирали еду, сея голод в областях, через которые проходили, и транспорт.

К маю степень японской угрозы Индии достигла уровня, предсказанного британским Штабом объединенного планирования двумя месяцами раньше: одиннадцать дивизий следовали морем и еще две переходили границы со стороны Бирмы[139]. Поскольку Калькутта была взята, японцы оказались перед своим следующим решением — о главном походе. Окончательным решением было движение на запад, с конечной целью взять Бомбей.

Перспектива движения через субконтинент, при открытых флангах и проходившем сложный путь снабжению из Японии, пугала. Базировавшиеся на Цейлоне субмарины уже начали наносить потери японским войскам и конвоям подвоза. Но это не было сопротивлением настолько сильным, чтобы смять затянувшееся наступление японцев. Ключом к пониманию этого было мнение британцев — в Дели, не в Лондоне, — что ситуация безнадежна[140]. Как у французов в 1940 году, это дало толчок к тому, что даже ограниченные оперативные и тактические поражения имели стратегические последствия, а также к тому, что доступная глубина и ресурсы не были эффективно использованы. Падение Индийской империи во многом напомнило падение Франции. Она не смогла оправиться после тактических и оперативных поражений, так как желание, воля и готовность нации сопротивляться были низкими. Многие из индийских дивизий оказались неготовыми к сопротивлению точно так же, как не были готовы к сопротивлению необученные и плохо вооруженные французские резервисты в 1940 году.

Массового восстания индусов по поводу встречи с японцами не произошло, хотя волнения были величайшей помехой англичанам в их военных усилиях. Это не означало, что только меньшинство образованных классов Индийской империи могло бы сказать: «Лучше японцы, чем англичане» или, в случае многих мусульман, — «Лучше японцы, чем Партия конгресса с индусским большинством» — как лишь меньшинство французов сказало: «Лучше Гитлер, чем Леон Блюм» в годы, предшествовавшие катастрофе 1940 года. Такое отношение, скорее, говорило о том, что у них не было воли, чтобы мобилизовать для войны все общество и всю экономику, как это сумел сделать Сталин в Советском Союзе в 1941 году или как — без применения тайной полиции — мобилизовал Британию Черчилль в 1940-м.

К тому же Индийская империя в 1942 году переживала кризис законности власти. В какой-то степени совершенно не важны были образованные индусы, желавшие независимости. Англичане так продумали военную составляющую Индийской империи, что они не имели значения; личный состав набирался из групп, традиционно связанных с британской армией. Военные ресурсы должны были обеспечиваться, по требованию, системой местного командования. Но все больше не индусы, а британское руководство (и англоязычные индусы, которые тоже были частью правящих классов британской Индии) не верило в Империю. Они не хотели сражаться и умирать за сохранение британского правления в Индии, не имели воли к борьбе, какую имела Британия в 1940 году.

Это привело к провалу сопротивления на всем субконтиненте. Японцы двигались в вакууме. Их продвижение замедлялось лишь летней жарой и общественной анархией,

следствием падения британского правления. Англичане удержались на Цейлоне, на юге, — японцы не считали, что туда стоит двигаться, — и в Пенджабе и Синде, где был порт Карачи, гавань для подкрепления. Дополнительные британские дивизии прибыли в мае и июне[141]; прибыли американские самолеты, чтобы обеспечивать воздушное прикрытие. Японцы усомнились в решении выступить вместо Операции-11, в качестве модели вторжения, с Операцией-21, которая ограничивала способность японцев двинуться на линии коммуникации британцев, ведущие к территориям, которые те все еще удерживали. Так как Цейлон должен был становиться все более изолированным по мере продвижения японцев на юг, они были не готовы стянуть дополнительные ресурсы, которые потребовались бы для вторжения.

Попытка оккупации

Самым первым результатом падения Дели и бегства правительства наместника в Карачи стало укрепление японских позиций в Китае. Без снабжения и обеспечения пополнениями, которые поступали с индийских баз, воздушные силы союзников в Китае по большей части развалились. Способность японцев к продвижению в Китае ограничивалась только все более растущей нехваткой собственных ресурсов, которая в свою очередь была связана с вторжением в Индию.

Когда японцы начали широкомасштабную оккупацию субконтинента, первой реакцией индийского населения было любопытство[142]. Индусы были совершенно безоружными после британской политики, направленной на предотвращение активного сопротивления, а также создания ощущения бессилия, так, чтобы они не могли оказать сильного сопротивления даже при достаточной к тому причине. Население Индии к тому же столкнулось с более насущной проблемой — бездействием систем. По всей стране были разрушены инфраструктура и промышленность — как это было в Бирме и на Андаманских островах[143]. Это означало, что перспектива нехватки продовольствия скоро станет реальностью .

После захвата главных объектов в Индии японцы снова применили ту же практику, что и в Гонконге, Сингапуре и Рангуне. Она заставила заключенных-англичан подметать улицы, полагая, что это станет ритуальным актом публичного унижения. Однако, как и в предыдущих случаях, это лишь увеличило уважение к британским военным со стороны населения, увидевшего, что и в тяжелых условиях британцы поддерживают дисциплину. Это, вместе с немедленным крушением экономики, привело к тому, что британское правление очень скоро стало вспоминаться с тоской многими индусами.

Плохо подготовленные к контролю большей части Индии — и в то же время пытаясь установить такой же контроль в Китае, — японцы переняли британскую систему управления, включая неевропейцев-служащих, годную для любого случая. В результате этого правление приняло вид продолжения прежнего владычества при новом, более жестоком и грубом и менее эффективном руководстве. Фактически управление сосредоточилось в руках относительно немногих японских военных — при том, что армия на деле доказала свою большую по сравнению с флотом жестокость.

Индийские националисты, радовавшиеся избавлению от британского правления, обнаружили, что японцы вовсе не сочувствуют их требованиям о самоуправлении. Что касается японцев, то им руководители партии конгресса не казались подходящими для сотрудничества кадрами. Японцы, вероятно, произносили риторические фразы об избавлении Азии от доживающего последние дни империализма и о возрождении Азии для азиатов, однако когда они увидели, что англичане пересадили лидеров Партии

конгресса в 1942 году, то решили оставить тех в тюрьме. Японцы сочли, что эти люди — не более чем англичане со смуглой кожей, и что если они сопротивлялись правлению далекого британского императора, то вероятнее всего будут сопротивляться и правлению императора японского .

Ганди, несмотря на свою всемирную известность, был оставлен в тюрьме. Когда последователи Ганди в штате Орисса встретили введение натурального налога продуктами пассивным сопротивлением, по ним открыли ураганный огонь, а сам Ганди был приговорен к обезглавливанию. К счастью для японцев, трезвые головы в Токио предотвратили казнь, однако этот случай ясно показал, как быстро растет напряжение между завоевателями и завоеванными. В Индии повторилось то же отношение к японцам, что и у жителей Андаманских островов, первыми испытавших японскую оккупацию: впечатленные их расторопностью, точностью, энергией и дисциплиной, они были приведены в ужас зверствами и жестокостью, свойственными японской системе.

Японцы вскоре ввели в Индию собственную армию индусов, которая была составлена из военнопленных и этнических индусов Юго-Восточной Азии после побед при Сингапуре и Гонконге[144]. Эти части почти не принимали участия в завоевании Индии; их использовали в основном для доставки грузов и выполнения второстепенных обязанностей, включая оккупацию. Эти соединения были важны тем, что их использование позволило японцам взять напрокат идею индийского национального движения, испытав и сделав законной свою власть. Тем не менее развал «добровольной» Индийской Национальной армии в декабре 1942 года показал, насколько неэффективно действовали японцы, столкнувшись с индийской реальностью, во всем, кроме попыток прямой работы с местными посредниками, которая была характерна для их действий от Кореи до Юго-Восточной Азии — через Китай[145].

Голод 1943 года в Бенгалии привел к первому крупному кризису японского правления. Он унес несколько миллионов жизней и отразил скудость урожаев в большинстве индийских земель и потерю импорта риса из Бирмы. Японцы реквизировали большую часть оставшихся транспортных средств для обеспечения своей продолжающейся кампании против британцев на юге и западе, так что возможность ввозить продовольствие была мала. Несмотря на продолжающиеся налеты на Цейлон, которые очень затрудняли их наступательные возможности, японцы продолжали взимать рисовый налог на пике голода — как было на Яве при подобных обстоятельствах.

Конечно, японцы пытались облегчить тяготы жизни в оккупированных областях. Они пытались увеличить урожай риса. Они пытались ввести в употребление сладкий картофель и другие альтернативные культуры. Новобранцев под руководством военных свозили в определенные места — что в Индии часто означало: в городские зоны — и отправляли в поля для применения их равнозначного рабскому труду в сельском хозяйстве или на строительстве дорог.

Но при окончательном рассмотрении японская Индийская империя столкнулась с распространением голода — из-за своей неспособности справиться с нехваткой бензина, катастрофическими разрушениями внутренних коммуникаций и продолжающейся военной разрухой, включая потерю каботажных судов. В ответ японцы предприняли попытку отстроить и починить инфраструктуру. Их усилия по строительству авиабаз и железных дорог были более интенсивными, чем те, что предпринимали англичане до своего поражения. Японцы активно применяли труд заключенных и призванных на военную службу, как и в Юго-Восточной Азии.

Несмотря на заявления о номинальной независимости Индии, японцы вкладывали не слишком много в создание индийских институтов и сил, которые они могли бы использовать. Они не проявили никакого настоящего интереса и должного уважения ни к традиционным культурам субконтинента, ни к модернизированным и образованным классам и их возможностям. Индийская Национальная армия была вновь создана после распада в декабре 1942 года, но, несмотря на значительную численность, она не была по-настоящему эффективной. Подобно марионеточным армиям оккупированных японцами Китая и Маньчжурии, она использовалась в первую очередь для нужд внутренней безопасности.

Такой подход к оккупации все более знакомил японцев с туземной субконтинентальной традицией переворота. Он был направлен против чужеземного владычества задолго до появления англичан и сейчас выражался во все возрастающем, хотя и неорганизованном противостоянии японскому правлению. Это сочеталось с мнением образованных индусов о том, что японское правление повторяет те же черты угнетения и жестокости, что и британское, не будучи при этом ни в малейшей степени просвещенным. Все индийское общество ненавидело японскую военную полицию. Такое отношение было подкреплено тем, что японцы широко применяли казни и пытки, особенно когда подозревали шпионаж или саботаж. Беспочвенные казни стали отличительной чертой японского правления.

Потеря империи

Судьба японской Индийской империи определялась не столько происходящими на субконтиненте событиями, сколько решающими сражениями с Соединенными Штатами в Тихом океане. Японцы также обнаружили, что не могут завершить военную оккупацию субконтинента в степени большей, чем в Китае (японо-китайская война длилась с 1937 по 1945 год с переменным успехом. В 1937 году Японии удалось захватить Северный и Центральный Китай; правительство Чан Кайши закрепилось в провинции Сычуань^{40}). Они могли удержать большую часть того, что было ценно с военной и экономической точки зрения, но оккупация границ Британской Индии или даже, за ее пределами, перевалов в Гиндукуше, которые обеспечивали естественный проход вперед, была далеко за пределами возможностей японцев.

Прошло много времени, и субконтинент стал периферией и для Британии, и для Японии. Британцы, ограниченные в средствах, были так поглощены борьбой за Европу и Средиземноморье, что сохранение Индийской империи, прекращение существования которой было практически неизбежным и которая вскоре после конфликта могла быть изменена, было задачей далеко не первостепенной важности.

Поражение Британии в Индии неизбежно привело к тому, что в англо-американском союзе Британия стала младшим участником. Это заставило британцев согласовывать свою политику с требованиями США, если они хотели получить средства, необходимые для продолжения борьбы. Такое положение стало одной из основных причин того, что Британия предоставила независимость, в форме доминиона, четырем оставшимся под контролем Британии западным провинциям Индии — Пенджабу, Синду, Белуджистану и Северо-Западной Пограничной провинции — в 1943 году. В этих районах было очень неспокойно. Сикхи в Пенджабе особенно упорствовали в нежелании стать частью нового государства, и им была предоставлена автономия и возможность отказаться от участия после войны.

Большая часть Индии была занята японцами. Поэтому англичанам пришлось придать большее значение мусульманскому населению на западе; новый доминион был зоной

мусульманского большинства. Однако англичане обнаружили, что Мусульманская Лига во главе с Али Джиннахом уже разрабатывает курс на отделение. Этому противилась Партия конгресса и индуское большинство, но, поскольку сейчас их территории были заняты японцами, им пришлось удовлетвориться обещаниями о предоставлении свободы их собственному доминиону .

В новом доминионе, названном Пакистаном, англичане учредили правительство независимой Индии в изгнании. Потребность иметь хотя бы номинальное индийское правительство также заставила англичан вернуть почти все семь дивизий индийской армии, бывших во время японского вторжения, за пределами страны. Они должны были вместе с новосформированными пакистанскими дивизиями (их вооружили США, однако обучали до сих пор англичане), а также американскими и британскими подразделениями стать силами, которые выдворят японцев из Индии.

Новое индийское правительство выстраивалось не вокруг индийских националистов — они все еще находились в тюрьмах, заключенные туда японцами, — а было составлено из крупных землевладельцев Пенджаба и беженцев, в том числе и нескольких местных руководителей предвоенной Индии «без Британии». Англичане убедились, насколько было возможно, что лидеры связаны с индийской армией и что «военные гонки» в Индии приобрели политическую силу.

Эти перемены отобразили политическое давление США. Поскольку воздушные силы и большое количество наземных войск США были развернуты в Карачи и далее в Пенджабе, соображения внутренней политики США требовали рассматривать это как сражение за свободу, а не как за реставрацию британской Индийской империи. При таком положении дел даже самые негибкие сторонники королевской власти в Лондоне мало что могли сделать.

Период с конца 1942 по 1944 год, два года, предшествовавшие англо-американскому возвращению в Индию, включал несколько ограниченных крупных наступлений на Бомбей и Дели и движения для обеспечения контроля над воздушным и морским пространством вокруг контролируемой японцами Индии. Это повлекло сосредоточение в самом Карачи и вокруг него стратегических бомбардировщиков, которые поражали цели во всей Южной Азии. Цейлон, который сначала был укреплен только благодаря ожесточенным боям мальтийского конвоя, был теперь превращен в трамплин для воздушных и морских операций, которые перерезали японские линии поставок, за исключением тоненького ручейка, просачивавшегося через Таиланд.

Японцы не могли ввести систему непрямого правления, которое могло бы укрепить их Индийскую империю, поскольку по мере продвижения союзников индусы все больше смотрели на последних как на освободителей. Наступление союзников было медленным и осторожным по сравнению с молниеносной победой японцев, но в конце стало очевидным, что японцы не смогут удержать Индийскую империю. Японский флаг был спущен — в Дели, Калькутте и по всей Индии — и заменен флагом независимого доминиона Индия, который был спешно создан — затем, чтобы капитулировать.

Было очевидно, что японская оккупация изменила индийское движение за независимость. Если до войны индийские националисты, подобные Неру, выказывали склонность к политике необъединения с более крупными политическими силами, то японская оккупация должна была явить необходимость коллективной безопасности в послевоенной Индии так же, как это было в европейской Франции. Послевоенная политика в Индии определялась нуждами примирения этих требований с частыми всплесками национализма.

Это предупреждало движение по направлению к государственной изоляции, какая была в Бирме при японской оккупации.

После войны Индия взяла иной курс, чем мог бы быть, возглавь движение за независимость националисты довоенного периода. Получилось так, что независимость пришла вместе с освобождением. Немногие довоенные лидеры, которым удалось выжить в японском плену, — Ганди погиб в результате бесплодной голодовки — казались никому не нужными. Лидерами доминиона Индии были землевладельцы, родовые аристократы и люди, пробившиеся из индийской армии, консерваторы-прагматики. Хотя они и были убежденными националистами, они понимали, что будущее Индии будет связано в первую очередь с Соединенными Штатами и во вторую — с Британией, в большей степени, чем руководители Австралии и Новой Зеландии. Это означало членство в возглавляемых США региональных оборонных организациях.

Прагматический взгляд Индийского доминиона простирался до доминиона Пакистан. Хотя его руководители и сожалели о его отделении, они считали это необходимостью и удалением потенциального раздражителя, Северо-Западной Пограничной провинции. Отношения между двумя странами в рамках Содружества^{41} были дружественными. Доминион Пакистан также присоединился к учрежденным США после войны региональным организациям по безопасности. Британское присутствие на Цейлоне во время войны вылилось в то, что остров еще долгие годы оставался колонией.

Японская оккупация Индии, хотя и была недолгой, оставила по себе чувство возмущения. С одной, положительной, стороны, она в короткое время покрыла страну стройками. У японцев была страсть к строительству и общественным работам, тогда как западные колониальные силы действовали по принципу «лучшее — враг хорошего» там, где строительство не было выгодным для контроля или экономики. На Андаманских островах японцы построили дороги, аэродромы и оборудовали порт, тогда как англичане удовлетворились минимальным количеством того, что требовала островная экономика.

Эфемерное японское правление было тем не менее для Империи стратегическим успехом. Несмотря на поражения в Тихом океане и конечную сдачу Индии, японцы блокировали пути подвоза в Китай до тех пор, пока прогнившее Национальное правительство не развалилось в конце 1944 года. Большая часть японской армии, находившаяся в Китае, была переведена в Индокитай, где смогла замедлить продвижение союзников, заставив их едва ползти вдоль реки Меконг. Истерзанной войной Советский Союз, чьи силы соединились в Восточной Польше с силами американского генерала Паттона, решил соблюсти свой Пакт о нейтралитете с Японией, освободив свои дивизии от боев с Квантунской армией в Маньчжурии. Измотанное боями в Европе, британское правительство Эттли не имело охоты продолжать воевать, особенно после того, как был отвоеван Сингапур. Даже безжалостные американцы подчинились тихому японскому предложению оставить Филиппины. По Лимскому договору, заключенному в 1946 году, японцы получили большую часть Индокитая и Китая и две небольшие проблемы, а именно: Хо Ши Мина и Мао Цзэдуна.

Реальность

Приведенные здесь планы японцев относительно Индии были приняты в действительности. Японцы были вынуждены согласиться на «авантюру в Индийском океане» весной 1942 года, чтобы поддержать свое вторжение в Бирму. До 1944 года японцы предприняли попытку наземного вторжения в Индию; эта попытка провалилась.

Описанные планы англичан по обороне Индии существовали в действительности. Описание событий японского вторжения взято из британских расчетов «худшего из возможных сценариев» японского вторжения, который японцы могли бы использовать для получения преимуществ в разведке.

Провал англичан во время вторжения вымышлен. Первоначальные планы британцев по обороне провалились и в 1941 году во время вторжения в Малаю, и в 1944 во время вторжения в Индию. В последнем случае было достаточно средств, места и времени чтобы «уравновесить» первоначальный успех японцев. Это было непохоже на положение весной 1942 года.

Волнения в Индии и арест национальных лидеров, действительно имевшие место в августе 1942 года, перенесены на несколько месяцев вперед. Современная Индия сформировалась благодаря появлению в 1942 году японской угрозы, что изменило движение за независимость.

Описание японской оккупации основано на проведении оккупации в Китае и Юго-Восточной Азии; описание специфики индийских событий основано на фактах оккупации Андаманских островов. В отличие от немцев на Нормандских островах японцы не сделали Андаманские острова моделью оккупации. Описание окончательного поражения японцев в Индии есть «увеличенное» описание такового в Бирме.

Джон Д. Бертт. ГУАДАЛКАНАЛ

(Порванный шнурок)

В глазах человека был гнев; он смотрел, как его люди — они не были побеждены в бою, не были обесилены недостатком снабжения или сна, не были сломлены изматывающими нападениями местного или фанатичного врага — поднимаются на борт десантного корабля, чтобы покинуть остров, за который они сражались два месяца. Все в человеке — и характер, и опыт — говорило ему, что нужно остаться и удержать этот остров и ценный аэродром, расположенный на нем. Но вышестоящее начальство опасалось беды и приказало вывести людей. И вот генерал-майор Александр Вандегрифт в гневе смотрел, как его Первая дивизия морской пехоты покидает Гуадалканал.

Ситуация

После неудач в Коралловом море и при Мидуэ японцы несколько изменили свои планы, однако продолжали удерживать стратегическую инициативу. Японский Императорский флот сначала отложил, а потом отменил наступление на юг с целью захватить Новую Каледонию, Фиджи и Самоа. Вместо этого был сформирован Восьмой флот, который разместили в Рабауле для охраны южных завоеванных территорий и подступов. Командовал Восьмым флотом, состоявшим из нескольких крейсеров и эсминцев, вице-адмирал Гуниши Микава, воин с тихим голосом. Потерпев неудачу в Коралловом море, в армии решили продолжить атаки на Порт-Морсби в Новой Гвинее, с сухопутным штурмом через горы Оуэн-Стэнли и высадкой около Буны на северном побережье острова 21 июля 1942 года.

Можно проследить, как японцы начали захват Соломоновых островов. 3 мая они высадились на острове Тулаги и начали строительство гидроаэропорта, предназначенного главным образом для разведывательных целей. 2 недели спустя Генеральному штабу императорского флота было рекомендовано построить современную авиабазу рядом, на

острове Гуадалканал. Такая авиабаза укрепила бы внешний периметр наступления японцев и усложнила бы положение на путях подвоза между Соединенными Штатами и Австралией. Штаб одобрил строительство базы 13 июня. 2 июля 2600 человек 11-го и 13-го военно-морских строительных соединений прибыли на остров, чтобы начать работы.

Тем временем руководители пехотных войск и военно-морского флота США были заняты спорами о том, как извлечь пользу из победы при Мидуэе. Генерал Макартур хотел, чтобы все выделенные средства пошли на поддержку его плана продвижения через Новую Гвинею, однако флот США был против того, чтобы отправлять свои ограниченные соединения авианосцев в эти узкие воды. 2 июля компромисс между планами сухопутных войск и флота был достигнут, и была разработана операция «Эпидемия», преследовавшая три цели. Первой целью был захват островов Санта-Крус и острова Тулаги, находящихся в составе Соломоновых островов. Макартур должен был выполнить вторую задачу, захватив оставшиеся из Соломоновых островов — Ли и Саламоа — и северо-западное побережье Новой Гвинеи. Последней целью операции был захват японской базы в Рабауле. Известие о прибытии на Гуадалканал строительных частей повлекло за собой изменения в задаче №1: следовало захватить новый аэродром до того, как его строительство будет закончено. Была разработана операция «Сторожевая башня».

Объединенное командование военно-морским флотом США в южной части Тихого океана было доверено контр-адмиралу Роберту Гормли. До своего назначения на Тихий океан он был специальным военно-морским наблюдателем в Лондоне. В подчинении у Гормли был контр-адмирал Ричард Тернер, назначенный командующим подводными силами. Авианосцы «Энтерпрайз», «Уосп» и «Саратога» под командованием вице-адмирала Джека Флетчера должны были обеспечивать поддержку. Первая дивизия морской пехоты, которой командовал генерал-майор Александер Вандегрифт [146], должна была осуществлять непосредственную высадку.

Соединения морских пехотинцев Вандегрифта, участвовавшие в операции «Сторожевая башня», были сметаны на живую нитку. У Вандегрифта были только два из трех его полков, Первый и Пятый полки морской пехоты. Седьмой полк был размещен на Самоа для защиты этого жизненно важного острова. Для замены Седьмого полка на Атлантическом побережье был срочно собран Второй полк морской пехоты Второй морской дивизии, который был отправлен на запад. В дополнение к этим трем пехотным полкам Вандегрифт должен был получить Одиннадцатый артиллерийский полк морской пехоты, Первый десантный батальон, Первый парашютный батальон и Третий оборонительный батальон. Последний, вооруженный 90-миллиметровыми зенитными орудиями и имеющий в своем распоряжении 5-дюймовые береговые батареи, должен был играть главную роль в обороне острова. В общей сложности 19 000 человек должны были участвовать в первом наступлении.

Очень мало было точной информации касательно объектов и целей, и еще меньше времени, чтобы ее собрать. Морские пехотинцы, которых направляли на Гуадалканал, мало знали о местности, о побережье, на которое им предстояло высаживаться, о климате и, хуже того, о расположении противника. К счастью, при составлении планов вражеский гарнизон был оценен приблизительно в 7500 человек — вдвое больше того, что был на островах-объектах в действительности. Погрузка припасов и людей происходила беспорядочно, из-за чего операция и получила неофициальное название-прозвище «Шнурок».

После недельного плавания двадцать восемь кораблей 61-го военно-морского оперативного соединения вошли в воды своих объектов и открыли огонь 7 августа 1942 года.

Первая фаза

Высадка на Гуадалканал практически не встретила сопротивления. Первый и Пятый полки морской пехоты высадились к востоку от аэродрома и двинулись в глубь острова. Аэродром был захвачен на следующий день, а строительные соединения отступили в джунгли. Большие трудности вызвала закрепление на островах Тулаги и Флорида и на меньших по размеру Гавуту и Танамбого, находящихся через пролив. Первый парашютный батальон потерял почти шестьдесят процентов убитыми и ранеными, что заставило Вандегрифта высвободить дивизионные резервы, Второй полк морской пехоты, чтобы закончить операцию. Тем не менее к вечеру 8 августа сопротивление было ликвидировано, и недостроенный аэродром на Гуадалканале был захвачен.

Вторжение застало японцев совершенно врасплох. Они считали, что инициатива принадлежит им, и мало подготовились к тому шагу союзников, который со всей очевидностью должен был последовать после Мидуэя. В какой-то степени недостаток как предусмотрительности, так и подготовки стал следствием плохого сообщения между руководителями сухопутных войск и флота — в сухопутных войсках до сих пор не знали о катастрофе Мидуэя. Первой реакцией японцев на вторжение стала воздушная атака бомбардировщиков, базировавшихся в районе Рабаула; эти бомбардировщики первоначально предназначались для налета на Порт-Морсби и все еще оснащенных для этой цели. Восемнадцать бомбардировщиков Мицубиси G4M «Бетти» появились вскоре после полудня и были встречены истребителями, взлетевшими с авианосцев США, которые выполняли роль прикрытия. Шесть японских самолетов были сбиты еще до того, как успели поразить хотя бы одну цель. Во время следующего налета, бывшего в тот же день, — девять пикирующих бомбардировщиков Аичи D3A «Вэл», действовавших за пределами своей возможности вернуться в Рабаул, — японцам удалось поразить эсминец «Магфорд», но ни одному из девяти самолетов не удалось уйти. На следующий день после воздушных атак был поражен транспорт «Джордж Эллиот». Это стоило японцам семнадцати из двадцати трех самолетов. За два дня налетов соединения японских бомбардировщиков в районе Рабаула практически перестали существовать.

Молниеносная военно-морская реакция была проявлена адмиралом Микава. Сначала он колебался, поскольку его флоты никогда не проходили совместную подготовку, но он знал, что враг должен быть атакован. Адмирал выступил со своими соединениями, направляясь на юг. Его Восьмая флотилия была крепкой, надежной группой из пяти крейсеров («Хокаи», «Аоба», «Како», «Кинусага» и «Фуратака»), двух легких крейсеров («Тенрю» и «Юбари») и одного эсминца («Юннаги»). Имевший мало точных данных Микава просто собирался напасть на врага ночью. Японская теория ночных торпедных атак доказала свою эффективность во всех современных войнах. Практически теория была подкреплена применением отличных оптических приборов, не дающего вспышек пороха и невероятно мощных торпед дальнего действия «Лонг ланс», которыми были оснащены все японские крейсера и эсминцы.

Соединения Микавы были замечены несколько раз на протяжении своего пути, однако обнаружение всегда отставало от продвижения из-за несовершенной системы сообщения. В то же время американские силы прикрытия понесли большие потери. Флетчер сообщил Тернеру, что уводит свои крейсера на юг раньше, чем планировалось, из-за увеличения количества торпедных самолетов, брошенных на них. Он отплыл в полдень 9 августа,

предоставив защиту плацдарма высадки десанта соединениям союзнических крейсеров и эсминцев, которыми командовал контр-адмирал В.А.К. Кратчли (ВМС Великобритании). Кратчли командовал австралийскими соединениями до того, как был назначен заместителем Тернера в операции «Сторожевая башня» в знак уважения к союзному характеру занятых в операции военно-морских сил. Кратчли расположил свои соединения двумя группами, на каждой стороне острова Саво, примерно в пятнадцати милях от места высадки десанта. Южная группа состояла из тяжелых австралийского крейсера «Канберра» и американского линкора «Чикаго», а также эсминцев «Паттерсон» и «Багли». В состав северной группы входили американские тяжелые крейсера «Винсенс», «Куинси» и «Астория», а также эсминцы «Уилсон» и «Хелм»[147]. На некотором расстоянии эсминцы «Блю» и «Ральф Тэльбот» охраняли место стоянки.

Микава удалось обойти пикет эсминцев и войти в южный район острова Саво в 1:43 9 августа. К тому времени, когда «Паттерсон» передал сигнал опасности, японцы выпустили торпеды и открыли огонь. «Канберра» попала под обстрел и была быстро выведена из строя. «Чикаго» почти снесло нос торпедой, и он с трудом уполз из-под огня на запад; ответить он смог лишь несколькими выстрелами из своих 5-дюймовых вспомогательных батарей.

Короткая схватка с южными соединениями расколола японскую колонну на две: в одной оказались четыре тяжелых крейсера, в другой — остальные корабли. Обе колонны быстро двинулись на север и через несколько минут уже вступили в бой с северной группой союзников. Для последних это нападение оказалось внезапным — они до сих пор не подозревали, что к ним приближаются японцы. Три американских крейсера оказались не готовы к шквалу огня, который обрушился на них с обеих сторон; они смогли дать лишь очень невнятный ответ, после чего были затоплены. Все три были полностью уничтожены за пятнадцать минут обстрела.

Микава овладел положением. Его корабли израсходовали половину боеприпасов и торпед и были рассеяны коротким сражением. Флагманский корабль адмирала «Хокай» получил единственное серьезное повреждение, когда выпущенным с «Куинси» снарядом было убито около тридцати человек команды, находившихся около штурманской рубки. Его штаб планировал за два часа перестроиться с тем, чтобы двинуться на место стоянки транспортов. Микава не знал, что американские крейсера ушли; он вполне обоснованно беспокоился о том, что его корабли задержались и могут быть при свете дня застигнуты авиацией. Микава предпочел осторожность и ушел на восток. По иронии судьбы, на обратной дороге американская подлодка S-44 торпедировала крейсер «Како» и затопила его.

Микава оставил после себя разгром: четыре утонувших и тонущих крейсера, более 1700 убитых и раненых. Успех высадки десанта был сведен к нулю за сорок минут сражения на море. Чувствуя себя неспособным защитить оставшиеся корабли, особенно без воздушного прикрытия, Тернер решил отвести их от острова. Было выведено 1800 пехотинцев Второго полка морской пехоты и увезена большая часть строительного оборудования, нужного для завершения строительства аэродрома. Пехотинцы Вандегрифта оставались с количеством боеприпасов, достаточным для четырехдневного боя, и с месячным запасом продовольствия — включая продукты, оставшиеся после японцев.

Когда разведка доложила, что американские корабли ушли, японцы предположили, что на острове остались лишь небольшие силы. Ранее они считали, что на Гуадалканале находятся американские силы, равные одной дивизии, однако из-за недостатка поддержки

с моря они просчитались, недооценив численность противника. 17-я армия получила приказ отвоевать аэродром. По плану, объект должна была вернуть 35-я пехотная бригада под командованием генерал-майора Киётаки Кавагуши, усиленная солдатами 4-го и 28-го пехотных полков. 28-й полк, которым командовал полковник Киёано Ишики, в тот момент находился на острове Гуам. Его первоначальной задачей был захват Мидуэя, однако после поражения на море это задание было снято. Теперь Ишики начал двигаться к месту нового назначения, в то время как 17-я армия готовила подробные приказы. К 15 августа первые 900 человек полковника Ишики были готовы развернуться на Гуадалканале. Их специальным заданием был захват аэродрома, если это будет возможным; если захватить аэродром не удастся — то дожидаться подкрепления, которое должно было прибыть через десять дней. Чтобы поддержать движение полков, императорский японский флот начал перемещать крейсера на юг, по направлению к острову.

Морские пехотинцы на Гуадалканале продолжали работать. Так как у них не было своей строительной техники, они использовали то, что оставили японцы, — грузовики, взрывчатку, паровые катки и два узкоколейных локомотива. 12 августа аэродром получил имя; взлетная полоса была названа «Хендерсон-филд» — в честь майора Лофтона Хендерсона, командира морских пехотинцев, погибшего в сражении при Мидуэе. На следующий день амфибийный самолет «Каталина» совершил первую посадку на новопостроенном аэродроме.

Горькие уроки американцы извлекали из столкновения с двумя своими главными врагами — местностью и японцами. Небольшой патруль, который должен был проверить слухи о желании японцев сдатьсь, был практически полностью уничтожен; единственный оставшийся в живых потом рассказывал всем о сверкающих мечах, от которых погибли его товарищи. Попытка броска на запад, через реку Матанико, была не особенно успешной, но зато она показала, насколько трудными могут быть операции в джунглях.

Затем наступила неделя бешеной активности. 19 августа полковник Ишики и первая половина его полка высадились в районе Таиву-Пойнт, примерно на двадцать миль восточнее линии укреплений американских пехотинцев. Ишики быстро продвигался к своей цели. Подкрепление — 35-я бригада — готовилось высадиться следом при поддержке японских авианосцев.

20 августа стал памятным днем для американских морских пехотинцев — девятнадцать истребителей Грумман F4F «Уайлдкэт» и двенадцать пикирующих бомбардировщиков SBD «Доунтлесс» приземлились на аэродроме Хендерсон. «Уайлдкэты» летали медленнее, чем японские «Зеро», но могли быстрее пикировать и имели более прочный корпус. Кроме того, шесть 0,5-дюймовых пулеметов были очень эффективным оружием в бою с непрочными «Зеро» и «Бетти». SBD были способны нести 1000-фунтовую бомбу — больше, чем «Бетти», а также точно сбрасывать ее, в чем и убедилось командование японских крейсеров при Мидуэе. С прилетом таких самолетов на Гуадалканал ставки с обеих сторон значительно увеличились. Американским пехотинцам теперь было чем кусаться.

В ту ночь около 3:00 Ишики атаковал линию пехотинцев у Аллигаторовой бухты, ошибочно отмеченной на картах американцев как река Тенару. Ишики послал три из своих стрелковых частей вперед, не проведя какой-либо разведки. Японцы с невероятными усилиями прошли под ураганным огнем 2-го батальона Первого полка морской пехоты и 37-миллиметровых пушек. И хотя в строю противника была пробита брешь, атака японцев провалилась. На рассвете 1-й батальон Первого полка врезался в

южный фланг японцев и при помощи четырех легких танков фактически полностью уничтожил силы противника. Погибло 44 американских пехотинца и 800 японских солдат. Ишики доложил по радио о своем провале, а потом покончил с собой.

После этого поражения среди японского командования распространились волны потрясения, однако уже происходили еще более серьезные события. 24 августа авианосцы снова вошли в это район — в первый раз после Мидуэя. У японцев были два их лучших авианосца — «Сёкаку» и «Дзуйкаку»; экипажи 140 самолетов, базировавшихся на них, получили задание найти и уничтожить американские корабли, тем самым отплатив за разгром при Мидуэе. Легкий авианосец «Рюдзе» с тридцатью тремя самолетами на борту был в сопровождении небольшого эскорта отправлен атаковать Гуадалканал, чтобы прекратить деятельность аэродрома. Третье подступавшее соединение состояло из второго эшелона Ишики и 5-го специального десантного соединения Йокосуки. Им противостояли группы авианосцев Флетчера. Первоначально таких групп было три, но принявший иное решение Флетчер отправил «Уосп» на юг для дозаправки, изъяв из грядущего сражения треть американских самолетов, и оставил «Саратогу» и «Энтерпрайз», со 150 самолетами, участвовать в бою, который потом назовут «битвой при Восточных Соломоновых островах».

Первую атаку американцы начали сразу после полудня, напав на «Рюдзе» и застав его врасплох; однако, хотя главный удар американцев обрушился на этот небольшой авианосец, крупные японские авианосцы также были обнаружены. Японцы уже засекли «плавучие аэродромы» американцев, и «Энтерпрайз» подвергся жестокой атаке двадцати семи пикирующих бомбардировщиков «Вэл» и десяти «Зеро». Более половины этих самолетов было сбито, однако три бомбы все же упали на «Энтерпрайз». Группы надзора за повреждениями держали пожар под контролем, однако через полчаса после попадания последней бомбы «Энтерпрайз» потерял управление и стал кружить, почти натываясь на собственный эскорт. Когда суть проблемы была установлена, скорость корабля уменьшили, однако команда так и не смогла устранить повреждения. Второе соединение японцев пошло в атаку. По иронии судьбы, более тридцати атаковавших самолетов сначала не смогли обнаружить «Энтерпрайз», но патрульные самолеты США, напавшие на них, погнало их по направлению к кораблю. Было сбито еще десять самолетов, но «Уайлдкэтты», у которых кончались боеприпасы и топливо, не смогли остановить нападение на медленнодвигающийся корабль. Еще три бомбы упали на него, и пожар стал неконтролируемым. При превосходстве японских крейсеров и линкоров авианосец был оставлен, а затем затоплен торпедами, которые выпустили американцы.

Гибель «Большого Э» положила конец дуэли авианосцев. Обе стороны отступили. За потопление «Энтерпрайза» японцы заплатили небольшим авианосцем, зато потеряли значительную часть самолетов. «Саратога» ушла, чтобы присоединиться к «Уоспу». На следующий день самолеты с аэродрома Хендерсон отыскивали конвой-подкрепление, который продолжал двигаться к Гуадалканалу, и нанесли ему значительный ущерб. Они потопили эсминец и один транспорт, а также серьезно повредили флагман конвоя, легкий крейсер «Дзинцу». Зубы Гуадалканала оказались острыми.

Отражением конвоя завершилась первая фаза кампании. Результаты ее были неоднозначными для обеих сторон. Аэродром на Гуадалканале был захвачен американцами и служил интересам США, делая воды вокруг острова опасными для японских кораблей, особенно в течение светлого времени суток. Однако высадившиеся американцы страдали от нехватки снабжения — подвоз шел медленно. Так как на острове не было оборудованных портов, кораблям-поставщикам приходилось отряжать собственные десантные суда для доставки привозимого на берег; из-за того, что этот

процесс отнимал слишком много времени, приходилось ограничиваться разгрузкой двух-трех кораблей за один раз. Еще хуже был то, что ночное время принадлежало японскому флоту, чье потенциальное присутствие еще больше усложняло процесс. Американским судам-поставщикам приходилось прибывать рано утром, разгружаться и уходить еще засветло, до наступления темноты. Японцы нанесли ощутимый удар по военно-морскому флоту США, потопив «Энтерпрайз», но и сами потеряли при этом слишком много своих самолетов и обученных людей. Ценой больших усилий и своей ошеломительной победой у острова Саво их флот вырвал у союзников право контролировать ночные воды около острова, но не смог подкрепить эту победу эффективной блокадой. Попытка ответного удара армии, предпринятая полковником Ишики, оказалась катастрофой.

Вторая фаза

Провал пехотной атаки Ишики и разгром конвоя-подкрепления вызвал бурю ссор и язвительных споров между японскими военными всех уровней. Армия обрушилась на флот за ограничение количества солдат, посланных на остров; флот в свою очередь приходил в ярость по поводу того, как была проведена армейская атака. Одно было бесспорно: морская пехота Соединенных Штатов и аэродром на Гуадалканале пробили серьезную брешь во внешней обороне — японские суда оказывались в опасности в пределах менее 200 миль от аэродрома. «Заделка» этой бреши требовала более серьезных действий против плацдарма десантников. Бригады Кавагуши, собранной в Рабауле, могло оказаться недостаточно.

Аэродром мешал больше всего. Следовало либо отбить его, либо парализовать его работу. Последнего можно было достичь несколькими путями. Бомбардировка могла сделать аэродром непригодным — при условии, что удары будут достаточно интенсивными. Расстояние от Рабаула до Гуадалканала — 565 миль. Это вполне в пределах полета бомбардировщиков «Бетти», но их смогут сопровождать только «Зеро», у которых большая дальность полета. К тому же «Бетти» были бы на пределе своих боевых возможностей. Еще хуже было то, что бомбардировщики обычно атакуют на высоте 2000–2500 футов, на которой «Зеро» не смогли бы показать себя с лучшей стороны. Давление также могло быть оказано с моря — обстрелами, произведенными кораблями Императорского флота. Флоту, отлично усвоившему, насколько опасными для кораблей могут быть американские самолеты, пришлось бы действовать с риском для себя и извлечь максимум возможностей, предоставляемых ночным временем. Это была привлекательная возможность, так как главные корабли врага покинули этот район — их прогнал успех Микавы. Последней возможностью было отбить аэродром в ходе наземной атаки или хотя бы затруднить его работу артиллерийским огнем. Это потребовало бы перевозки людей и техники на остров. Самолеты союзников делали эту операцию весьма рискованной; кроме того, японцам мешало отсутствие приспособленных портов и ограниченные возможности снабжения высадившегося десанта. Но это было бы окончательным решением проблемы. Удивительно, что, увлекшись решением проблемы поставок своим собственным войскам, японцы, казалось, не заметили трудностей со снабжением американских пехотинцев и возможности решения проблемы Гуадалканала с этой позиции. Японцы выбрали более прямой подход.

План краткосрочного массированного наступления был готов. Понимая, что придется столкнуться с такими проблемами, как техническая поддержка и усталость пилотов, неизбежными при долгих полетах, Императорский Генеральный штаб отдал приказ о постройке авиабазы в Бунине, Нью-Джорджия. Тем временем Кавагуши должен был переместить свои соединения на стоянку в Фаиси, на Шотлэнд-Айленд, ближе к пункту конечного назначения, пока руководители армии и флота разрабатывали план операции.

На следующей неделе погодные условия позволили японским самолетам оказать некоторое давление на аэродром Хендерсон. Самолеты морской пехоты при поддержке армейских истребителей «Арми» Р-400 (более поздняя версия Р-39 «Эйрkobры»), как и осиротевшие после гибели «Энтерпрайза» «Уайлдкэты» и SBD, были вовремя предупреждены о приближении атакующих: сработали системы береговой охраны, находившиеся на Соломоновых островах, и их собственный радар. Японским бомбардировщикам и их эскорту был нанесен тяжелый урон. 30 августа японцы предприняли попытку налета, послав восемнадцать своих лучших летчиков-истребителей. «Зеро» были очень эффективны в сражении с низколетающими «Арми» Р-400 и сбили четыре из семи самолетов, но F4F «Уайлдкэты» расстреляли половину всех «Зеро», потеряв при этом два своих самолета. Вторая за этот день бомбардировка обернулась атакой на эсминец-транспорт «Кальбаун» в Саунде, в результате которой корабль был потоплен. День закончился прибытием на аэродром Хендерсон самолетов, прилетевших для подкрепления воздушных сил морских пехотинцев и армии, которые в шутку называли «Кактус-ВВС».

На следующий день при выполнении задания по охране путей подвоза к Гуадалканалю был торпедирован авианосец «Саратога». Была повреждена система двигателей, и судно отправили на Западное побережье, подальше от огня. Вместе с ним отплыл адмирал Джек Флетчер. После отправки «Саратоги» домой, в порт, присутствие авианосцев США в южной части Тихого океана было сокращено; до прибытия «Хорнета» здесь оставался один «Уосп».

Генерал Кавагуши собрал пять полных батальонов — около 6500 солдат — в Фаиси; сюда вошли все три батальона 124-го пехотного полка, 2-й батальон 4-го пехотного полка и батальон Кумо. Оставшиеся два батальона и 4-й полк были в пути. 17-я армия также приказала 2-й пехотной дивизии (Сендайской) взять на себя роль главной атакующей силы. Кавагуши было приказано доставить своих людей, высадить их западнее линии обороны американцев, около Тассафаронги, а затем установить артиллерийские позиции на реке Матанико.

Проблема транспортировки войск на остров при действующем аэродроме Хендерсон была частично решена после устройства того, что было названо «токийским экспрессом». Японские эсминцы со 150 солдатами и сорока тоннами боеприпасов и продовольствия на борту были достаточно быстроходны, чтобы быстро добраться до острова, высадить своих пассажиров, произвести короткий обстрел аэродрома и умчаться на север, покинув опасную зону. Самым серьезным недостатком эсминцев была их неспособность перевозить тяжелое вооружение, такое, как артиллерия и танки. Для этой цели руководство флота определило два авианосца, перевозивших гидропланы, «Ниссин» и «Читосе».

Передвижение войск Кавагуши началось, при благоприятных обстоятельствах, 4 сентября. Ведомые легким крейсером «Сендай», одиннадцать легких эсминцев доставили Кавагуши и почти 1000 его солдат на Тассафаронгу перед тем, как направиться на восток и обстрелять аэродром. Вместо этого японцы обнаружили эсминцы «Литтл» и «Грегори», которые совершали патрулирование к северо-западу от Лянга-Пойнт. Вооруженные лишь 4-дюймовыми орудиями, американские корабли были застигнуты японцами врасплох и затоплены. На следующий день «Кактус-ВВС» немного утолили жажду мести, когда заметили, атаковали и рассеяли большой конвой катеров, везших солдат на остров. Однако в течение следующих шести дней японцы высаживались в безопасности; лишь два эсминца были повреждены при возвращении.

На американской стороне Вандегрифт выстраивал оборону полукругом, вокруг Лунга-Пойнт, расположив Первый полк морской пехоты на востоке, а Пятый — на западе, с батальоном в резерве у каждого. На южном крае, выходявшем в труднопроходимые джунгли, он расположил опорные пункты, укомплектованные десантниками, парашютистами, инженерами и саперами. Третий оборонный батальон нацелил береговые орудия на море. В резерве у Вандегрифта был Второй полк морской пехоты; его 3-й батальон был доставлен в Лунга-Пойнт 10 сентября, но другие два батальона оставались на Тулаги. Вторая взлетно-посадочная полоса аэродрома, которая называлась Первая истребительная, была проложена на милю восточнее полосы Хендерсон. Она позволяла облегчить прием самолетов и поставок, но ее постоянно заливало. Однако ситуация с обороной была более серьезной, чем просто недостаток живой силы и ограниченные поставки. Ежедневные обстрелы и бомбардировки вкупе с нездоровым климатом подрывали силы и здоровье людей. Более 900 человек были больны малярией, и с каждым днем больных прибавлялось.

Затруднения разбирались на более высоких уровнях, особенно Гормли. Разведка доносила, что по направлению к Гуадалканал движется большое скопление японских кораблей, самолетов и войск. Чтобы противостоять этой угрозе, у Гормли была единственная морская дивизия в конце ненадежной линии снабжения, два авианосца для обеспечения поддержки и защиты плацдарма высадки десанта — и никаких других возможностей. Руководство сухопутных войск настаивало на выводе людей с острова и перемещении ресурсов в юго-западный район Тихого океана, как того требовал генерал Макартур, однако руководство флота держалось твердо. Несмотря на угнетенное состояние, Гормли и его начальники были хорошо осведомлены в вопросах пропаганды, связанной со сражением за остров: Гуадалканал стал для союзников символом перелома в войне на Тихом океане. Успех дал бы огромные преимущества в военной борьбе, и наоборот, поражение стало бы катастрофой, особенно если бы погибли пехотинцы.

Тем не менее 7 сентября Гормли предпринял еще один шаг. Он создал 64-ю оперативную группу, куда вошли крейсера и эсминцы под командованием контр-адмирала Нормана Скотта, для защиты от морских действий японцев на море. Кроме того, воздушные силы пехотинцев были усилены самолетами с пострадавшей «Саратоги». 11 сентября Гормли послал Тернера к Вандегрифту, чтобы составить непосредственное впечатление о положении морских пехотинцев. Вандегрифт был твердо уверен в своей способности удержать остров и аэродром, даже если Гормли не сможет оказать ему полноценную поддержку. Однако он сказал Тернеру, что, не имея поддержки и большего количества солдат, он сможет удержать лишь то, что есть, не продвигаясь дальше. Вандегрифт хотел вернуть отсутствующий полк — Седьмой пехотный. Тернер согласился попытаться доставить его.

Местные жители доносили, что западнее линии укрепления — 200–300 человек японцев. Вандегрифт рассудил, что ему нужна более подробная информация, и приказал полковнику Мерриту Эдсону по прозвищу «красный Майк», из Первого десантного батальона, высадиться около Тассафаронги для сбора данных. Эдсон собрал вместе остатки Первого парашютного батальона и своих десантников, что дало ему 850 человек. 12 сентября они погрузились на борт эсминцев-транспортов «Маккин» и «Мэнли» и двух меньших судов. Как раз во время их размещения появились местные жители с новыми известиями о соединениях японцев; теперь их число определяли в 2000–3000 человек. Эдсон отнес эту цифру на счет преувеличения.

Поначалу высадка не встретила сопротивления, и пехотинцы обнаружили множество доказательств недавних перебросок, в том числе запас продовольствия и другие заготовки,

а также два противотанковых орудия. Продвигаясь в глубь острова, десантники наткнулись на батальон японцев 4-го полка, которые высадились накануне ночью. Началась яростная перестрелка, так как к японцам присоединились бойцы 2-го батальона, который также прибыл накануне ночью. Люди Эдсона потеряли рацию и отошли на безопасные позиции, к берегу. Размахивая собственными футболками, они обозначили сигнал с просьбой о помощи, которая вскоре была оказана патрульным SBD. При поддержке с воздуха и с моря десантникам удалось успешно эвакуироваться, потеряв, однако, около пятидесяти человек убитыми и ранеными.

Обе стороны извлекли пользу из этого рейда — Эдсон вернулся с ценной информацией, добытой из документов, которые он захватил. Вандегрифт теперь имел представление о том, какой силе японцев ему придется противостоять, — более 6000 человек 35-й бригады. Кроме того, обстрелами была уничтожена значительная часть запасов японцев. Кавагуши чувствовал удовлетворение оттого, что пехотинцы были отброшены.

Имея новые данные, Вандегрифт перевез с Тулаги 2-й батальон Второго полка и снова послал запрос о Седьмом полке. Он отправил два батальона Второго полка на запад занять позиции на реке Матаникей. Вандегрифт был уверен, что, удерживая эту линию, ему удастся сделать аэродром Хендерсон недостижимым для японской артиллерии, за исключением крупных орудий.

На острове Эспириту-Санто Тернер погрузил новоприбывший Седьмой полк морской пехоты и в сопровождении «Уоспа» и «Хорнета» отплыл к Гуадалканалю. 15 сентября конвой поддержки наткнулся на японскую субмарину I-19 под командованием Такаиши Кинаши произвела маневр в 1000 ярдах от «Уоспа» и выпустила шесть торпед. Три из них поразили авианосец и взорвали топливные баки и передний оружейный погребок. Эсминец «О'Брайен» и линкор «Норт Кэролайн» также были поражены немислимим залпом Кинаши. Тридцать минут спустя огонь на «Уоспе» все еще бушевал; американцы дали по судну торпедный залп и затопили его. Со значительно сократившимся количеством самолетов и единственным линкором, который требовал серьезного ремонта, Тернер повернул назад, не желая рисковать оставшимся эскортом.

В течение следующих нескольких дней патрули бригады Кавагуши и Второй полк морских пехотинцев сталкивались западнее Матаникей. Перестрелки, при существенной поддержке военно-морской авиации, были неубедительны. Во всяком случае, они не убедили Вандегрифта в том, что Матаникей лежит на западе в пределах броска его небольшого войска. Он потребовал сделать еще одну попытку доставить Седьмой полк на остров.

Кавагуши, измученный воздушными атаками, требовал приложить все усилия, чтобы вывести аэродром Хендерсон из строя. В Рабауле собрали усиленный конвой, выстроенный вокруг «Ниссина» и «Читосе», которые должны были доставить Кавагуши 150-миллиметровые орудия. Их снаряды могли бы достигать аэродрома, будучи выпущенными с территории, которую удерживали японцы. Шесть эсминцев эскорта также перевозили первых солдат дивизии Сендаи. Императорский Генеральный штаб ВМФ изменил свои планы касательно бомбовых обстрелов. Морские обстрелы с эсминцев давали весьма ограниченный эффект; нужны были орудия большего калибра. Сначала было предложено направить к острову тяжелые крейсера, однако другие члены штаба были за линкоры и их 14-дюймовые орудия. Были приняты оба плана. Пять кораблей — три тяжелых крейсера и два линкора — были посланы на юг, вместе с подкреплением.

Гормли с неохотой согласился предпринять еще одну попытку доставить на остров Седьмой полк. У него была единственная группа авианосцев для поддержки, однако разведка указывала, что японских авианосцев в непосредственной близости нет. Тернер послал 64-ю оперативную группу Скотта вперед конвоя подкрепления, чтобы очистить место от японских кораблей и предотвратить появление дополнительного подкрепления японцев. 64-я группа Скотта состояла из тяжелых крейсеров «Сан-Франциско» и «Солт-Лейк-Сити», легких крейсеров «Хелена» и «Бойс» и эсминцев «Фарнхолт», «Дункан», «Лэффи», «Бьюкэнен» и «Маккалла». Она патрулировала воды к югу от Гуадалканала в ожидании незваных гостей. Тем временем на Эспириту-Санто седьмой полк снова грузился на корабли. 21 сентября бомбардировщик В-17 заметил японский конвой подкрепления, направляющийся на юг. К сожалению, ни один из самолетов-разведчиков США не заметил японских крейсеров или линкоров, которые отстали от меньших по размеру кораблей из-за недостатков в инженерном устройстве судов.

Около полуночи Скотт подвел свои корабли к линии мыса Эсперанс. Эсминцы «Фаренхолт», «Лэффи» и «Дункан» вели крейсера, сопровождаемые двумя другими эсминцами. На «Хелене» была современнейшая, последней разработки радарная установка, однако большая часть данных терялась из-за несовершенной радиосвязи между кораблями. Потом уже стало ясно, что Скотту следовало бы поднять свой флаг на корабле, наиболее оснащенном средствами сбора информации, а не на «Сан-Франциско».

Около 23:30 радар «Хелены» зафиксировал приближение пяти кораблей. Это было артиллерийское соединение крейсеров под командованием контр-адмирала Аритомо Гото, состоящее из тяжелых крейсеров «Аоба», «Фуратака» и «Кинугаса»; по флангам шли эсминцы «Фубуки» и «Хацуюки». Был отдан приказ о развороте колонны на 180°; приказ был неверно исполнен 64-й оперативной группой, которая оставила ведущие эсминцы за пределами колонны. Пока корабли снова перестраивались, враг приблизился, по-видимому не подозревая, что корабли США находятся прямо перед ним. Наконец, в 23:46, встретившись с японской линией всеми кораблями, американцы открыли огонь.

Град 8- и 6-дюймовых снарядов поразил японцев — со времени победы Микавы[148] японский флот не встречал сопротивления со стороны американцев на море. Шквал неожиданного огня обрушился на флагманский корабль Гото «Аоба»; погиб сам адмирал. Японцы не отвечали несколько минут, что было бы фатальным для всего соединения; однако Скотт, не имеющий точного представления о ситуации, но знающий, что его эсминцы находятся на линии огня, приказал на короткое время прекратить огонь, чтобы убедиться, что цели перед ним — не американские. «Аоба», накренясь, полным ходом покидала линию огня; ни одна из ее орудийных башен не действовала, но ее хорошо прикрывали «Фуратака» и «Кинугаса», сосредоточившие свой огонь на «Сан-Франциско». Несколькими снарядами были убиты Скотт и большая часть команды; на флагманском корабле вспыхнул пожар. Японцы обменялись ударами с американцами и выпустили торпеды, чтобы прикрыть свой отход. Американские крейсера повернули назад, но две торпеды все же поразили легкий крейсер «Бойс», нанеся ему серьезные повреждения. В качестве ответного действия американские эсминцы забросали снарядами «Фубуки» и потопили его. Последние этапы сражения были безусловным успехом американцев — японцы были прогнаны, они понесли тяжелые потери, а Соединенные Штаты стали хозяевами ночных вод в районе Гуадалканала в первый раз после 9 августа.

Командование 64-й группой перешло к Эрнсту Смоллу, капитану «Солт-Лейк-Сити». Имея два крейсера поврежденными, он предпочел не преследовать японцев, а собрать свои корабли и заняться повреждениями. Команда «Сан-Франциско» делала все возможное, чтобы спасти свой корабль, и ее действия уже начинали давать результаты,

когда радары «Хелены» засекли новую группу кораблей, включая возглавляющие ее два «крупных» судна. Смолл двинулся наперерез; «Фарнхолт» и «Дункан» вели «Солт-Лейк-Сити» и «Хелену», замыкавшим был «Лэффи». Эсминец «Маккалла», легко поврежденный в перестрелке с «Фубуки», присоединился к «раненым» крейсерам, которые потихоньку шли назад, на стоянку в Лунга-Пойнт.

Второй японской группой оказалось артиллерийское соединение боевых кораблей под командованием вице-адмирала Такео Курита. Он шел в самом конце и не мог видеть того огня, который обрушился на Гото. Корабли Куриты шли тремя линиями: два линкора, «Конго» и «Харуна», окружали по три эсминца с каждой стороны. Первое представление об опасности Курита получил благодаря отступающей «Фурутаке», сообщившей, что в месте проведения операции находятся корабли США. Неожиданная новость поразила адмирала так же, как, должно быть, поразила Гото стрельба, и в течение нескольких минут соединение продолжало двигаться вперед. Когда Курита наконец принял решение об отступлении и пересмотре ситуации, его фланговые эсминцы заметили, что на их пути стоит американская колонна. Японцы повернули, чтобы уйти, но бой уже начался.

Силы Куриты были отмечены радаром «Хелены», и, будучи в 4000 ярдов от противника, Смолл решил взять инициативу в свои руки. «Лэффи» выпустил несколько осветительных снарядов; как раз в это время два линкора осветили прожекторами идущие впереди эсминцы. Потрясение при виде противостоящих кораблей усилилось, когда оба судна открыли огонь по «Фарнхолту» и «Дункану». Один из 14-дюймовых снарядов разорвался в переднем орудийном погребе «Дункана», и взрыв расколол эсминец надвое. «Фарнхолт» оказался удачливее, но ненамного: 1500-фунтовый снаряд ударил в маленький корабль и поджег его, после чего тот затонул. Принеся в жертву свои эсминцы, Смолл получил возможность быстро отступить. Обе крейсера открыли огонь по «Харуне», взорвав 5-дюймовую вспомогательную батарею, но крепкая броня корабля выдержала большую часть остальных ударов.

Ответный огонь оказался смертельным. Смолл был убит, когда снаряд попал в мостик «Солт-Лейк-Сити». Обе передние башни были разрушены, и только затопление переднего погреба спасло корабль от страшного взрыва. «Хелена» пострадала сильнее, потеряв всю свою мощь. Курита, однако, не стал развивать успех своего разрушительного огня и продолжал отступать. Его фланговые корабли дали торпедные залпы по американским судам, чтобы прикрыть отход; две торпеды выпотрошили дрейфующую «Хелену», и она быстро затонула.

На следующее утро самолеты с аэродрома Хендерсон обнаружили разбитую «Аобу» и эсминец эскорта и потопили оба корабля, поквитавшись за резню минувшей ночи. «Солт-Лейк-Сити» был в состоянии дотащить до стоянки — но не дальше, ибо повреждения, полученные кораблем в бою, превосходили способности команды удержать его на плаву. Битва при мысе Эсперанс началась с замечательной победы — в первый раз американский флот встретился с японским лицом к лицу и одержал верх. Но схватка с Куритой превратила победу в тяжелое поражение. Скотт вступил в сражение с девятью кораблями; теперь же лишь эсминец «Лэффи» был пригоден к бою. «Сан-Франциско» и «Бойс» следовало отправить в порт для капитального ремонта. Погибло более 700 американских моряков.

Последствия не заставили себя ждать. На Эспириту-Санто Гормли, уверенность которого снова была поколеблена — на этот раз гибелью Скотта и 64-й группы, — приказал Тернеру прервать подготовку к отправке подкрепления. Седьмой полк снова не смог присоединиться к своей дивизии. Хуже того: исход сражения снова поднял вопрос о

будущем Гуадалканала. Потеря восьми кораблей стала почти критической. Никто в южном районе Тихого океана и в Вашингтоне не сомневался в том, что скоро США превзойдут своих японских противников в материальном обеспечении; но будущее не могло кормить пехотинцев на Гуадалканале и снабжать их оружием в настоящий момент.

Пока американцы решали вопрос о своем присутствии на Гуадалканале, японцы также пересматривали свои позиции. Столкновение у мыса Эсперанс стоило им «Аобы» и двух ценных эсминцев, вместе с крейсером «Фуратака», который был поврежден так сильно, что его следовало отправить в порт для капитального ремонта. Повреждения на «Харуне» были минимальными, однако отзвуки удивления и опрометчивого отступления Куриты породили споры, парализовавшие дальнейшую работу на весь день. 10 000 солдат дивизии Сендаи были готовы к переброске на остров, что являлось теперь более сложной задачей из-за активного ночного вмешательства США. Дополнительные флотские соединения туда отправляли неохотно. Транспорты разрабатывали планы во время движения.

Очень важное для перевозки значение имел конвой из шести быстроходных транспортов, каждый со своими десантными судами и эффективной противовоздушной защитой. Суда могли перевезти более 4500 человек Сендаи, а также 100– и 150-миллиметровые орудия и боеприпасы, Первую танковую роту (десять легких танков «Тип-97») и провиант. Оставшиеся войска, техника и припасы должны были быть доставлены обычным эсминцем «токийского экспресса», который оборачивался за десятидневный срок. Для защиты конвоя и подавления активности авиации США было собрано артиллерийское соединение; на этот раз туда вошли линкоры «Хиэй» и «Киришима». При необходимости во время атаки могли быть посланы дополнительные артиллерийские силы.

На Гуадалканале Вандегрифт устраивал оборону, не дождавшись Седьмого полка. Он переправил на остров с Тулаги остатки Второго полка и отправил их на соединение с родственными батальонами, стоявшими на линии обороны Матаникей. Он повторно доложил вышестоящим о своем намерении удерживать остров так долго, пока у него будут пехотинцы, чтобы стрелять, и самолеты, чтобы летать.

Ночью 24 сентября японские линкоры — снова не замеченные американскими разведчиками — открыли огонь по аэродрому Хендерсон с расстояния в 29 000 ярдов. Следуя указаниям с самолетов-наблюдателей, которые были подняты в воздух специально для этого, корабли обрушили на цель почти тысячу тяжелых снарядов в течение следующих девяти минут. Результат был ужасающим. Аэродром был приведен в состояние полной непригодности; более 80 процентов SBD было повреждено или уничтожено; все авиационное топливо вытекло. Единственным светлым пятном было то, что уцелел Первый истребительный полк и более половины истребителей. Хотя они и были готовы подняться в воздух, чтобы противостоять обстрелу, первая группа транспортных эсминцев не встретила сопротивления. Их движение было замечено, но Соединенные Штаты ничего не могли сделать в этот день. Отсутствие сопротивления позволило японскому конвою, идущему к берегу, развить большую скорость.

Воздушная операция США началась на следующий день неожиданно, благодаря быстрой присылке боеприпасов и большого количества самолетов. Дозаправка машин все еще была сложным вопросом, который решился, когда были обнаружены тайники с «неприкосновенным запасом» горючего. Тем не менее сопротивление приближающемуся конвою было минимальным. 26 сентября в полночь шесть транспортов, в том числе и цепочка эсминцев «токийского экспресса», встали на якорь около Тассафаронги и начали высадку войск. Никакой реакции со стороны американцев не было до наступления светлого времени. Рано утром 27 числа японцы, уверенные в том, что аэродром Хендерсон

выведен из строя, обнаружили, что их атакуют. Во время сражения, длившегося весь день, три транспорта были уничтожены, однако почти все солдаты и большая часть припасов остались невредимыми. Японцы отплатили за налет еще одной бомбардировкой с крейсеров «Хокаи» и «Кинугаса». Еще более грозным для американцев стал первый артиллерийский обстрел из недавно привезенных 150-миллиметровых орудий. Они были расположены к западу от Матаникей, но снаряды долетали до аэродрома. К счастью, боеприпасов для них все еще не хватало.

Вандегрифт предупредил своих начальников, что на остров высадилось, по приблизительному подсчету, около 10 000 человек вражеского войска. Эта новость пришла в одно время с известием о том, что перевозивший топливо конвой из четырех судов был атакован самолетами с японского авианосца и остановлен, причем было потеряно судно «Меридит». Петля на горле пехоты, находившейся на острове, затягивалась.

В то время, как войска Вандегрифта окапывались в ожидании японской атаки (которая, он знал, должна была последовать), судьба острова обсуждалась в Вашингтоне на самом высоком уровне. Гормли считал, что не сможет обеспечить поставки пехотинцам; это мнение подпитывалось его природным пессимизмом. Оно оказалось сильнее утверждений Вандегрифта о том, что он может удержать остров. После гибели 64-й оперативной группы в южном районе Тихого океана остался один авианосец, два линкора, три тяжелых и четыре легких крейсера — против Объединенной флотилии под командованием Ямамото, состоящей из четырех тяжелых и двух легких авианосцев, четырех линкоров и восьми тяжелых крейсеров, находящихся в районе непосредственных действий. Если учесть необходимость эскорта для «Хорнета», баланс сил в районе склонялся явно не в пользу американцев. Дважды были предприняты попытки укрепить плацдарм высадки, и обе попытки оказались неудачными. Становилось все труднее подвозить провизию. В такой ситуации Гормли мало на что надеялся.

Мрачная оценка ситуации, данная Гормли, стала причиной возобновления споров в Вашингтоне между начальниками Генерального штаба армии Маршаллом и его военно-морским оппонентом, адмиралом Кингом. Макартур в Австралии продвигал свои планы действий в юго-западном районе Тихого океана; шум споров между Маршаллом и Кингом достиг, наконец, Белого дома. 3 октября президент Рузвельт дал понять, что большая часть усилий должна быть сосредоточена на Европе, а затем придет время и для Тихого океана. Еще важнее было то, что он категорически заявил Кингу: тот должен снабжать пехотинцев так хорошо, как только сможет, — но если не сможет, то войска должны быть выведены. Общественное мнение Америки, сказал президент командующим, не примет потери Первой дивизии морской пехоты. Выйдя от Рузвельта, Кинг передал приказы президента Гормли.

На Гуадалканале японцы были готовы к дальнейшим передвижениям. Командир дивизии Сендаи, генерал-лейтенант Масао Маруяма, чьи войска находились на острове, готовил подробный план атаки. Он собирался повести большую часть солдат на юг и атаковать передний край американцев с позиций, расположенных в глубине острова. Маруяма разделил свои войска на три колонны. Левая колонна, которой командовал генерал-майор Насу, состояла из трех батальонов 29-го пехотного полка. В состав правой колонны, во главе которой стоял генерал-майор Кавагуши, входили два батальона 230-го пехотного полка плюс 3-й батальон 124-го полка. Центральная колонна являлась дивизионным резервом и находилась под контролем самого Маруямы; она состояла из трех батальонов 16-го пехотного полка. Артиллерийские и минометные соединения лишились своих орудий и должны были присоединиться к маршу. Соотнеся свои силы с наступлением на

берег, Маруяма отдал приказ об организации дополнительной атаки на Матаникей. Командующий артиллерией Сендаи, генерал-майор Тадаши Сумиёши, должен был руководить этим фронтом с двумя группами. Первая, под командованием полковника Оки, должна была включить в себя два батальона 124-го пехотного полка плюс один батальон 4-го полка. Это соединение должно было пройти в глубь острова и атаковать американцев с юга на восточном берегу реки. Вторая группа состояла из Первой отдельной танковой роты и оставшихся двух батальонов 4-го пехотного полка, которые должны были нападать прямо через реку. Таким образом, план Маруямы предполагал участие более 15 000 солдат в нападении на американских пехотинцев.

1 октября колонна Насу вошла в джунгли. Маруяма планировал произвести атаку через пять дней после начала марша и назначил ее на 6 октября. Рейды тяжелой авиации для подготовки пути должны были проводиться 5 октября; той же ночью флот должен был оказать оружейную поддержку со стороны моря. Однако то, что казалось простым переходом, на деле оказалось всем чем угодно, только не легкой прогулкой. Гористая местность, глубокие ущелья, труднопроходимые джунгли были невероятно тяжелы для солдат. Двигаясь исключительно по компасу, они были вынуждены не обходить препятствия, а преодолевать их; переход был медленным и выматывал людей, особенно артиллеристов, которым приходилось тащить орудия. Через четыре дня после начала похода штаб Маруямы достиг небольшой долины, которая, по его расчетам, находилась всего в четырех милях от укреплений американцев. Однако разведчики, которых он посылал, или бесследно исчезали, или, возвращаясь, доносили, что кругом только джунгли. Маруяма передал по радио Сумиёши, что атака переносится на 7 октября.

Его командир диверсионной группы на Матанико получил приказ, но не успел передать его, чтобы остановить воздушный рейд, который должен был предшествовать атаке. «Зеро» и «Бетти», как всегда, появились над аэродромом Хендерсон, но на этот раз большая часть бомб упала на западный берег Матаникей и на горы к югу от аэродрома. Вандегрифт верно предположил, что японцы будут бомбить эти позиции. Горный хребет был длиной примерно в 1000 ярдов, с двумя возвышениями в 80 и 120 футов над уровнем моря. Он высился к югу от аэродрома Хендерсон, находясь менее чем в миле позади него. Пехотинцы начали укреплять оборону в этих местах. Особая ответственность за нее была возложена на десантников Эдсона, которых прикрывали с флангов Первый и Пятый полки. Солдаты начали окапываться и окружать позиции колючей проволокой. Батареи Одиннадцатого полка расположились вокруг хребта. Девственные джунгли скрывали линию от посторонних глаз: люди Эдсона установили взаимоподдерживающие опорные пункты — до роты солдат на каждом — на расстоянии 100 ярдов друг о друга.

План Маруямы между тем срывался. После рывка, сделанного днем 7 октября, он рассчитывал прибыть на место атаки вскоре после наступления сумерек. Однако к этому времени он едва добрался до края линии пехотинцев. Японским разведчикам пришлось вступить в короткую перестрелку. Но левая и центральная колонны имели меньше батальона близкого контакта; остаток колонны растянулся далеко позади, в джунглях. Кроме того, правая колонна Кавагуши, заблудившись на направлении, параллельном линиям американских пехотинцев, доносила о джунглях по всем направлениям. Маруяма снова послал известие о том, что откладывает наступление еще на день.

Если руководители 17-й армии в Рабауле получили известие о задержке, то диверсионное соединение Сумиёши — нет. Точно следуя приказу, он повел людей в атаку 7 октября в 23:30. Но даже его собственное наступление было скоординировано плохо. Полковник Ока, приближающийся с юга с главными силами, задержался в джунглях по тем же причинам, которые помешали Маруяме, и не прибыл на место атаки к назначенному часу.

В результате в атаку пошла одна только Первая независимая танковая рота при поддержке 4-го полка морской пехоты. Японская артиллерия, семнадцать 75– и 100-миллиметровых орудий, обстреляла позиции 3-го батальона Второго пехотного полка, около устья реки. Первая волна из пяти танков прорвалась через колючую проволоку и первые пулеметные позиции перед тем, как была уничтожена массированным огнем противотанковых орудий и героическими действиями отдельных пехотинцев[149]. Вторая волна была уничтожена быстрее. Массированный артиллерийский огонь орудий Одиннадцатого пехотного полка обездвигил нападавших. Наступление Сумиёши с одной стороны было загнано в тупик.

Спустя три часа 3-й батальон Оки вырвался из джунглей, угодив, по счастью, в брешь между двух батальонов Второго полка. Солдаты Оки прорывались к горному хребту, однако из-за массированного огня пехотинцев измученные атакующие начали нести потери. Контратака зажала японцев в тиски и вытеснила их с холма. Сумиёши снова послал два оставшихся батальона против приречных линий, пытаясь поддержать наступление Оки, но они мало чего добились. К утру японцы отступили, оставив на поле боя почти 700 убитых, в том числе более половины танкистов.

В течение дневного времени американцы укрепляли линии обороны на позициях, которые теперь назывались «хребет Эдсона». Командир десантников отвел свои войска почти на 200 ярдов с позиций, которые они занимали ранее. Одиннадцатый полк тщательно выстраивал орудия перед новыми линиями. На линии фронта Матанико Второй полк выслеживал маленькие японские отряды, проникшие к ним в тыл после атаки Оки.

8 октября вскоре после наступления темноты Маруяма, используя свою весьма ограниченную артиллерию и минометную поддержку, пошел в атаку. Один батальон слева и центральные колонны напали на линии, но были отброшены точным массированным огнем артиллерийских орудий. Через час Маруяма усилил атакующие соединения еще двумя батальонами и оказал серьезное давление на десантников. Японские солдаты начали прорываться через бреши между опорными пунктами, угрожая атаковать с флангов и прорвать ненадежную линию. Эдсон приказал своим войскам отойти к последней линии, построенной около высокого пика хребта. При помощи 37-миллиметровых пушек десантники отбили еще две атаки. Вандегрифт перевел еще несколько рот из Первого и Пятого полков, чтобы укрепить тонкую линию, но Пятый полк наткнулся на японцев из батальона 16-го полка, прорвавших оборону и рвущихся к аэродрому. Вспыхнул яростный бой, который кончился с приходом американских танков. Остатки японцев отступили на позиции около Первой истребительной полосы, где их уничтожили солдаты инженерных и других тыловых войск.

Крайняя усталость людей и артиллерийский огонь наконец остановили атаку Маруямы, и он отступил в джунгли, оставив на поле боя убитыми более 2000 своих солдат. Он не знал о прорыве 16-го полка и о его положении внутри границы укреплений. Это было очень тяжелое сражение — тот факт, что три батальона колонны Кавагуши не приняли в нем участия, оказался решающим[150]. Лишенная поддержки, дивизия Сендаи начала извилистое отступление на линии Матанико.

Завершающая фаза

Пехотинцы Вандегрифта сражались умело и результативно, но он-то знал, насколько тяжело им было. Помимо того что солдаты занимались погибшими и ухаживали за ранеными, они еще и окапывались глубже, и охотились на оставшиеся у них в тылу японские отряды. Он отправил Гормли рапорт: мы удержали и продолжаем удерживать, но нуждаемся в подкреплении.

При известии о крупной атаке японцев у Гормли сдали нервы. Опасаясь, что вторая такая атака выбьет пехотинцев с острова, он ответил Вандегрифту, что подкрепление выделить можно, но он не сможет доставить людей на остров, не подвергая их опасности, и приказал готовиться к выводу войск. Десять транспортов должны были вывезти солдат, а технику еще до того надлежало уничтожить. Вандегрифт пришел в ярость; он возражал, что если пустые корабли могут подойти к острову, то смогут и полные. Однако Гормли не колебался в своем решении.

Эвакуационный конвой отправился в путь в тот же день. Транспорты сопровождали крейсера «Портленд», «Атланта» и «Сан-Хуан» вместе с пятнадцатью эсминцами под командованием вице-адмирала Маалона Тиздейла. Прикрытие также обеспечивала вновь созданная 64-я оперативная группа, состоящая теперь из линкоров «Вашингтон» и «Саут Дакота», а также эсминцев «Уолкер», «Гвин», «Престон» и «Бенхэм» под командованием вице-адмирала Уиллиса Ли. Авианосец «Хорнет» с эскортом из четырех крейсеров и шести эсминцев обеспечивал надежное воздушное прикрытие, а также мог предоставить самолетам с Гуадалканала свою полетную палубу.

Американский конвой был замечен вскоре после отплытия с Эспириту-Санто, но японцы неверно поняли его назначение. Они предположили, что конвой означает существенное подкрепление. В Рабауле было много споров после поражения Маруямы. Его рапорт о больших потерях и продолжающихся налетах самолетов пехотинцев снова указал на важность проблемы аэродрома Хендерсон. Из-за несогласованности действий операция зашла в тупик. ВМФ Японии собирался снова выставить тяжелые орудия, в то время как армейское руководство отдавало приказы 38-й дивизии о транспортировке на остров. Известие о большом американском конвое заставило японцев удвоить усилия.

12 октября Ли и его корабли прибыли в Лунга-Пойнт. Пока они ждали, эсминцы 64-й группы начали эвакуацию солдат с острова Тулаги. В это же время линкоры, ведомые самолетами, обстреливали японские позиции на западе от Матаникей. Град 16-дюймовых снарядов деморализовал японцев, хотя Ли намеревался только предотвратить их дальнейшее передвижение. Тем не менее экипаж бомбардировщика В-17 доложил, что большая группа кораблей направляется на юг — включая то, что выглядело как линкоры.

Тернер и его транспорты прибыли на следующий день; начался тяжелый процесс погрузки. Штаб Вандегрифта разрабатывая план отступления, при котором передние линии были бы максимально прикрыты. Инженеры готовили технику к уничтожению. Работы продолжались, когда воздушные разведчики доложили о приближении японских кораблей. Тернер понял, что японцы подойдут этой ночью — прежде, чем эвакуация будет завершена. Их следовало остановить.

Тернер отдал Тиздейлу и его соединению крейсеров и эсминцев приказ о немедленном перехвате, оставив линкоры на последней линии обороны. Тиздейл выстроил свою линию к западу от Лунга-Пойнт; она состояла из эсминцев «Кушинг», «Лэффи», «Стеррит» и «О'Бэннон», за которыми шел флагманский корабль Тиздейла, тяжелый крейсер «Портленд». За легкими крейсерами «Атланта» и «Сан-Хуан» следовали эсминцы «Аарон Уорд», «Бартон», «Монссен» и «Флетчер». За ними — на случай необходимого вмешательства — шла 64-я оперативная группа с ее четырьмя эсминцами и линкорами.

Японцы, под командованием вице-адмирала Нобутаке Кондо, чей флаг был поднят на тяжелом крейсере «Атаго», наступали двумя дивизиями. Легкий крейсер «Сендаи» и три эсминца («Аянами», «Шикинами» и «Уринами») должны были пройти через место проведения операции, проверяя безопасность пути для более крупных кораблей. Легкий

крейсер «Нагата» и четыре эсминца должны были сопровождать главную колонну, состоящую из тяжелых крейсеров «Атаго» и «Такао», линкоров «Хизэй» и «Киришима» с еще двумя эсминцами. План Кондо состоял в том, чтобы просто уничтожить любой обнаруженный американский корабль, а потом обстрелять аэродром Хендерсон, чтобы повторить успех 24 сентября.

13 октября в 23:05 радар «Портленда» засек три корабля к востоку от Саво, и Тиздейл двинулся наперехват. Зоркие наблюдатели на «Сендаи» заметили американскую колонну и доложили об обнаружении Кондо. «Сендаи», «Шиканами» и «Уранами» открыли огонь по приближающимся кораблям и произвели маневр для торпедной атаки. Американцы открыли ответный огонь, но их выстрелы были менее удачными. Японский снаряд попал в передний погребок боеприпасов эсминца «Стеррит»; после мощного взрыва корабль затонул. «Кушинг» повел остальные американские эсминцы против одного японского, который оказался перед ними.

«Портленд» открыл огонь из своих контролируемых радаром 8-дюймовых орудий и причинил повреждения легкому крейсеру японцев. Однако было уже поздно: торпедную атаку остановить не удалось. Американские корабли попали под град торпед; был подбит крейсер «Сан-Хуан». Кренясь набок, легкий крейсер ушел с линии; следующая торпеда расколола надвое эсминец «Аарон Уорд». «Кушинг» и два сопровождающих его корабля обстреляли «Аянами», намеревавшийся произвести маневр для торпедной атаки, и потопили его, в то время как «Атланта» и «Портленд» массированным огнем покончили с «Сендаи».

Пока американцы расправлялись с «Сендаи», с западной стороны острова Саво подошли еще две японские колонны. «Нагара» и ее четыре эсминца выпустили торпеды по линии американцев, потопив «Флетчер»; но внимание Тиздейла привлекли главные корабли, появившиеся в 8000 ярдов от колонны. «Портленд» и «Атланта» открыли огонь по линкорам, в то время как эсминцы взяли на себя «Нагару» и ее эскорт. Снаряды, пущенные с «Хизэй» и «Киришимы», попали в крейсера, а ответный огонь американцев оказался малоэффективным.

Здесь Фортуна перешла на другую сторону. Вплоть до этого момента удача была на стороне японцев. Три американских эсминца было потоплено, а крейсеру нанесены повреждения; еще два крейсера были под обстрелом. Каждое из 14-дюймовых орудий линкора могло выпустить почти 12 000 фунтов разрушения и смерти, тогда как «Портленд» мог ответить только 2400 фунтами с каждого борта. Но один из его 8-дюймовых снарядов попал в мостик «Хизэй», разрушив главный пункт управления огнем и убив всех, кто там находился. Крен линкора вышел из-под контроля, что нарушило внешнюю линию японцев. Кроме того, сосредоточившие огонь на американских кораблях японцы не заметили, как эсминцы «Кушинг», «Лэффи» и «О'Бэннон» подошли близко и открыли орудийную и торпедную стрельбу по флагманскому кораблю японцев. Когда торпеда попала в паровое отделение, пожар вспыхнул по всей длине крейсера. Случайным снарядом был убит Кондо, стоявший на мостике «Атаго».

Гибель командира вкупе с потерей управления «Хизэй» породила хаос в рядах японцев. «Такао» и «Атаго» обрушили всю свою ярость на американские эсминцы, потопив «Лэффи» и «О'Бэннон» и оставив на месте «Кушинга» крутящиеся на воде обломки. «Киришима» сделала круг и продолжила бой, пытаясь защитить свое раненое окружение. Ее точный огонь превратил «Атланту» в тонущую баржу.

Дальше к востоку «Нагара» и четыре ее эсминца схватились с приближающейся колонной Ли, но 16-дюймовые снаряды с «Вашингтона» заставили японцев повернуть. Проходя к югу от Саво, японцы дали второй торпедный залп. Они не попали в намеченные цели — «Портленд» и два оставшихся эсминца, зато дальнобойные снаряды продолжили свое движение и один из них подбил «Такао», едва не полностью выпотрошив тяжелый крейсер[151].

Корабли Ли вошли в зону боя, и, пока американские эсминцы продолжали дальнобойную дуэль с группой «Нагары», два линкора открыли огонь по более крупным мишеням. К прискорбию, первый залп с борта «Саут Дакоты» был неверно направлен и нанес разрушительный удар по американскому «Бартону», однако вскоре огонь был скорректирован и направлен против японцев, серьезно повредив уже подбитый «Такао». «Вашингтон» и «Киришима» обменялись ударами на расстоянии в 7000 ярдов. Броня американского корабля выдержала 14-дюймовые снаряды, но один снаряд упал на одну из его передних башен. В ответ «Вашингтон» обрушил на «Киришиму» множество 5- и 16-дюймовых снарядов, серьезно повредив орудия и двигатели вражеского судна.

Через десять минут «Хиэй» овладел ситуацией и возглавил отход. Ли, заметив, что враг отступает, хотел преследовать его, но Тернер приказал вернуться на стоянку. Эсминцы Ли были рассеяны, на «Вашингтоне» повреждены орудия; Тернер чувствовал, что дальнейшее преследование опасно. Миссия Ли была выполнена, место стоянки эвакуационных кораблей защищено. На следующий день, когда американцы продолжали погрузку, самолеты с «Хорнета» и аэродрома Хендерсон обнаружили подбитые японские корабли, искавшие укрытия, и утопили их: «Киришима», «Атаго», «Такао» и два эсминца — все они пошли ко дну.

Морское сражение при Гуадалканале дорого стоило Соединенным Штатам. «Атланта» с пятью эсминцами была потоплена, «Портленд» и «Сан-Хуан» — повреждены; погибло более 800 матросов. Эти потери убедили Гормли в том, что его решение об эвакуации было верным. Для японцев невосполнимая потеря «Хиэй», двух тяжелых и одного легкого крейсеров и 1100 матросов стала опустошительной. Но Америке эта победа ничего не дала. Этот оборонительный бой никак не повлиял на стратегию; вывод войск с острова продолжался.

На следующий день японцы послали отряд бомбардировщиков и «Зеро», но не смогли серьезно помешать операции США. Японские наблюдатели в горах, следящие за укреплениями американских пехотинцев, начали понимать, что происходит, и послали донесения в штаб-квартиру дивизии Сендаи, однако люди Маруямы были не в состоянии что-либо предпринять. Они были в середине своего отступления на японские позиции, без пищи и техники. Единственная разведка через Матанико имела результатом энергичный артиллерийский ответ со стороны американских пехотинцев.

К вечеру 13 октября погрузка была завершена и инженеры приступили к уничтожению техники. Взрыв и пожар, уничтожившие строительное оборудование, полевые склады, артиллерию и танки — этот фейерверк с грустью вспоминали почти все пехотинцы, уплывая со своего острова. На следующий день полосы аэродрома — Хендерсон и Первая истребительная — были разрушены тяжелыми бомбардировщиками В-17.

Три дня спустя японцы высадились на оставленном плацдарме и доложили о своей «победе» начальникам в Токио. Всему миру снова были продемонстрированы изображения японских солдат, стоящих с победно воздетыми руками на завоеванной земле.

Итоги

Операция «Шнурок» была начата, когда США еще не имели достаточной материальной базы для широкой наступательной кампании на земле, море и в воздухе. Невзирая на плохое снабжение, американцы победили практически везде. Но, несмотря на эти достижения, кампания была проиграна в самом важном пункте — в голове ее руководителя. Гормли пошел на поводу у своих страхов и потерял способность видеть сражение целиком. Более дерзкий и агрессивный командир не обращал бы внимания на сложности и оставил пехотинцев на острове, заставив японцев отступить .

Японцы проявили большую смелость в присылке на остров необходимых войск и материального обеспечения, несмотря на налеты с аэродрома Хендерсон. Их дерзость имела и обратную сторону: они пытались атаковать сильные оборонные укрепления, не имея иной поддержки, кроме человеческой силы. Сражение стоило им солдат, моряков и летчиков, вернуть которых невозможно; материальные потери — особенно в воздухе и на море — были невозможны. Но японцы не колебались в принятии решений, и это превратило поражение в победу.

Реальность

Сражение, происходившее в реальности, имеет два ключевых отличия от изложенного. Во-первых, американцы не пошли на поводу у своих страхов. Тернер, например, перебросил Седьмой полк на остров, а не потерял «Уосп». Когда в начале октября Гормли стал терять уверенность в успехе, его сменил адмирал «Бык» Хэлси, агрессивный и уверенный в себе солдат. Американцы закрепились и выбили японцев.

Второе отличие заключается в том, что японцы постоянно недооценивали американцев. Когда атака Ишики провалилась, на остров была отправлена бригада генерала Кавагуши, чтобы предпринять попытку еще одной атаки. Когда, в сентябре, и она не удалась, японцы отправили на Гуадалканал дивизию Сендаи. Японское высшее командование не сумело серьезно оценить угрозу и приложить усилия целенаправленно. Эта ошибка позволила американским пехотинцам удержаться на острове, не порвав тонкую, как шнурок, суть операции .

Кристофер Г. Андерсон. И ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ

(Хэлси и Курита в заливе Лейте)

К осени 1944 года даже самый преданный японскому императору военно-морской офицер мог понять, что дела его страны в войне с США и их союзниками плохи. Начавшийся с захвата США в феврале Маршалловых островов, третий год войны был отмечен рядом побед союзников. Казалось, везде американцы неумолимо продвигаются вперед, ошеломительно широкими накатами, которые покрывали всю территорию, приобретенную в горячие дни 1941 и 1942 годов.

Летом 1944 года ситуация еще более ухудшилась, когда, в ответ на попытки нанести поражение американским силам, оборонявшим Марианские острова (в том числе и важный остров Сайпан), Первый мобильный флот адмирала Одзава был решительно разбит в сражении в Филиппинском море 19–20 июня 1944 года. Известное под данным американцами ироническим названием «охота на фазанов при Марианах», поражение стоило Одзава большей части его 473 боевых самолетов, а также двух драгоценных авианосцев. Оставляя Марианские острова в руках американцев, японцы понимали, что

враг теперь находится не так далеко от главных островов. Вскоре американские бомбардировщики В-29 начнут мстить за нападение на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года, подвергая японские города безжалостным бомбардировкам. Сразу после поражения Одзавы был вынужден уйти в отставку премьер-министр Хидеки Тодзио, так много сделавший для того, чтобы втянуть свой народ в войну с Соединенными Штатами. После падения Сайпана один наделенный даром предвидения японский наблюдатель заметил: «Это наш конец».

«Сражайтесь честно и достойно»

Чтобы предотвратить такое развитие событий, японские специалисты по планированию встретились в июле 1944 года, чтобы попытаться определить, чего можно ожидать от врагов дальше, а также разработать курс действий, которые могли бы стать ответом на удары американцев в любом направлении. В результате был разработан план «Сё» («Победа»), который требовал экономичного расходования всех ресурсов, пока они не понадобятся для обеспечения четырех альтернативных операций по обороне, которые начнутся, как только американцы сделают следующий шаг. «Сё-1» должна была начаться в ответ на атаку на Филиппины, «Сё-2» — на Курилы и Рюкю, «Сё-3» — на южную Японию и «Сё-4» — на северную Японию. Предполагалось, что каждый из этих планов станет операцией, проводимой по принципу «все или ничего», обеспечит последнюю возможность одержать решающую победу над союзниками и спасет Японию от окончательного поражения. Однако для того, чтобы каждый из этих планов стал успешным, японцам нужно было достичь взаимного сотрудничества, которого им не хватало. Им также требовалось время, чтобы обучить пилотов взамен тех, что погибли на Марианских островах.

Время истекло в октябре 1944 года. Готовясь к предстоящему броску американского флота, контр-адмирал Уильям Хэлси начал серию воздушных атак — начиная с Окинавы на севере и далее на юг, до Филиппин. Желая запутать врага относительно времени и места следующей атаки и ослабить его дальнейшую оборону, японцы в ответ выслали все имеющиеся в наличии самолеты, чтобы заставить американцев отступить.

Адмирал Соеми Тойода, главнокомандующий объединенным флотом, был на Формозе^[42], когда 12 октября воздушные силы Хэлси атаковали остров. Уверенный в том, что нападение знаменует начало вторжения на Формозу, Тойода отдал приказ о частичном начале «Сё-2» и отправил все наличные самолеты атаковать американцев. К сожалению, воздушные сражения первых недель октября были всего лишь повторением тех, что происходили за четыре месяца до этого. Вице-адмирал Шигеру Фукудоме говорил по поводу американских рейдов, что «наши истребители были не более чем множеством яиц, брошенных в каменную стену безупречного боевого порядка врага»[152].

Хотя японцы и достигли ограниченного успеха, потопив два союзнических крейсера, воздушные сражения сентября и октября были серьезным препятствием возможному успеху плана «Сё». Недостаточно обученные японские летчики просто не могли соперничать с американскими: чуть более полутысячи самолетов, собранных японцами с июня, потерпели поражение от самолетов Хэлси. Сражение над Формозой значительно сократило те небольшие воздушные силы, которые были теперь у японцев в наличии для проведения любого из планов «Сё» и были особенно необходимыми.

В то время как воздушные силы Хэлси очищали небо от японских самолетов, мощный американский флот начал собираться в Холландия и других местах вдоль побережья Новой Гвинеи, чтобы двинуться на север. Хотя между генералом Дугласом Макартомуром,

лелеявшим мысль об американской высадке на Филиппинах для их освобождения, и адмиралом Честером Нимицем, считавшим, что Филиппины следует оставить в стороне ради атаки на Формозу, долго шли ожесточенные споры, к сентябрю призывы и обращения Макартура возымели желаемый эффект, и президент Франклин Рузвельт решил, что следующая атака союзников начнется на Филиппинах. Начало, запланированное как высадка на острове Лейте 20 декабря 1944 года, было перенесено на октябрь, после того как Хэлси взволнованно доложил, что остров укреплен слабо и его можно взять без больших усилий.

Американцы уверены, что пришло время вернуться на Филиппины. Приготовились начать мощную комбинированную операцию на острове Лейте. Как и следовало ожидать, Макатур должен был командовать всей операцией. 6-я армия генерал-лейтенанта Уолтера Крюгера должна была высадиться на острове, в то время как мощный Седьмой флот вице-адмирала Томаса Кинкейда (700 кораблей) поддержит операцию, расположившись в заливе Лейте. Между тем случилось невероятное: японский флот оказался способным поплыть на юг, навстречу шедшим на захват кораблям. Хэлси, действовавшему под командованием не Макатура, а Нимица, было приказано использовать его Третий флот «для прикрытия и поддержки сил юго-западной части Тихого океана с тем, чтобы оказать поддержку при захвате и оккупации... и уничтожить морские и воздушные силы противника в районе Филиппин или около него... В случае, если возможность уничтожения подавляющей части флота противника представится или будет создана, такое уничтожение должно стать главной задачей»[153].

Хотя два главных американских флота подчинялись разным командующим — флот Кинкейда действовал под руководством Макатура, а Хэлси — Нимица — считалось, что вплоть до этого момента операции проходили так гладко, что раздельное командование и впредь не столкнется ни с какими крупными затруднениями для достижения успеха.

Японцы, несмотря на то, что против них было собрано самое мощное военно-морское соединение, все еще не знали точно, куда американцы нанесут следующий удар, и поэтому не могли начать исполнение подходящего плана «Сё», вплоть до утра 17 октября, когда японские наблюдатели на крошечном острове филиппинского архипелага, Сулуане, не доложили, что заметили американские корабли. Люди из 6-го десантного батальона высадились на Сулуане, Динагате и Омофоне, чтобы обезопасить острова и подготовить их к прибытию Седьмого флота Кинкейда. О продвижении американцев было доложено адмиралу Тойоде, который понял, что пришло время плана «Сё-1» и остановить американское наступление[154]. После последующего обсуждения с высшими флотскими офицерами Японии, в 11:10 утра 18 октября 1944 года адмирал Тойода отдал приказ об исполнении плана «Сё-1».

Хотя Тойода и не имел возможности двинуть свой флот из-за подавляющего превосходства врага на море и в воздухе (о чем позже было сказано, что принять решение об исполнении «Сё-1» было «так же трудно, как выпить расплавленного железа»[155]), он знал, что потеря Филиппин лишит главные острова необходимых поставок нефти из Ост-Индии, а это будет иметь катастрофические последствия для японских войск. Следовательно, если Япония надеялась устоять, то Филиппины надо было удерживать.

План «Сё-1» требовал сосредоточить широко разбросанные силы японцев в Брунее, откуда адмирал Такео Курита поведет их атаковать американский флот, стоящий в заливе Лейте. Если Курита прибудет достаточно быстро, можно было надеяться, что он сможет уничтожить Седьмой флот Кинкейда до того, как американцы соберут достаточно сил, чтобы установить полный контроль над архипелагом. Чтобы не дать Третьему флоту

Хэлси прийти на помощь Кинкейду, японцы намеревались использовать дополнительное соединение, чтобы заманить американцев на север.

Тойода знал: чтобы увлечь Хэлси и увести его из района высадки, он должен обеспечить такую мишень, чтобы американцы не смогли противиться искушению. Поскольку в воздушных боях над Филиппинским морем и Формозой было уничтожено то немногое, что оставалось от японских морских ВВС, в качестве наживки решено было предложить оставшиеся императорские авианосцы. Приносимым в жертву соединением командовал Одзава; оно состояло из четырех авианосцев, двух линкоров, превращенных в авианосцы добавлением импровизированной полетной палубы, и одиннадцати крейсеров [156]. Поскольку авианосцы к этому периоду войны стали главной силой военно-морских операций, было решено, что местоположение того, что осталось от японских авианосцев, должно быть слишком хорошей мишенью, чтобы агрессивный адмирал Хэлси прошел мимо нее.

По прибытии на Бруней, 20-го числа, Курита и его штаб проинструктировали собравшихся офицеров на борту флагманского корабля, крейсера «Атаго». План требовал от Куриты, чтобы тот разделил свои соединения на два крыла, которые будут двигаться на Лейте двумя разными путями. На север должно было пойти Первое ударное соединение под командованием Куриты, состоявшее из пяти линкоров, в том числе «Ямато» и «Мусаси» — самых крупных и мощных кораблей, которые когда-либо были построены — семи крейсеров и пятнадцати эсминцев. Это соединение должно было «пересечь» Филиппинский архипелаг, идя морем Сибуян. Пройдя пролив Сен-Бернадино, Курита должен был обойти Самар и обрушиться на Кинкейда с севера. Тем временем меньшее, но тоже сильное соединение из двух линкоров, одного крейсера и четырех эсминцев, должно было ударить по Лейте с юга, после пересечения моря Сулу, пройдя мимо Минданао через пролив Суригао. Пока два соединения будут проходить узкими проливами к острову Лейте, немногие базирующиеся на земле самолеты, оставшиеся у японцев, поднимутся в небо и будут обеспечивать воздушное прикрытие. Если все пойдет хорошо, клещи сожмутся в районе острова Лейте практически одновременно — 25 числа.

Каждый из офицеров, присутствовавших на выступлении Куриты, знал, что это был отчаянный шаг, который, вероятнее всего, будет иметь результатом гибель многих из лучших императорских кораблей. Они знали и то, что у них нет другого выбора. Если они выиграют, то спасут свою воюющую страну. Если проиграют, то по крайней мере будут уверены в том, что императорский флот встретил свой конец достойно. Перед тем, как закончить собрание, Курита обратился к своим офицерам:

«Я знаю, что многие из вас против этого сражения. Однако военная ситуация гораздо более тяжела, чем любому из вас, возможно, известно. Не позор ли это — беречь флот, когда страна в опасности? Я верю, что Императорский Генеральный штаб дает нам величественную возможность. Я понимаю, насколько серьезно сейчас положение, и с радостью принимаю это последнее задание — ворваться в залив Лейте.

Все вы должны помнить, что на свете бывают чудеса. Кто скажет, что у нашего флота нет шансов повернуть в решающей битве течение войны? У нас будет возможность встретить врага. Мы вступим в сражение с его боевыми группами. Надеюсь, вы не отнесетесь к своему долгу с небрежением. Я знаю — вы будете сражаться честно и достойно».

В тот самый день, когда Курита инструктировал своих офицеров, генерал-лейтенант Макартур вернулся на Филиппины во главе самой мощной армады, которую когда-либо видел мир. Американские соединения были готовы воспользоваться замешательством,

царившим среди японских защитников, и организовать плацдарм высадки на Лейте. Пока войска и подкрепления 6-й армии штурмовали берег, Седьмой флот Кинкейда поливал вражеские позиции огнем из орудий своих линкоров и крейсеров.

Когда собрание на борту «Атаго» закончилось, японские офицеры вернулись на свои корабли и начали приготовления, необходимые для похода соединений Куриты. Матросы, воодушевленные зрелищем стоявшего у берегов Брунея Объединенного флота и верящие, что им предоставляется возможность изменить ход войны, усердно работали все 21-е число, готовя свои корабли. Утром 22-го Первое ударное соединение Куриты вышло из Брунея по направлению к Палавану с флагманским кораблем Куриты в авангарде, сразу за щитом из эсминцев. Пока они шли к пункту назначения, Курита получил радостное известие о том, что три крейсера и четыре эсминца под командованием вице-адмирала Кинохиде Сима идут с Формозы и укрепят его южное крыло. Присоединившиеся к ударному соединению Куриты позже получили указание следовать на юг и соединиться с Нисимурой, который двинулся из Брунея 23-го, перед тем, как войти в залив Суригао. До этого времени все шло так, как ожидалось; силы объединились и теперь быстро направлялись к Филиппинам[157].

Битва за Лейте

На пути следования кораблей Куриты действовали две субмарины, несшие патрульную службу около Палаванского пролива — американские «Дартер», которой командовал командер Дэвид Макклинток, и «Дейс», под командованием командера Блейдена Клаггетта. Вскоре после полуночи 23-го числа радары «Дартера» засекли сигналы, означавшие, что приближается вражеский конвой. Обе лодки сразу ушли под воду и изготовились произвести атаку по тому, что, как предположили командиры, было быстроходным конвоем, идущим на Филиппины, к оборонявшимся японцам. По тому, как на экранах увеличивалось число сигналов, операторы радаров поняли, что это был не конвой.

Обученные нападать невзирая на превосходство противника, оба американских командира-подводника немедленно встали перед японским соединением и приготовились выпустить все свои торпеды по приближающимся японским кораблям. Оба командира поспешно определили цели по нескольким крупным сигналам на экранах радаров. Вскоре обе подлодки выпустили торпеды, залпы последовали один за другим. После того, как второй залп вышел из аппаратов, командиры двух субмарин слышали несколько взрывов. Быстро подняв перископы, командиры увидели, как два эсминца и крейсер разваливаются от разрушений, причиненных множественными торпедными ударами. Макклинток позднее вспоминал, что крейсер был «массой поднимающегося дыма от первой башни до кормы. Никаких надстроек не было видно. Ярко-оранжевый огонь вырывался со стороны главной палубы, с носа до пространства за башней. Крейсер уже тонул, начиная с носа, который уже ушел глубоко под воду. Первая башня была на уровне воды; корабль был полностью разбит. Пять попаданий подожгли и потопили его. Было решено, что если кто и остался в живых, то очень немногие[158]».

Сосредоточенный на мысли о том, как сложно провести свои силы через море Сибуян без прикрытия истребителей, Курита был поражен взрывами, прогремевшими впереди, и тем, как два его эсминца горят и сотрясаются под ударами вражеских торпед. Ошеломленный адмирал, однако, быстро пришел в себя и, невзирая на возражения своих офицеров, хотевших разыскивать тех, кто остался в живых, приказал флоту без промедления следовать к Филиппинам. Зная о том, что шансы неравны, Курита смирился с тем, что его

соединения могут пострадать от непредвиденных обстоятельств. Самым важным было привести по возможности большую силу на север залива Лейте к 25-му числу.

Отдав приказ о продолжении движения, Курита сразу связался с командующим Первым воздушным флотом на Лусоне, вице-адмиралом Такадзиро Ониси, и сообщил, что его силы подверглись нападению и что утром следующего дня он может ожидать визита теперь предупрежденного американского флота. Ониси согласился и ответил просьбой о немедленном нападении на соединения Хэлси. Даже хотя они смогли уберечь некоторое количество самолетов на Филиппинских островах, Курита знал, что количество это недостаточно, а пилоты плохо обучены, чтобы начинать воздушную атаку на мощный американский флот, имея хоть какую-то надежду причинить ему серьезные повреждения. Курита отверг просьбу Ониси и вместо этого приказал ему собрать столько самолетов, сколько окажется возможным, для обеспечения его силами воздушного прикрытия. Для пущей уверенности в том, что его приказ будет выполнен, Курита заключил свое последнее послание к Ониси напоминанием о том, что «будущее страны защищает ее флот»[159].

Когда японские корабли ушли, торопливо сбросив во время прохождения несколько глубинных бомб, командиры двух американских субмарин поздравили друг друга с тем, что по всему было невероятно успешным вечером. Еще более важным было то, что потопление тяжелого крейсера «Миоко» означало, тем не менее, что Объединенный флот вышел сражаться. Пока команда «Дартера» готовилась отмечать свой праздник, Макклиток известил адмирала Хэлси о том, что к заливу Лейте направляется большая японская флотилия.

Хэлси наносит ответный удар

Хэлси, горящий желанием схватиться с японцами, предупредил Кинкейда о приближении врага и провел остаток 23 октября, готовясь к прибытию японцев. Как только стало достаточно светло, чтобы поднять в воздух самолеты, он отправил группы «Хеллкэтов» и «Хеллдайверов» на поиски кораблей Куриты на наиболее вероятных подходах к Лейте. Одна из этих поисковых партий поднялась в 6:00 24 числа с борта американского «Интрепида». В 8:12, пролетая над морем Сибуян, один из легчиков заметил флотилию Куриты, проходящую вдоль западного берега пролива Таблас, ведущему к проливу Сан-Бернадино. В течение девяти минут информация об этом была передана по радио Хэлси на «Нью-Джерси». За известием об обнаружении сил Куриты пришла новость о том, что самолеты с «Энтерпрайза» заметили и атаковали соединения Нисимурэ из двух линкоров, крейсера и нескольких эсминцев. Хотя нужно было еще найти авианосцы, Хэлси знал теперь, где находится основная масса японских соединений, и быстро составил план атаки[160]. Силы, имеющиеся в его распоряжении, были поделены на три оперативные группы: оперативная группа 38.4, которой командовал контр-адмирал Ральф Дэвидсон (у залива Лейте); 38.2, под командованием контр-адмирала Джеральда Богана (восток пролива Сан-Бернадино) и 38.3, которой командовал Фредерик Шерман (восточная часть Лусона). Четвертая оперативная группа, 38.1, адмирала Джона Маккейна, была отправлена на Улити отдыхать и пополнять запасы.

Нетерпеливо ожидая сражения с врагом и в то же время постоянно думая о приказе поддерживать теперь предупрежденный Седьмой флот Кинкейда, нервничая по поводу того, что в докладе об обнаружении сил Куриты не упоминались авианосцы, Хэлси приказал оставшимся трем оперативными группам собраться. Пока адмирал Шерман патрулировал воды к северу от Лейте, адмиралы Дэвидсон и Боган получили приказ немедленно поднять свои самолеты против приближающихся сил Куриты.

Предупрежденный о приближении Нисимур, Кинкейд отправил свои крупные корабли оборонять пролив Суригао и готовиться к приходу южного ударного соединения японцев. Хэлси, хотя и проклинал себя за излишнюю уверенность в своих силах, позволившую ему отправить Маккейна на Улити, был уверен — вполне обосновано — что в его распоряжении все же находится силы, достаточные для того, чтобы нанести серьезный урон кораблям Куриты.

Быстро сформулировав план атаки, Хэлси связался с командующими своими опергруппами, передав по радио необходимую информацию о приближении японских формирований и приказ: «Атака! Повторяю. Атака!»[161]. Пилоты «Хеллкэтов» и «Хеллдайверов» мигом вскочили в свои машины и вскоре были готовы начать атаку на быстро приближающиеся корабли Куриты.

После радиообщения с Куритой, ночь назад, Ониси занимался подготовкой, чтобы быстро отправить свои самолеты поддерживать приближающиеся японские корабли. Как только стало светло, первые самолеты Ониси были уже в небе и направлялись на помощь Курите. Очень ранним утром 24-го небо над морем Сибуйан заполнили сотни японских и американских самолетов; все они летели по направлению к Курите.

К счастью для Куриты, самолеты Ониси выиграли эту гонку. В 9:58 пятьдесят машин заняли позиции над японской флотилией и стали ждать, когда американцы достигнут своей цели. В 10:26 соединение из двадцати одного истребителя, двенадцати пикирующих бомбардировщиков и двенадцати торпедоносцев с авианосцев «Интрепид» и «Кэбот» достигло японской флотилии; летчики были ошарашены увиденным[162]. Хотя ранее в рапортах говорилось о размерах вражеских сил, зрелище такой мощи действительно повергало в ужас. Американцам не пришлось долго глазеть на японскую армаду; японцы, ждавшие на высоте, напали.

Хотя японские пилоты были не так опытны, как американские, на их стороне были численность, неожиданность и ошеломляющее количество зенитных орудий на кораблях. Промчавшись, японцы сбили два американских истребителя и три пикирующих бомбардировщика, не дав американцам опомниться. Вскоре американские истребители вступили в бой с японскими, а в это время оставшиеся пять пикирующих бомбардировщиков перегруппировались и спикировали на корабли, выбрав своей целью огромные линкоры, располагавшиеся в центре соединения Куриты.

Несмотря на всю свою отвагу, пилоты бомбардировщиков так и не имели возможности начать полноценную атаку. Шесть бомбардировщиков были сбиты прежде, чем смогли сбросить бомбы. Седьмой, серьезно поврежденный, врезался в один из японских эсминцев — последний вызов врагу, последнее упрямство. Из одиннадцати оставшихся самолетов, которым удалось избежать вражеского огня, три погибли, сбросив торпеды, а остальным удалось бежать невредимыми.

Тем не менее все складывалось не в пользу японцев. Две из трех торпед, которые американцам удалось выпустить, попали в цель. Одна поразила линкор «Нагато». Кроме того, семь японских самолетов были сбиты. Доклад о повреждениях на «Нагато» показывал, что корабль может оставаться в строю, но скорость его хода будет снижена. Курита знал, что, хотя он и отбросил первое соединение американцев, скоро последуют другие. Замедлив движение своего флота до хода самого медленного корабля, Курита ждал следующей атаки американцев.

Тем временем оглушенные, вернувшиеся из первой атаки американцы рассказывали своим идущим в бой товарищам о том, с чем им придется столкнуться. Не потерявший присутствия духа Хэлси приказал произвести дополнительные воздушные удары. В 12:45 второе ударное соединение, с «Лексингтона» и «Эссекса», достигло кораблей Куриты. В отличие от первой, провалившейся атаки, вторая не удивила летчиков дополнительными самолетами Ониси. Тем не менее, через двадцать минут ожесточенного воздушного боя американцы снова были отброшены, но гораздо более дорогой ценой. Японские летчики столкнулись с бывшими несравненно опытнее американскими, готовыми к встрече; было сбито двадцать три самолета Ониси, при трех сбитых истребителях врага. Американские бомбардировщики преодолели мощный зенитный огонь; им удалось поразить гигантский «Мусаси» несколькими бомбами. Хотя корабль и не утонул, он был основательно поврежден и не мог продолжать участия в походе. Пока одни пилоты направляли свое внимание на «Мусаси», другие возобновили атаки на уже поврежденный «Нагато». Неспособный быстро маневрировать из-за «ранений», полученных при первой атаке, «Нагато» не смог уклониться от залпа торпед, пробивших его борт. В 12:59, всего через несколько мгновений после удара, «Нагато» накренился на левый борт и затонул.

Когда американские самолеты второго налета умчались назад, на свои авианосцы на востоке, Курита обследовал повреждения. Он уже потерял два линкора, крейсер и два эсминца; такие потери, при обычных обстоятельствах, могли бы заставить отступить большинство военно-морских офицеров. Некоторые офицеры штаба Куриты настаивали на том, что он должен вернуться и спасти то, что осталось от флотилии, пока не началась следующая атака американцев. Памятуя о безвыходной и отчаянной природе своего задания, Курита решил продолжать поход.

Любой ценой

Невзирая на уже понесенные потери, Курита обоснованно полагал, что все еще обладает достаточными силами, которые смогут, если достигнут транспортов у Лейте, покалечить американцев. Не желая больше откладывать, он заставил замолчать критиков из своего штаба и собственные страхи и продолжил путь. В течение нескольких следующих часов воздушные налеты повторялись, и силы Куриты несли дальнейшие потери. После налета в 13:30 могучий «Мусаси» получил такие повреждения, что его капитан сообщил, что корабль тонет и его надо оставить. Известие о судьбе «Мусаси» сразило Куриту, который задумался, не надеются ли они на слишком многое.

Торжествующие американские пилоты доложили Хэлси, что нанесли японцам тяжелейшие удары. Командующий Третьим флотом был убежден, что его самолеты ликвидировали силы Куриты как серьезную угрозу. Теперь ему оставалось найти вражеские авианосцы — и он мог завершить уничтожение японского флота. Хэлси, не знавший точно, где находится Одзава, настоял на том, чтобы Шерман отправился на разведку, пока он готовится отправить три оперативные группы Третьего флота туда, куда будет необходимо. Будучи в то же время уверенным и в том, что потрепанное соединение Куриты остается на плаву, он решил предпринять меры по формированию другого соединения из больших кораблей, которое имело бы своей задачей защиту пролива Сен-Бернадино. Новое соединение, которое он окрестил оперативной группой 34, будет состоять из четырех линкоров, пяти крейсеров и девятнадцати эсминцев; когда оно будет создано, командовать им станет вице-адмирал Уиллис Ли. Чтобы быть уверенным в том, что все его корабли извещены а его планах, в 15:12 Хэлси разослал радиосообщения всем кораблям Третьего флота, а также адмиралам Нимицу и Кингу, описав возможное соединение, которое начнет действовать по его команде. Радисты Седьмого флота тоже поймали это сообщение и передали информацию адмиралу Кинкейду[163].

Пока Хэлси вырабатывал планы, Курита размышлял о своем будущем. Сломленный потерей такого количества людей, адмирал приказал трем из своих эсминцев вернуться и подобрать спасшихся, в то время как команды остальных кораблей исправляли повреждения. На борту «Атаго» Курита определил свой следующий шаг. Имея соединения, которым сильно досталось в течение дня от американцев и зная мало или ничего о продвижении других соединений «Сё», в 16:00 он передал в Токио, что, несмотря на поддержку ограниченного количества японских самолетов, «враг сделал более 250 вылетов против нас между 8:30 и 15:30; количество занятых в них самолетов и огневых установок возрастало с каждым разом. С другой стороны, наши воздушные силы не смогли достичь даже тех результатов, на которые можно было рассчитывать, из-за чего наши потери все росли. При таких обстоятельствах предполагалось, что мы должны форсировать продвижение; враг едва не сделал из нас котлету — при том, что у нас было очень мало шансов на успех. Поэтому было решено, что самым лучшим для нас будет на время уйти из пределов досягаемости вражеской авиации[164]».

Курите, обзревавшему остатки своего некогда мощного соединения, было легко предположить, что план «Сё» потерпел провал. Интенсивность воздушных атак, продолжавшихся весь день, могла быть знаком того, что Одзава не смог справиться с могучим Третьим флотом. Не слыша ничего и от Нисимуры, он также мог предполагать лишь самое худшее.

После нескольких попыток обнаружить силы Одзавы, в 16:40 бомбардировщики группы Шермана заметили авианосцы, когда те быстро двигались на юг, по направлению к Лусону. Установление местонахождения авианосцев было именно тем, чего ждали Хэлси и Одзава. Хэлси немедленно отдал приказ о сборе командиров групп, и вскоре все три группы пошли навстречу врагу. По радио он отдал Маккейну приказ возвратиться и снова присоединиться к нему, когда флот будет направляться на север, чтобы уничтожить японские авианосцы. Поскольку соединения Хэлси теперь шли на север, опасность дальнейших налетов на корабли Куриты миновала. Получив передышку от постоянных воздушных атак, Курита начал приходить в себя. Понимая, что его задания определяется как «все или ничего», он решил продолжать движение вперед. Как бы в подтверждение правильности такого решения, в 18:15 адмирал Тойода ответил на предыдущие послания Куриты, сообщив ему: «Все силы ринутся в атаку, положась на божественную помощь»[165]. Теперь, когда его приказы стали ясными, а соединения были защищены тьмой, Курита направился к проливу Сан-Бернадино. Он собирался — если не произойдет новых задержек — пройти пролив в 1:00 25 октября.

Пока Курита бился в море Сулу, силы Нисимуры продолжали движение, изредка прерываемое американцами. Хотя Нисимуре и пришлось выдержать атаку рано утром 24-го, он, отбив атаку американских самолетов, продолжал двигаться без затруднений. Он также получил известие о том, что второе соединение, которым командовал вице-адмирал Киёхиде Сима, приближается с севера и вскоре будет готово присоединиться к нему во время прохождения пролива. Нисимура, хоть и испытывал к Сима сильнейшую неприязнь, понимал, что серьезность ситуации требует совместных действий всех, кто служит во флоте. Для сведения личных счетов будет достаточно времени после уничтожения американцев.

Вспомните Перл-Харбор

Однако Нисимуру засекли, и, хотя никаких атак на него в тот день не предпринималось, американцы не сидели сложа руки. Адмирал Кинкейд, предупрежденный о приближении японцев и уверенный в том, что Хэлси позаботился об охране пролива Сен-Бернадино,

посвятил время подготовке к прибытию противника на восточную сторону пролива Суригао. Чтобы противостоять приходу японцев, Кинкейд приказал контр-адмиралу Джессу Олдендорфу перекрыть северный выход из пролива (в двадцать миль шириной) соединением из шести линкоров, пять из которых были в Перл-Харборе в 1941 году, восьми крейсеров и двадцати восьми эсминцев. Олдендорф решил разместить свои самые большие корабли прямо напротив входа в пролив, разделив эсминцы и расположив их вдоль каждой стороны. Чтобы придать обороне глубину, Олдендорф также расположил тридцать девять маленьких торпедных катеров южнее пролива. Вряд ли способные остановить продвижение линкоров Нисимур катера могли послужить в качестве телеграфа, который обеспечил бы необходимую Олдендорфу информацию о враге, с которым он был уже почти лицом к лицу. К тому же они могли бы беспокоить Куриту по мере его продвижения, что, возможно, внесло бы смятение в неприятельские ряды.

Вечер 24-го был проведен моряками обоих флотов в подготовке к следующей стадии сражения. В то время как команды Куриты и Нисимур занимались последними приготовлениями перед выходом в Филиппинское море, матросы Хэлси готовили самолеты для воздушного нападения на авианосцы Одзавы, а команды Олдендорфа проверяли правильность наведения орудий на северный выход пролива Суригао.

Пока летчики возились на палубах авианосцев, Хэлси решил, что будет разумным уведомить Кинкейда о своих планах. В 20:24 Хэлси передал Кинкейду по радио, что «донесения показывают, что враг понес серьезные потери. Продолжаю двигаться на север с 3 группами, чтобы атаковать вражеские авианосные силы на рассвете»[166]. Кинкейд был доволен новостью. Он был готов встретить соединение Нисимур, когда оно пойдет через пролив Суригао, и выходило, что Хэлси, со своими тремя группами, готов ударить по силам Одзавы, идущим с севера. И, хотя это было не такое уж огромное соединение, Кинкейд был уверен, что группа 34 будет силой более чем достаточной, чтобы остановить серьезно поврежденные корабли Куриты и не дать им пройти проливом Сан-Бернадино. Все, казалось, было готово к тому, чтобы нанести японцам основательный, бьющий в цель удар.

Через десять минут после того, как Хэлси говорил с Кинкейдом, было получено известие о том, что один из катеров заметил приближающийся флот Нисимур. Заметив врага, американские катера сразу ринулись в бой, произведя серию отважных, но безуспешных атак. Несмотря на выпущенные несколько торпед, все чего удалось достичь была задержка движения японцев. Артиллеристы на эсминцах Нисимур смогли уничтожить несколько катеров. В 21:36 Нисимура сообщил Сима по радио, что «продвигается по плану, уничтожив торпедные катера неприятеля»[167].

Однако противостояние силам Нисимур вскоре должно было стать более интенсивным. Предупрежденные о приближении японских кораблей в начале третьего ночи 25 октября, эсминцы Олдендорфа быстро спустились к проливу Суригао и приготовились к серии торпедных атак. Через час по вражеским кораблям были выпущены первые американские торпеды. К концу атаки два эсминца были потоплены, а третий сильно поврежден. Торпеды повредили также линкоры «Фусо» и «Ямаширо»-. Возможно, самым важным было то, что атаки катеров и эсминцев сломали весь боевой порядок японских кораблей, в котором они готовились столкнуться с караулящими их крейсерами и линкорами Олдендорфа.

Когда вражеские силы в сильном беспорядке вошли в зону досягаемости линкоров и крейсеров Олдендорфа, тот не мог поверить своей удаче: японская колонна была практически недееспособна. По какой-то причине — возможно, из-за повреждений,

полученных во время предшествующих атак катеров и эсминцев или даже из-за упрямства Нисимуры — японцы провели маневр таким образом, что предоставили врагу широкий фронт. Это значило, что американский адмирал был готов насладиться возможностью, о которой мечтали все военно-морские командиры, но которая редко предоставлялась — направить все орудия на главный японский корабль. Олдердорф расставил все точки над *i*!

В 3:51 Олдендорф приказал своим кораблям открыть огонь. Вскоре снаряды крупнейших орудий военно-морского флота Соединенных Штатов обрушились на несчастных японцев. За пятнадцать минут снаряды разнесли в прах то, что оставалось от кораблей Нисимуры. Флагманский корабль «Ямаширо» пошел ко дну, «Могами» и «Фусо» были сильнее всего повреждены и оставлены умирать, а «Сигуре» хоть и развернулся и начал отступать, тоже вскоре погиб.

В тот самый момент, когда последние залпы американских линкоров достигали своих целей, на сцене появился Сима, на борту крейсера «Нати». Он надеялся соединиться с Нисимурой раньше, но его продвижение замедлили атаки американских катеров. Увидев во время движения на север ужасную гибель «Фуро», Сима понял, что от соединения Нисимуры ничего не осталось и соединиться не с чем. В начале пятого утра Сима, выказывая фальшивую храбрость, произвел серию неэффективных торпедных атак по тому, что, как он считал, было американскими кораблями, затем повернул и направился на юг. Идя с места гибели Нисимуры, Сима наскочил на разбитый «Могами», который, как он был уверен, лежал на дне. К несчастью, он ошибался: «Могами» двигался медленно, и в 4:30 «Нати» столкнулся с раненым судном, причинив ему дальнейшие повреждения.

Южное сражение на пути японского движения к заливу Лейте было катастрофой. Когда 25 октября взошло солнце, матросы Симы с нервностью стали ждать неминуемых атак со стороны преследующих их американских кораблей во время своего отхода к острову Бруней. В то время Сима размышлял, каким образом он собирается уводить свои корабли от неприятеля, Кинкейд собрал свой штаб. Американцы обсуждали только что закончившиеся действия и, без сомнения, поздравляли друг друга с ошеломительной победой. Перед тем, как закончить собрание, Кинкейд повернулся к руководителю штаба, капитану Ричарду Крузену, и спросил: «Ну, Дик, есть ли что-нибудь, чего мы не сделали?» Крузен ответил, что может подумать только об одном: «Мы так и не спросили Хэлси напрямую, охраняла ли Оперативная группа 34 пролив Сан-Бернадино». Чтобы быть уверенным наверняка, Кинкейд дал Крузену указание запросить у Хэлси подтверждение того, что Оперативная группа 34 действительно прикрывала пролив[168].

Хотя большая часть событий вечера и ночи 24–25 числа происходила на юге, Курите тоже было чем заняться. В 0:35 его флот беспрепятственно прошел пролив Сен-Бернадино и вышел в Филиппинское море. Курита, все еще зализывавший раны после воздушных атак предыдущего дня, не мог поверить своему счастью. Как могли американцы оставить такой важный, даже критический проход без прикрытия? Справилась ли флотилия Одзавы с силами Хэлси? Если будет везти и дальше, всего через шесть часов он будет на позиции, откуда можно атаковать американские транспорты в заливе Лейте. Убедившись, что в проливе действительно нет американского охранения, Курита по радио связался с Ониси и просил прислать ему все авиаприкрытие, каким только тот располагает, когда он будет огибать восточное побережье Самара. Ониси, чьи силы понесли значительные потери во время защиты соединений Куриты 24-го, ответил, что обеспечит присылку нескольких оставшихся самолетов.

«Где Оперативная группа 34?»

То, что Курита не встретил сопротивления на своем пути через пролив, стало следствием катастрофической разобщенности американской стороны. В отличие от того, что думали Кинкейд, Нимиц и Кинг, Оперативной группы 34 не существовало. Предыдущие сообщения Хэлси указывали лишь, что опергруппа может быть сформирована при необходимости. Будучи уверенным в том, что он настолько ослабил Куриту, что тот больше не представляет опасности, Хэлси решил собрать у себя все наличные силы, включая корабли, из которых должна была составиться Оперативная группа 34. Недоразумение усугубилось тем, что в отправленном накануне сообщении Хэлси заявил о том, что направляется на север «с 3 группами». Это второе сообщение казалось подтверждением того, что Хэлси оставил Сан-Бернадино защищенным.

Отсутствия связи между Хэлси и Кинкейдом можно было бы избежать, служив они под единым началом, но это было не так. Теперь цепочка ошибок привела к тому, что пока адмирал Курита огибал берег Самара, все силы, охранявшие жизненно важные для американцев места высадки на острове Лейте, состояли из шестнадцати небольших эскортных авианосцев и шита из эсминцев, разделенных на три группы — Тэффи-1, которой командовал вице-адмирал Т.Л. Спрэг, Тэффи-2, которой командовал вице-адмирал Ф.Б. Стамп, и Тэффи-3, под командованием вице-адмирала К.А.Ф. Спрэга. Авианосцы эскорта, прозванные авианосцами-джипами, должны были обеспечивать воздушную поддержку силам, действующим на берегу, и проводить противолодочное патрулирование. Они были вооружены лишь 5-дюймовыми орудиями и несколькими зенитками. Положение усугублялось тем, что большая часть самолетов имела вооружение, пригодное скорее для поддержки операций против японских войск на Лейте, чем против военных кораблей неприятеля.

Стоя на мостике «Атаго», Курита все еще пытался вычислить, почему, несмотря на трепку, полученную накануне, и молчание со стороны остальных флангов соединений «Сё», ему так повезло. Его думы были прерваны около 6:00 утра, когда он взглянул вверх и увидел над головой тридцать пять самолетов Ониси. Хотя ему больше понравилась бы более мощная воздушная поддержка, в этот момент он был рад получить что есть. Вскоре после этого было получено радиосообщение от «Ямато»: радары засекли американские самолеты. Наученный побоищем предыдущего дня, Курита приказал флоту приготовиться к атаке с воздуха. Однако вскоре пришел рапорт о том, что самолеты Ониси сбили американский самолет-разведчик. Матросы на кораблях Куриты были готовы и находились на своих местах, когда, едва видные над линией горизонта, показались радарные мачты шести эскортных авианосцев вице-адмирала Клифтона Спрэга. Новость взбудоражила японские команды; руководитель штаба Куриты, адмирал Тимидзи Коянаги, вспоминал, что вскоре после того, как были замечены мачты, «мы увидели, как взлетают самолеты. Это было настоящее чудо. Представьте себе надводный флот, приближающийся к группе вражеских авианосцев. Нет ничего более уязвимого, чем авианосцы с самолетами в надводном сражении»[169].

Курита был поражен. Хотя его соединение сильно пострадало, оно все еще было безусловно сильным, особенно против застигнутых врасплох вражеских авианосцев. Он приказал всем своим кораблям приготовиться к сражению и образовать боевую линию. Затем он быстро двинулся по направлению к американским авианосцам. В 6:58 мощные 18-дюймовые орудия линкора «Ямато» открыли огонь по американцам. Когда подошли остальные корабли, они прибавили свои залпы к залпам «Ямато».

Бывший на борту «Фэншо-Бей» Спрэг с ужасом увидел, как рядом с левым бортом корабля поднимается фонтан красной воды. Адмирал знал, что японцы часто применяют краску, чтобы отмечать места, к которым пристреливаются. Что японцы здесь делают?

Предполагалось, что пролив Сан-Бернадино охраняет Группа 34. Однако у Спрэга было мало времени на размышления: по мере того, как окрашивалась вода вокруг Тэффи-3, японские снаряды падали все ближе и ближе. Понимая, что время дорого, он немедленно приказал кораблям образовать дымовую завесу, поднять самолеты, и отступить к Тэффи-2. Затем он отправил командующему оперативной группы Т.Л. Спрюэнсу и Кинкейду отчаянный радиозапрос: «Где Оперативная группа 34?» Кинкейд был встревожен запросом Спрюэнса. Он был уверен, что пролив прикрыт. Потом он вспомнил, что так и не получил от Хэлси подтверждения того, что Оперативная группа 34 действительно находится в районе пролива Сан-Бернадино.

Тем временем самолеты Тэффи-3, в отчаянной попытке выиграть время, ринулись на соединения Куриты. Не подготовленные к воздушному нападению на японские корабли, оцетинившиеся зенитками и прикрываемые с воздуха истребителями, храбрые пилоты Тэффи-3 были частью сбиты, частью отброшены, прежде чем им удалось причинить какой-либо вред японцам. Налет, произведенный истребителями Тэффи-2 и Тэффи-1, оказался ненамного успешнее: во время торпедной атаки был уничтожен один из эсминцев Куриты. Осажденные американские авианосцы Тэффи-3 получили короткую передышку, когда оказались под прикрытием дождевого шквала. Однако даже это облегчение было кратковременным. Авианосцы отстали от быстродвигающегося шторма и вскоре снова были захвачены возобновленным огнем противника. Спрэг, зная, что посылает корабли на гибель, но не имея другого выбора, приказал своим эсминцам атаковать японцев. Американцы действовали невероятно успешно для таких обстоятельств, серьезно повредив крейсер «Кумано» и два японских эсминца.

Однако даже это усилие оказалось тщетным. Невероятно мощные линкоры и крейсера Куриты вскоре отправили на дно эсминцы «Джонстон» и «Хоэл» и оставили тонущим «Херманн». Потерявший свои эсминцы Спрэг ждал неизбежного, и в 7:20 18-дюймовый снаряд с «Ямато» врезался в его флагманский корабль, «Фэншо», который быстро затонул. «Уайт Плейнз» и «Гэмбиер Бэй» вскоре последовали за флагманом Тэффи-3, на дно. Курита оставил крейсер разбираться с оставшимися кораблями, а прочие продолжили путь в залив Лейте.

Еще до того, как корабли Спрэга затонули, ему удалось предупредить Кинкейда о том, что если Тэффи-1 и Тэффи-2 не смогут ничего сделать, то, очевидно, Курита сможет достичь залива Лейте. Вероятно, самая горькая ирония того дня заключалась в том, что из-за плохо налаженной радиосвязи между двумя флотами, в 7:20 Кинкейд наконец получил от Хэлси ответ на свой запрос, сделанный накануне вечером. Хэлси сообщал, что Оперативная группа-34 примет участие в атаке на Одзаву.

Кинкейду пришлось принять несколько тяжелых решений. Он с болью осознавал, что Тэффи-1 и Тэффи-2 мало что могут сделать против флота Куриты, но он вынужден был принести их в жертву, чтобы выиграть время. Американские линкоры и крейсера, так успешно сражавшиеся в проливе Суригао, были на расстоянии двух часов хода от Лейте; и хотя Хэлси — с неохотой — отправился на юг после долгих увещаний и просьб со стороны Кинкейда и теперь уже предупрежденного Нимица, все-таки еще несколько часов должно было пройти, прежде чем теперь сформированная Оперативная группа 34 сможет достичь района действий. Как и следовало ожидать, безнадежные атаки Тэффи-1 и Тэффи-2 имели следствием не более чем временное замедление продвижения Куриты. Самолетам и эсминцам этих двух групп удалось потопить крейсер «Тикума» и повредить «Тонэ» — но ценой еще пяти маленьких авианосцев-джипов и большей части эсминцев эскорта.

Цена безрассудства

Теперь Курита приказал другим крейсеру и эсминцу присоединиться к задержавшемуся крейсеру и прикончить остатки трех авианосных групп Спрэга. В тот момент, когда «Ямато» расстреливал остатки Тэффи-1, взволнованный Коянаги сообщил Курите, что их орудия теперь находятся в пределах досягаемости вражеской стоянки в заливе Лейте. Курита едва мог сдержаться. Он немедленно приказал, чтобы известие об этом поразительном достижении было передано в Токио и чтобы войска сражались около Лейте не на жизнь, а на смерть, до последнего корабля. В восторге от своих достижений, японские матросы работали не расслабляясь, пока пушки могучего «Ямато» и оставшихся крейсеров обстреливали транспорты Кинкейда, зажатые в границы залива Лейте. С небольшим количеством оставшихся самолетов Кинкейд мало что мог сделать против урагана крупнокалиберных снарядов, со свистом врывающихся в залив. Это было избиение, превосходившее то, что происходило в 1905 году в Цусимском заливе — величайшую морскую победу японцев. Транспорты в заливе стояли так плотно, что артиллеристам Куриты даже не нужно было особенно тщательно наводить орудия.

Нимиц встревожился, получив отчаянную просьбу Кинкейда о помощи. Он тоже был уверен в том, что Хэлси оставил Оперативное соединение 34 охранять пролив Сан-Бернадино. Понимая, что это может значить и насколько это важно, Нимиц немедленно отправил Хэлси запрос: «Где Оперативная группа 34? Весь мир удивлен»[170]. Хотя вторая фраза послания предназначалась лишь для того, чтобы сбить с толку врага, Хэлси, вероятно, уже знающий о допущенной им трагической ошибке, пришел в ярость. В ответ он проигнорировал просьбы Кинкейда и вопросы Нимица, поскольку часом раньше он с неохотой принял решение создать Группу 34 и отправить ее на юг во главе части своего соединения. Он слишком опоздал, чтобы спасти положение на юге, а его минутное замешательство означало, что Одзава смог быстро повернуть и бежать[171].

Понимая, что оставшиеся американские корабли вскоре ворвутся в залив Лейте, Курита, более часа расстреливавший американскую стоянку, развернулся и направился назад к проливу Сан-Бернадино. Он знал, что его израненные в боях корабли не смогут избежать встречи с силами Хэлси, но ему только что было явлено, что на свете бывают чудеса.

Горьким завершением быстро развернувшегося поражения американцев стало то, что задержка Хэлси с формированием Оперативной группы 34 означала, что Курита смог сбежать из залива и уползти назад в Бруней. На плацдармах высадки Лейте 6-я армия Крюгера была отброшена к воде еще до того, как орудия объединенного теперь Третьего и Седьмого флотов смогли оказать достаточную огневую поддержку и прекратить атаки японцев. Хотя 6-я армия смогла удержаться, людям приходилось тяжелее, чем на Гуадалканале в 1942 году. Вскоре сражение на Лейте зашло в тупик: американцы не могли продвинуться дальше в глубь острова, а японцы не могли спихнуть американцев в залив. Поразительная победа Куриты на годы передвинула победу союзников в Тихом океане.

Когда, 17 октября, известие о катастрофе в заливе Лейте достигло Вашингтона, президент Франклин Рузвельт и его главные военные советники не могли ему поверить. Импульсивный Хэлси был немедленно — и публично — отстранен и заменен победителем сражения при Мидуэе, более осторожным Рэймондом Спрюэнсом. Нимиц избежал участи своего подчиненного, но его стратегические планы, к несказанному удовлетворению Макартура, теперь не слишком внимательно рассматривались как Кингом, так и Рузвельтом. После снятия Хэлси скрыть такую катастрофу от общества оказалось невозможным. Рузвельт, помнящий о том, что с момента его беспрецедентного переизбрания на четвертый срок прошло всего несколько недель, что многие «знатоки» требуют его отставки, и не желающий понимать, готово ли американское общество и

дальше платить кровью и деньгами за необходимость покорить императорскую Японию, подготовил мирный план.

Американский президент предложил японцам возможность избежать налетов бомбардировщиков В-29, которые вскоре должны были вступить в бой. Рузвельт предложил условную капитуляцию, которая требовала возвращения всех владений, захваченных японцами после 7 сентября 1941 года.

Со времени снятия Годзио после поражения при Сайпане, члены правительства императора Хирохито, отстаивавшие мирное решение, думали о возможности спасти страну и императорскую династию, сохранив честь страны. Победа Куриты предоставила им такую возможность. Было позволено не только сохранить трон императору; японцы сохраняли контроль над своими владениями в Индокитае, Маньчжурии, а также большей частью Китая.

2 ноября 1944 года Рузвельт объявил ликующим американцам, что японцы согласны вернуть все территории, захваченные после нападения на Перл-Харбор. Произнеся четвертую, не имеющую аналогов инаугурационную речь в субботу 20 января 1945 года, Рузвельт вернулся в Овальный кабинет принимать поздравления. На рабочем столе лежала пачка традиционных поздравительных телеграмм от правительств со всего земного шара. Он подумал, что особая ирония была в том, что в самом низу лежит поздравительное письмо от императора Хирохито.

Реальность

Вскоре после того, как японцы вышли с Брунея, их планы начали разваливаться; 23 октября флагманский корабль Куриты был потоплен во время прохождения через пролив Палаван, а в течение 24-го его корабли, почти не имевшие воздушного прикрытия, были сильно повреждены самолетами Хэлси. В это же время, как описано выше, Кинкейд уничтожил силы Нисимурэ вечером и ночью 24–25 октября.

Будучи уверенным в том, что нанес силам Куриты значительный урон, Хэлси устремился на север, против Одзавы, оставив пролив Сан-Бернадино незащищенным. Конечно, японцы получили сильнейшие повреждения на пути к проливу, однако отсутствие Опергруппы 34 означало, что все, что осталось между Куритой и заливом Лейте — это эскортные авианосцы Спрэга. Показав великолепный пример в истории военно-морского флота США, моряки и летчики Тэффи-3 начали отчаянное сражение с Куритой. Несмотря ни на что летчики Тэффи-3 — позже к ним присоединились пилоты Тэффи-1 и Тэффи-2 — смогли начать серию отчаянных атак на силы Куриты. Испытывая нехватку боеприпасов, некоторые самолеты сбрасывали небоевые бомбы, тогда как другие сбрасывали бомбы, предназначенные для боев с японской армией на Лейте. В это же время эскорты эсминцев Тэффи-3 начали торпедную атаку на корабли Куриты; торпеды потопили «Текай» и «Тикума» и отбросили в сторону «Ямато». Атаки американцев были настолько точными, что в 9:15 Курита отозвал своих, и в 12:36, немного не выиграв сражения, он повернул и пошел назад через пролив Сан-Бернадино. Если бы Курита смог продержаться чуточку дольше и не сорвался бы, есть полная уверенность в том, что, несмотря на причиненный соединению урон, он смог бы добраться до залива Лейте и устроить там описанный выше разгром.

В то время как Тэффи-3 сражалась насмерть, Хэлси начал серию атак на Одзаву. К концу дня Третий флот потопил все японские авианосцы. С любой точки зрения, битва за залив Лейте была для японцев полным поражением. Тогда как американцы вышли из него,

потеряв лишь три легких авианосца и три эскорта эсминцев, японцы потеряли три линкора, четыре авианосца, десять крейсеров и девять эсминцев. Они лишились также любой возможности остановить неукротимое наступление союзников на главные острова.

Д.М. Джангреко. НА КРЫЛЬЯХ БОЖЕСТВЕННОГО ВЕТРА

(Камикадзе и вторжение на Кюсю)

Лекция по рассмотрению вопросов снабжения во время недавней высадки на Кюсю продолжалась без помех. Около 160 курсантов, преподавателей и гостей заполняли аудиторию Прингл Высшего военно-морского колледжа вечером бурного вторника ноября 1946 г., чтобы послушать адмирала Ричмонда Келли Тернера. Выпускник Военно-морской академии США 1908 года, Тернер во время высадки [172] командовал десантными соединениями Тихоокеанского флота — более 2700 кораблей и большое количество десантных судов. 101 человек в классе 1947 года были ветеранами величайшей в истории войны, и перевод почти всех судов Атлантического флота после Нормандии на Дальний Восток гарантировал каждому офицеру в колледже участие как в последней грандиозной операции на Кюсю, так и в еще более масштабной операции, проведение которой планировалось позже в районе Токио. Более того: только двое из дюжины офицеров армии, воздушных сил и береговой охраны и еще один курсант из Государственного департамента [173] не служили на Тихом океане. Новый президент колледжа, адмирал Рэймонд А. Спрюэнс, сам командовал Пятым флотом во время высадки и по секрету говорил своему помощнику, что его старинный друг и коллега «сегодня в отличной форме» [174].

Приятно было видеть, что Тернеру все удастся; Спрюэнс понимал, что выступление перед офицерами — особенно перед этими офицерами — пойдет ему только на пользу. Тернер лишь две недели назад закончил выступать свидетелем в последнем из трех расследований Конгресса, которые проводились после заключения перемирия с императорской Японией; еще раньше, во время войны, его три раза отзывали в Вашингтон давать показания по вопросам, связанным с событиями 7 декабря 1941 года. Во время этих разбирательств Тернер был подвергнут подробному перекрестному допросу, поскольку перед началом войны он служил в Отделе военного планирования флота [175]; это были первые после перемирия слушания по делу Перл-Харбора. Тернер мало что мог добавить по существу во время вторых послевоенных слушаний, когда Объединенный комитет Палаты представителей и Сената проводил расследование обстоятельств тактического использования ядерного оружия, со времени которого было зафиксировано около 40 000 случаев смерти или болезни среди американских военнослужащих. Однако самые последние слушания Комитета Тафта — Дженнера имели целью совершенно другое, и расследование вскоре сосредоточилось на Тернере: каким образом флот, более года сражавшийся с летчиками-камикадзе, был застигнут ими врасплох у Кюсю?

«Перл-Харбор №2», как окрестили это событие журналисты, стал свидетелем того, как 38 кораблей и ТДК, полные отплывающих солдат, два десятка эсминцев и еще двадцать одно судно были атакованы в виду места высадки десанта в «день Икс» и «день Икс+1» [176]. Шесть других судов были взорваны катерами «синё», наполненными взрывчаткой; они врезались в группы атакующих во время неразберихи; еще десять кораблей «либерти» были взорваны камикадзе в период со «дня Икс+2» по «день Икс+б». Наземные войска потеряли 29 000 человек убитыми и пропавшими без вести; столько же солдат и морских пехотинцев превратились в беженцев — они потеряли все свои вещи, в страшной спешке оставляя тонущие транспорты. Великолепно срежиссированная высадка была сорвана непрерывными атаками и спасательными операциями. Существенные перебои в доставке

снабжения и нехватка подкреплений имели результатом втрое большее число убитых и раненых, чем предполагалось через «Икс+30», и беспрецедентный — и кровавый — застой, который продолжался до «Икс+20» в крайних северо-восточных точках шести из тридцати пяти пунктов высадки.

В первые две недели на Кюсю было потеряно больше людей, чем во время сражений при Булге и Окинаве, вместе взятых, и критики усердно искали козла отпущения, которого можно было бы заколоть на жертвеннике армии. Адмирал Честер Нимиц, главнокомандующий Тихоокеанским флотом, запретил приносить в жертву Тернера, и взял ответственность за разгром на себя (хотя было совершенно очевидно, что ответственности хватило бы на всех). Тем не менее слушания велись в довольно резком тоне, и генерал Макартур из своей штаб-квартиры в Маниле дал понять: он, Макартур, уверен, что из-за «неспособности Тернера обеспечить защиту и спасти жизни наших доблестных солдат и моряков» Америке пришлось довольствоваться «неполной победой — еще худшей, чем Версальская». Сегодня вечером не склонный к сантиментам, сильный старый адмирал в первый раз после слушаний выступал перед аудиторией, и Спрюэнс сделал все, что мог, чтобы не дать новости выйти за пределы узкого круга военных моряков, существовавшего на Костер-Харбор Айленд в бухте Наррагонсет Восточного пролива. Из всех присутствовавших только вышедший в отставку трехзвездный генерал Холланд Смит, навещавший сына старого сослуживца, и Джордж Клемэн, помощник недавно назначенного госсекретаря К. Маршалла, были не из колледжа и не с военно-морской базы в Ньюпорте.

Курсанты, затаив дыхание, слушали человека, которого Спрюэнс назвал «прекраснейшим примером редкого сочетания — стратега и воина, готового взять на себя ответственность и ринуться в бой» [177]. Немногие из офицеров видели Ужасного Тернера во время войны на Тихом океане, и первые вопросы — сразу после того, как Тернер был представлен — были, скорее, «разведкой». Спрюэнс предполагал, что эти вопросы не продлятся долго; так оно и было.

«Сэр, с самого начала, у острова Лейте, когда японцам удалось заставить нас изменить расположение авианосцев, мы сразу начали терять корабли — из-за самоубийц и даже в обычных атаках. Не из-за этой ли потери транспортов и ТДК замедлилось строительство взлетно-посадочных полос на берегу и плохое положение дел еще более ухудшилось, с точки зрения воздушной обороны?»

Потеря множества кораблей-поставщиков типа эсминцев в ноябре 1944 года была неожиданной. Камикадзе пролили первую кровь 25–26 октября, когда группа из пяти самолетов потопила эскортный авианосец «Сант-Ло» и повредила три подобных ему авианосца. Это сподвигло многих молодых японских летчиков на вступление в соединение «Симпу» (специальный штурмовой корпус), и 30 октября камикадзе повредили три крупных авианосца настолько, что корабли пришлось отправить на стоянку Улити для ремонта. Через несколько дней еще один «плавучий аэродром» стал жертвой самоубийц; до конца ноября пострадали еще три корабля. [178] Об этих ошеломительных нападениях, влекших за собой потерю кораблей, и говорил курсант, задавший вопрос; вопрос отсылал также к проведению наземной кампании. Тернер не был главным на Лейте. Командовал вице-адмирал Томас Кинкейд, и Тернер тщательно выбирал слова.

«Мы ожидали, что будут потери, но характер японских атак был совершенной неожиданностью. Мы рассчитывали, что наши истребители справятся с большей частью их воздушных сил на Филиппинах до нашей высадки. Невнятный, слабый ответ на рейд Билла (адмирал Уильям Ф.) Хэлси в сентябре 1944 г. заставил нас заключить, что силы

японцев на островах гораздо менее значительны, чем должны были быть. Мы фактически прекратили промежуточные операции и продвигали «Кинг-ИИ» полные шестьдесят дней[179]. Никак невозможно было предугадать тактику, которая использовалась против нас. Что касается строительства воздушной базы в Лейте, то причиной задержки не была потеря судов; причиной стали погода и почва, которые стопорили все усилия армейских инженеров. Мы владели этими островами более сорока лет, но до сих пор у нас не было возможности убедиться, насколько неподходящий грунт в районе, где мы должны были разместить аэродром Бурон.

Все мы помним кадры кинохроники, где командующий операцией спрыгивает со своей шляпки в воду и направляется к берегу — уверен, что было сделано не более одного дубля, — (смех) а также его заявление о том, что он «вернулся». Но немногим известно, что он обязан был снова занять Лейте с четырьмя дивизиями; восемь истребительных и бомбовых групп вели обстрелы с острова в течение сорока пяти дней после первой высадки. Девять дивизий и вдвое больше дней в бою; действовать могла только часть авианосных соединений — из-за отвратительных условий местности[180]. Сражение на земле тоже шло не так, как планировалось. Японцы как раз сделали последний рывок, быстро изолировали штаб-квартиру Пятого воздушного соединения и захватили большую часть аэродрома, пока армия не выбила их назад, в джунгли[181]. Полковник?..»

Заканчивая ответ упоминанием об армии, Тернер жестом пригласил к разговору одного из слушателей. Он заметил на офицере алую нашивку в виде перекрещенных стрел — знак 32-й пехотной дивизии, которая участвовала в сражении за горные хребты Коркскрю, Килей и Брикнен на Лейте[182].

«Спасибо, сэр. В свете того факта, что недостаток поддержки наших войск с воздуха позволил врагу переместить четыре дивизии и несколько отдельных бригад и полков на остров с Лусона[183], полагаете ли вы, что на захват залива было потрачено слишком много времени?»

Адмирал не был смущен упреком, скрытым в вопросе: «Нет. Ориентируясь по предварительным рапортам как о реальных, так и о воображаемых потерях нашего флота, японцы решили провести главное сражение за Филиппины на Лейте, а не на Лусоне. Первоначально мы намеревались использовать Лейте как своеобразный трамплин перед Лусоном — точно так же, как Кюсю стал нашей последней остановкой на пути к Токио. Но надо помнить о том, что, независимо от того, на каком острове происходило бы сражение, японцы имели на Филиппинах лишь ограниченное число солдат. Более восьмидесяти процентов японских кораблей затонули во время выполнения более поздних заданий по снабжению, но нам, естественно, хотелось бы отправить их на дно еще раньше. В сражении за Лейте участвовало общим счетом на 100 000 человек наземного войска больше, чем предполагалось; само завоевание заняло столько времени, что остров так и не стал главным центром снабжения и авиабазой, каким мы намеревались его сделать[184]. С моей точки зрения, японцы оказались гораздо более подготовленными, чем мы ожидали, и это в равной степени повлияло на все операции. Я ответил на ваш вопрос?»

«Да, сэр», — сказал полковник. Однако позже он говорил главе отдела снабжения колледжа, контрадмиралу Генри Эклсу, что предполагал услышать, что недостаточная поддержка со стороны армии и авиации ощущалась еще спустя месяцы, что большое количество японских частей было выведено с острова, когда в январе 1945 года[185] был получен приказ об отступлении, и что ему не нравилось сражаться с одними и теми же

японцами дважды. Экклс ответил, что со стороны полковника было разумным не делать на этом акцент.

Теперь уже многие из присутствующих поднимали руки, желая задать вопрос; Тернер указал на капитан-лейтенанта из младшего класса.

«Адмирал, не могли бы вы прокомментировать атаку истребителей, проведенную в южной части Японии перед высадкой на острова?»

Тернер попросил уточнить вопрос.

«Да, сэр. Почему перед высадкой на Кюсю воздушные силы противника не были обработаны, вплоть до их истощения?»

Эта проблема была предметом жарких споров — и в печати, и в кают-компаниях. Она уже обсуждалась днем раньше в Люс-Холле с главой группы анализа сражений, коммодором Ричардом Бейтсом, и двумя дюжинами студентов.

Камикадзе, «приклеенные к земле»

«Весьма вероятно, господа, что мы стали жертвами собственного успеха, — начал Тернер. — В течение всей войны все более эффективные действия нашей авиации, а также армейских истребителей и средних бомбардировщиков опустошали японские авиабазы. Мы были уверены, что большое количество их самолетов уничтожено во время налетов, предшествовавших нашему вторжению. Но чтобы уничтожить самолеты на земле, нам надо было знать, где они находятся[186]. Предвидя, что налеты будут становиться все более жестокими по мере нашего приближения к островам, японцы расформировали свои соединения и рассредоточили самолеты. О более чем 125 авиабазах и аэродромах мы знали, однако точек базирования было много больше[187]. Японцы удвоили старания после того, как мы застигли сотни самолетов на базе в Кюсю во время подготовки к самоубийственному рейду на Окинаву[188]. Что касается самолетов, «приговоренных» к роли камикадзе, то они не требовали особого обслуживания, и их размещали с таким расчетом, чтобы они могли взлететь с дорог и полей, окружающих центральные районы размещения[189]. Кроме того, дюжинами строились запасные аэродромы, и во время наших налетов на известные нам места использовались камуфляж, фальшивые самолеты и брошенные аэродромы с натянутой над ними маскировкой»[190].

Спрюэнс подозревал, что спрашивавшие и сами знали ответы на свои вопросы — полностью или частично — почти так же хорошо, как Тернер, но их интересовал взгляд Тернера на тихоокеанские операции. Вопросы теперь сыпались, как из пулемета.

«Сэр, из донесений разведки было ясно, что у Японии огромное количество самолетов, [191] но меня удивляло то, что, хотя мы бомбили что хотели, они не поднялись в воздух, чтобы противостоять нам».

«Вы не единственный, кого это удивляло, — ответил Тернер. — После первой схватки с нашими авианосцами и Дальневосточными ВВС с Окинавы японцы прочно «приклеили» свои самолеты к земле, чтобы сохранить их для будущих боев во время нашего прихода в Японию. Мы все знаем об этом. Только несколько самолетов с высокими летными и военными качествами, типа «Рейден», использовались против В-29. Никаких значительных заданий авиация не выполняла, даже ввиду приближения нашего флота, так как японцы считали, что несвоевременное построение войск может стать причиной

ненужных потерь, и обоснованно опасались того, что мы можем попытаться втянуть их летчиков в преждевременное сражение — ложными ударами или другими хитрыми маневрами. Они планировали нанести серьезный ответный удар только после того, как убедятся, что вторжение началось»[192].

«Сэр, — сказал другой курсант, — докладывали, что японцы собирались использовать самоубийц задолго до Лейте».

Тернер кивнул: «Дополнение к Соглашению о перемирии позволяет нам официально обсуждать войну с японскими офицерами равного ранга, так обнаружилась интересная информация. Эти обсуждения, кстати, продолжаются. Конечно, бывают неконтролируемые запросы и информация иногда выглядит сомнительно, но в целом обсуждения открыты и полезны». Адмирал умолчал о том, что он, как и все остальные, был поражен тем, что речь идет о таких вещах. «Что касается вашего вопроса, то растущее превосходство нашего флота быстро заставило некоторых руководителей Японии задуматься о систематическом использовании летчиков-камикадзе уже в 1943 году. Но только в конце следующего года, после гибели лучших пилотов при Мидуэе, на Соломоновых островах, Новой Гвинее и Марианских островах, стали серьезно рассматривать камикадзе как последнюю альтернативу обычным бомбовым атакам[193]. Это нам уже было известно. Но именно из дискуссий мы узнали о том, что в первый раз приказ о применении суицидной тактики был отдан 4 июля 1944 года, при Иводзиме. Поскольку все камикадзе были сбиты еще до нападения на наши корабли, мы так ничего и не узнали»[194].

«Сэр, вплоть до самого конца всегда находились японские пилоты, которые не делали попыток ударить самолетом наши корабли. Было ли это спланированной частью системы?»

Тернер снова кивнул: «Да, опытные пилоты, которые были слишком ценны, чтобы жертвовать ими, должны были обеспечивать прикрытие или наносить классические удары. Когда такие летчики вызывались совершить «полет в один конец», им отказывали в «честь» отдать жизнь за императора»[195].

«Сэр, теперь мне кажется очевидным, что если тактика, примененная на Кюсю, применялась и на Лейте, то японские самолеты могли уничтожить гораздо больше наших кораблей. Когда они шли на высоте, их можно было сбить без особого труда. Но когда они сбрасывали высоту — снижались, а не продолжали полет на той высоте 10 000–20 000 футов, на которой мы могли бы их сбить, а потом пикировали — то, говоря откровенно, японцы могли бы перетопить наши транспорты на Филиппинах. Единственная перемена к лучшему была в том, что теперь опасность, идущая от берегов Японии, стала более ясной»[196].

«Никому не нравится нести потери, — ответил на это Тернер, — но если японцы использовали свои самолеты на Лейте так, как вы описали, то урок, извлеченный из этого сражения, должен был внести изменения в ведение боя у Кюсю. Окинава представила первые совместные усилия японских пилотов — они использовали скалы и холмы, чтобы обмануть наши радары, однако размер острова и расстояние, которое им пришлось перелететь от баз на Формозе и Кюсю, вместе с тем фактом, что японцы только начинали экспериментировать в этой области, сначала ограничило успех этой тактики. Несмотря на это, были многочисленные случаи успешных нападений, когда японцы возникали так внезапно, что даже у полных дежурных экипажей кораблей, близких к берегу, было мало времени для ответа. И конечно, время ответных действий растягивалось из-за усталости

людей, которым приходилось постоянно быть готовыми начать действовать по тревоге. Постоянно разрабатывались новые тактические методы, так как мы приобретали все больше опыта, сталкиваясь с новой угрозой. Идеи распространялись по всем кораблям, и команды перенимали друг у друга все, что могло пригодиться, все, что могло укрепить оборону благодаря сокращению времени ответа зенитных орудий. Хотите что-нибудь добавить, коммодор Бейтс?»

«Конечно, сэр. К лету 1945 года визиры 5-дюймовых орудий, которыми были оснащены посты наведения, обеспечивали быструю, не требующую радиолокационного наведения стрельбу, поэтому многие корабли начали оснащаться совмещенной системой с медленными приборами управления огнем «Марк-37» для 5-дюймовых орудий и более быстрыми «Марк-51» для 40-миллиметровых. Эти изменения — вкупе с реактивными снарядами в зарядном поддоне — сделали возможным более быструю готовность к отражению внезапных атак; но если радар обнаруживал цели на более привычных расстояниях, то снова использовались дальнобойные механизмы наведения «Марк-37». Новые радары «Марк-22», которые позволяли заранее и точно определить приближающийся самолет, тоже были широко распространены во время операции «Маджестик»[197]. Они были малодейственны в сражениях близко к берегу, но снова и снова доказывали свою ценность на авианосцах.

До появления камикадзе 20-миллиметровые зенитные орудия были величайшей угрозой для японских самолетов. Однако недостаток ударной силы сделал их для камикадзе оружием немногим серьезнее, чем психологическое. Командующие больше полагались на крупные 40-миллиметровые орудия, поскольку они могли поражать приближающиеся самолеты. Мы впихнули дополнительные сдвоенные и счетверенные 20-миллиметровые зенитные установки на уже и так забитые палубы всех кораблей — от минных тральщиков и танкодесантных до линкоров и авианосцев».

Раздался голос с задних рядов: «Но мы бы не дали вам забрать наши «дверные молотки!» (смех)

Адмиралы Тернер и Спрюэнс широко улыгнулись при этой реплике, но руководитель Группы анализа позволил себе лишь усмехнуться уголком рта.

«Как я говорил, хотя 20-миллиметровые пушки оказались неэффективными в борьбе со стремительными камикадзе, это не значило, что команды спешили расстаться с ними, чтобы освободить палубу. Это оружие, по крайней мере, имело то преимущество, что не приводилось в действие электричеством. Даже если на всем корабле электричество отключалось, «дверные молотки» могли обеспечить заградительный огонь[198]

Новые 3-дюймовые скорострельные пушки — замечательное оружие. Одно орудие так же эффективно против обычных самолетов, как два счетверенных 40-миллиметровых, а против ракетных бомб «Бака» их преимущества еще более очевидны. Работа пяти счетверенных 40-миллиметровок (двадцать пушек) оказалась равна работе одной 3-дюймовки[199]. К сожалению, очень немногие умели обращаться с ними ко времени проведения «Маджестик».

Анализируя результаты работы расширенных радиолокационных дозоров на Окинаве, — продолжал Бейтс, — главнокомандующий ВМС США пришел к заключению, что один эсминец, предположительно, не сможет успешно противостоять более чем одному вражескому самолету за один раз — многие пытались это сделать, но в конце концов бывали побеждены, — и отметил, что в будущем на каждой дозорной станции должно

быть не менее дивизиона миноносцев — если тактическая ситуация позволит такое распределение сил[200]. Мы были готовы поставить такие дивизии на четырех из шестнадцати станций на Кюсю, но каждой из остальных станций пришлось обходиться парой эсминцев и двумя специальными канонерскими лодками, созданными специально для операций против Японии (LSM с одной спаренной и четырьмя счетверенными 40-миллиметровыми установками). Эти лодки были вооружены значительно серьезнее, чем канонерки, сражавшиеся при Окинаве.

Главкомандующий ВМС понимал также, что орудийные установки крупных военных кораблей малодейственны из-за противозенитных маневров; неожиданные броски маленьких эсминцев, стремящихся уйти от камикадзе, и увеличение количества орудий на случай неожиданной атаки создавали сильную качку, которая снижала точность стрельбы. Качество артиллерийской стрельбы значительно повышалось, когда эсминцы маневрировали не так резко, даже если в бой можно было ввести меньшее количество орудий» .

Слушатели-офицеры вставляли реплики в комментарий commodора Бейтса вежливо, но более охотно, чем в речь Тернера. В разговор немедленно вступил бывший командир эсминца.

«Теоретически это верно, сэр, но любой, кто прошел Окинаву и Филиппины или участвовал в рейдах на Японию, знает, что в большинстве случаев вы бы просто не смогли этого сделать и выжить и сейчас не рассказывали бы нам об этом. Самоубийцам говорили, что, поскольку у них нет определенной мишени для бомбардировки, лучшие результаты в выполнении их задания даст нападение на нос или корму корабля — это позволит им с наименьшей вероятностью стать жертвами заградительного огня[201]. Я видел новых командиров кораблей, которые следовали советам главнокомандующего в этом вопросе. Единственным результатом стало то, что из-за менее активных маневров эсминцев «божественному ветру» стало гораздо проще «расставлять точки над i».

Вмешался бывший старший помощник: «Мне говорили, что даже начинающего летчика можно научить выполнять скольжение или скольжение под крыло, и когда на нас нападали — я был на «Кемберли», — мишень выполняла скольжение, следуя за нами по пятам, и нам приходилось круто поворачивать. Наводиться на нее могли только кормовые орудия, и от каждого выстрела 5-дюймовой пушки команда валилась на палубу. «Вэл» зашел над кормой, целясь в мостик, и упал между двух 5-дюймовых орудий»[202].

Адмирал Тернер не был удивлен тем, что, как только появилась возможность, разговор переключился на тактику. Он быстро включился в обсуждение: «В самом начале войны, после Перл-Харбора, Малайи и Яванского моря, наше состояние казалось плачевным — как и состояние японцев. Военно-морская авиация справлялась с любым судном, с каким сталкивалась. Установка радиолокационных взрывателей[203] в 1942 и 1943 годах увеличила успехи наших кораблей в борьбе со своими воздушными мучителями, и к 1943 году — всего через два года после Перл-Харбора баланс сил определенно склонился в пользу Америки: нашей промышленной базы, нашей учебной базы; во флоте прибавилось военных кораблей, самолетов и высококлассных летчиков. Тем не менее с появлением камикадзе дуэль между корабельными орудиями и самолетами началась заново. Уничтожение девяти процентов участников рейда до Лейте[204] считалось успехом; но разрушения, которые причинял даже один самолет-самоубийца, могли быть ужасающими. Было очевидно, что завоевание Японии может повлечь огромные потери, и мы стали принимать меры, чтобы предотвратить эту угрозу, — затруднением действий противника, эффективным командованием и контролем, установкой большего количества орудий и

всем, что мы могли придумать, чтобы сбивать самолеты до того, как они приблизятся к нашим кораблям».

«Сэр, — прервал его один из слушателей, — в донесениях разведки перед Кюсю снова и снова говорилось о том, что японцы даже не имеют достаточно топлива, чтобы обучать новых пилотов; они были отрезаны от своей голландской нефти и потеряли все свои нефтеперерабатывающие заводы — их уничтожили В-29 «Суперфортрес»; японцам должно было быть очень трудно обеспечивать полеты. Я не знаю никого из военных моего уровня, кто в это поверил бы; не было ли это той причиной слабости воздушного прикрытия наших взлетно-посадочных площадок?»[205]

«Я отвечу в два приема, — сказал Тернер после минутного размышления. — Во-первых, все, что вы сказали об их возможностях ввоза и переработки нефти, — правда, однако не в той степени, как полагали некоторые. Другая часть картины касалась свидетельств разведки о недостаточной активности японцев на море, что казалось явным признаком того, что топливо у них на исходе. Японский флот резко сократил количество боевых операций из-за нехватки тяжелого топлива, и мы знали, что эта нехватка была главной причиной сокращения часов учебных полетов их летчиков. Более того, в докладах, полученных от нейтральных миссий, указывалось на то, что у гражданского населения, которое не только было лишено жидкого топлива, но и остро нуждалось в продуктах питания — картофеле, кукурузе, рисе, — реквизировали и синтетическое топливо[206]. Мы также были уверены, что во время наших налетов были уничтожены почти все хранилища. Таким образом, хотя мы знали, что японцам удалось скрыть от нас большое число самолетов, неубедительность их ответных действий укрепила нас в мысли, что эти самолеты не в состоянии оказать нам эффективного сопротивления.

Чего мы не знали — так это того, что японцы сознательно приняли решение создать децентрализованные запасы, не связанные с теми, которые использовались для тренировок, — резервы, из которых бралось бы топливо для финальных сражений. Они увидели свой конец, когда мы снова заняли Филиппины; им удалось быстро провести свои корабли мимо наших новых баз в феврале и в марте, прежде чем этот путь был перекрыт. Хотя мы потопили приблизительно две трети танкеров, шедших на север, четыре или пять прорвались и провезли 40 000 тонн очищенного топлива. Этот груз и некоторые продукты внутреннего производства составили основу того, что стало стратегическим резервом[207] Японии, в который вошли 190 000 баррелей авиационного бензина, спрятанного в армейских запасниках, и еще 126 000 баррелей, которыми владел флот[208]. Чтобы просто дать вам представление о количестве бензина, о котором мы говорим, — японцы использовали около 1,5 млн баррелей во время воздушных операций при Окинаве[209], но — и это важно — во время Окинавы им пришлось пролететь в три раза большее расстояние, чем над Японией.

Их обнаружившаяся неспособность поднять в воздух большое количество самолетов укрепила в нас уверенность, что непосредственная защита места высадки десанта может быть доверена авианосцам эскорта, в то время как около 1800 самолетов авианосцев 58-й оперативной группы были отправлены на задание на 600 миль к северу от Кюсю, гораздо дальше Токио. Самолеты лишь двух оперативных групп адмирала Спрюэнса были назначены подавлять сопротивление с севера и востока от прикрытия, составленного из эскортных кораблей адмирала Спрэга. Я вместе с другими настойчиво возражал — безуспешно, — считая, что мы слишком многое принимаем на веру. Нам не нужно демонстрировать свои силы по всему Хонсю. Нам нужно защитное покрывало из «Хэллкэтов» и «Корсаров» в определенном месте. Они нужны нам на Кюсю. Да, командование и контроль будут невероятно затруднены, может быть невозможны, если

сосредоточить так много самолетов в одной точке воздушного пространства. Но это оправдывает себя, если японцы совершат успешный массированный рывок к транспортам — и так оно и произошло».

«Сэр, разве не было также число принимавших прямое участие во вторжении эскортных авианосцев меньше, чем могло бы быть?»

«Было, — ответил Тернер, — но в какой-то степени это было неизбежно. Общим счетом тридцать шесть эскортных авианосцев принимали участие на том или ином этапе «Маджестик», но многие корабли пришлось услатить для защиты дальних подразделений — участников вторжения. Например, четыре эскортных авианосца были отправлены обеспечивать покрытие тихоходного конвоя, который курсировал между Филиппинами и Кюсю, от более чем 600 японских самолетов, которые могли напасть на него, прилетев со своей базы на Формозе[210]. У Спрэга было шестнадцать «плавающих аэродромов» приблизительно с 580 самолетами; они были готовы как поддержать высаживающиеся соединения, так и оказать сопротивление в случае нападения вражеского корабля[211]. План требовал, чтобы около 130 самолетов были наготове от рассвета до заката, чтобы поддержать своих в отчаянном бою за место высадки десанта[212]. Конечно, чтобы обеспечивать продолжительное, непрерывное присутствие, требовалось гораздо больше самолетов, и даже больше было отправлено от наземной поддержки, когда они были на Окинаве[213]. Возможность боевого воздушного патруля (БВП) действительно обеспечить прикрытие, как только начнется бой, — пункты БВП были расположены на расстоянии в среднем пятнадцати миль друг от друга по ту сторону покрытых облаками гор — оказалась невероятно труднодостижимой и вскоре провалилась. Мы закрепились недостаточно прочно. БВП были сметены со своих патрульных барьеров во время первого прохода японцев. Мы ожидали, что некоторым — немногим — удастся проникнуть, но не рассчитывали, что они смогут успешно и согласованно действовать и поднять в воздух столько самолетов, сколько они смогли поднять».

«Мне кажется, сэр, — заметил собеседник Тернера, — что они нас раскусили».

«Очевидно, что они разрабатывали планы, основанные на точном понимании деталей наших десантных операций, — признал адмирал, — и их планы далеко не ограничивались воздушными операциями. Фактически они были так уверены в своем анализе наших намерений, что двинули несколько своих дивизий на Кюсю до того, как наши ВВС — наша возможность воспрепятствовать им — достаточно укрепились на Окинаве. Японцы были на шаг впереди нас. Наша разведка заметила появление их укреплений, которые вместе с уже находившимися там частями и новыми дивизиями, набранными из многочисленного населения острова, представились нам ужасной картиной[214]; однако с этой ситуацией мы могли бы справиться, если бы были в состоянии доставить наши соединения на берег в целости.

Интересное примечание для будущего историка этих событий. Многим из вас, возможно, известно, что первоначально операция на Кюсю назвалась «Олимпик», но знаете ли вы, почему первое название было изменено? Когда разведка обнаружила быстрое наращивание сил, мы предположили, что высадка может оказаться под угрозой[215]. Перемена названия с «Олимпик» на «Маджестик» была попыткой сбить с толку японскую разведку — перемены, предпринимаемые ими, были основаны на данных анализов, проведенных в императорской штаб-квартире. Японцы верно вычислили и место, и примерное время проведения обеих операций — и «Маджестик», и «Коронет» («Диадема»)[216] — и решили ввести в сражение огромное количество самолетов-камикадзе в течение первых — критических — десяти дней каждой операции. Десантные

силы сами по себе должны были стать главной мишенью японцев; дополнительным авиасоединениям было дано задание удерживать оперативную группу авианосцев»[217].

Многие из присутствующих офицеров хотели бы услышать, как Тернер об этом узнал. Однако следующий вопрос вернул разговор к теме камикадзе. Спрашивал еще один бывший капитан эсминца.

«Сэр, независимо от того, какое количество наших самолетов было задействовано в подавлении японских баз и обороне районов высадки, мне кажется, что большое количество японских баз — и горы на Кюсю — создавали практически идеальные условия для действий самоубийц».

«Я много и подолгу думал об этом. Японцы во время обороны главных островов имели семь не связанных друг с другом преимуществ, которых у них не было на Окинаве.

Во-первых, их самолеты были способны приближаться к десантным плацдармам, с которых начиналось вторжение, с любой точки широкой дуги. Это сводило на нет любую победу на линии воздушных баз Теки-Шут (Марианские острова) и Кикаи-Джима (север Окинавы), где большие расстояния диктовали японцам относительно предсказуемые маршруты.

Во-вторых, высокие горы скрывали низко летящих камикадзе от радаров; это сокращало время наших ответных действий против приближающихся самолетов. Бьии планы установить радарные точки внутри наших линий и на лежащих вне линий островах — так быстро, как только позволит тактическая обстановка, но главной проблемы — горы — это практически не решало. Кроме того, работа большинства радарных установок во время проведения «Маджестик» планировалась после «X+10»[218] — к этому времени атаки камикадзе пошли на убыль.

В-третьих, мы знали, что японцы испытывают затруднения с радио, и некоторые из нас не учли того, что они могут координировать вылеты с запасных аэродромов и скрытых площадок по телефону. На этом этапе войны опора японцев на телефоны была скорее их силой, нежели слабостью. Не было радиоперехватов[219]. Наши соединения не могли ни перехватить, ни исказить, ни заглушить сведения, которые передавались по наземным линиям — и, как и японские электрические системы, такие линии не представляли собой хороших мишеней для воздушных атак.

Четвертое преимущество было связано со вторым; оно было извлечено из того, что наши штурмовые суда во время вторжения были практически неподвижны. Поскольку было известно, в каком районе действуют высаживающие десант корабли, камикадзе не обязательно было идти к ним на большой высоте, которая обеспечивала им видимость, нужную для обнаружения разбросанных далеко друг от друга групп авианосцев, и которая в то же время позволяла радарам обнаружить их самих. Вместо этого пилоты имели возможность приближаться к скоплению транспортов или грузовых судов со стороны гор, а затем снизиться до очень малой высоты. Последний отрезок пути до корабля проходил на низком уровне. Это не позволяло радарам засечь самолет; его было плохо видно; число противовоздушных орудий, которые можно было применять против такого самолета, было весьма ограничено. Нетрудно было понять, что во время проведения «Маджестик» это стало бы проблемой: процент камикадзе, выполняющих свое задание до конца, сильно возрастал при полете ниже зоны действия радара к точно определенным местам — таким, например, как стоянка Керама-Ретто (Окинава) — по сравнению с приближением к кораблям в море на большой высоте.

Хочу тем не менее подчеркнуть, что, несмотря на преимущества, которые давало фиксирование радаром высоко летящего самолета, корабли, привязанные к одному месту, навлекали на себя массированные нападения, и радиолокационные дозоры, курсировавшие около определенных подступов в Окинаве, страдали намного больше, чем те, которые двигались вместе с быстроходной опергруппой авианосцев. Недостаток предсказуемых подступов к Кюсю только усугублял положение.

В-пятых, мы начали широко использовать эсминцы в качестве радиолокационных дозоров еще во время операции на Кваджалейне в январе 1944-го, и к концу этого года сравнительно опытные ЦБИ (центры боевой информации) эффективно обеспечивали разработку тактической ситуации и направление истребителей с определенных эсминцев. К сожалению, координация между новоустановленными ЦБИ и своевременная связь с их радиолокационными дозорами являла собой проблему, поскольку эти центры периодически отставали от событий и ошибались. Прибавьте к этому землю, которую следовало выровнять, — и обстановка быстро переставала быть определенной.

В-шестых, как уже отмечалось, во время операции на Кюсю пользы от радаров в бесконечных горных ущельях не было практически никакой. Попытки БВП Пятой флотилии создать барьер на полпути к острову предпринимались в основном ими самими, поскольку они периодически оказывались вне прямого контакта с дозорами, посланными проверять контрольные пункты. Заградительный патруль на отрезке в 120 миль шириной — между Кюсю и Амакуса-Шото, островом, лежащим немного западнее, — был способен лишь отыскать и отразить сравнительно небольшой процент атакующих, идущих через горы; этот процент сокращался еще больше в районах с умеренным облачным покровом. Как оказалось, операция «Маджестик» была начата, когда погодные условия были идеальными для целей японцев — и, могу добавить, то же самое было бы верно для «Коронета». Облачный покров, от умеренного до плотного, простирающийся на 3000–7000 футов, не только обеспечивал прикрытие низко идущим самолетам на подходе к местам высадки десанта. Опытные японские пилоты, высматривавшие в море авианосцы с большой высоты, также обнаружили, что облака служат хорошей защитой от наводимых радаром БВП, не будучи при этом серьезной помехой для управления самолетом.

И последнее — возможно, самое важное. Сравнительно небольшое число летчиков-самоубийц прорывались к легкоуязвимым транспортам у Окинавы из-за естественного стремления неопытных летчиков спикировать на первую увиденную мишень. В результате радиолокационные дозоры принимали на себя удары множества камикадзе до того, как им удавалось достичь зоны высадки. Это влекло за собой ужасные потери, даже если эсминцы имели свои собственные БВП и их поддерживали ДС и LSM в качестве канонерских лодок. Эти корабли были излюбленными мишенями камикадзе; обстоятельства и местность благоприятствовали достижению их главной цели — уничтожению возможно большего числа американских солдат.

Хотя все это должно казаться великолепным примером суждения задним числом, я уверен, что мы смогли бы предвидеть такой ход событий, если бы наше внимание не усыпило отсутствие нападений с воздуха в месяц, предшествовавший проведению «Маджестик». Многие из нас просто не представляли себе, как японцы могли терпеть такие нападения с воздуха, не предпринимая ничего в ответ. Очень немногим приходило в голову, что они просто выжидают, чтобы подманить нас поближе. Следующий вопрос» .

«Сэр, не было ли это связано также и с тем, что мы не обеспечили поставки крови перед высадкой?»

Вопрос молодого капитана касался одной из самых болезненных тем. Пять ТДК (Н)[220] по одному на каждый плацдарм, были устроены как центры распределения плазмы и крови, нужной раненым на берегу.[221] Еще до того как первые десантные катера достигли берега, один из этих центров был ввергнут в преисподнюю, а другой затоплен утром «дня X». Для многих тысяч раненых это стало катастрофой. Плацдармы высадки, лишившиеся запасов крови, не могли получать помощь с оставшихся трех «госпиталей» — количество раненых в зонах дежурства этих кораблей было огромным. Хотя и трудно было производить точный подсчет, но число умерших от ран, чью смерть можно было бы предотвратить своевременным вливанием крови — если бы ее банк не был сокращен наполовину, — достигло 4100 человек. Срочный груз из Центрального банка крови на острове Гуам был отправлен с Окинавы эсминцем; корабль направился прямо к эскорту авианосцев (Кюсю) с торпедными бомбардировщиками «Эвенджер» на борту. Этот груз, вместе с кровью, пожертвованной моряками, способствовал тому, что ко «дню X+4» положение стабилизировалось.

«Хранение продуктов крови — сложное дело. Это ценный — и весьма скоропортящийся — продукт, который требует хранения и распределения в холодильных камерах. Система распределения крови на Кюсю была весьма разумной в свете этих требований и прошлого опыта[222]. Специалист по поставкам крови из штаба Макартура указывал на уязвимость этой системы, но при нехватке необходимых средств никакие изменения не были возможны».

Даже сам Тернер понимал, что его ответ звучал так, как если бы он был написан сотрудником пресс-службы, и быстро перешел к следующему вопросу, указав на офицера в третьем ряду, который уже дважды поднимал руку .

Операции-ловушки

«Сэр, имея все корабли, которые мы построили за время войны, почему мы не создали ложную флотилию для вторжения? Почему мы не приложили больших усилий, чтобы выманить их самолеты и добраться до них?»

Адмирал ответил не сразу; сначала он бросил взгляд на непроницаемое лицо Спрюэнса, сидевшего слева от него. Были ли это мысли самого капитана или он вычитал их из газет, в которые из-за закрытых дверей необъявленных заседаний с участием Тернера, комитета Тафта — Дженнера начинали просачиваться упоминания о тщательно разработанной, но не осуществленной ложной операции? В зале была мертвая тишина; адмирал оглянулся и глубоко вздохнул. Присутствующие — ветераны — заслуживали того, чтобы получить ответ.

«Некоторые ложные операции разрабатывались до «Маджестик»[223]. Они носили кодовое название «Пастель» и были разработаны по образцу успешных операций «Бодигард» («Гвардия»), которые проводились против нацистов и даже после высадки в Нормандии. Во время этих операций значительные германские силы удерживались вдали от Франции — в Норвегии и на Балканах; хорошо оснащенную армию к северу от района высадки удерживали от боевых действий до тех пор, пока ее вмешательство не перестало иметь смысл[224]. Отвлекающие операции такого типа были особенно эффективны в Европе с ее разветвленной сетью автомобильных и железных дорог, но оказывались тратой времени в борьбе с Японией. Все они предполагали стратегическую подвижность, которой не обладали высшие японские формирования — корпуса и армии — и которую еще больше снизила наша собственная воздушная кампания против главных островов — она, по сути дела, приморозила эти формирования к месту. Большие броски могли

осуществляться только подивизионно и только со скоростью, на которую были способны солдатские ноги. Успех блокады также сделал отвлекающие операции против Формозы и Шанхайской зоны ненужными.

Японцы сами рано это осознали, и их оборонная система призыва и обучения в последний год войны была переориентирована на обучение и размещение боевых дивизий локально, чтобы свести к минимуму продолжительные наземные передвижения[225]⁴³.

Тернер видел, что некоторые студенты сомневаются в его комментариях и хотят знать, не собирается ли он уйти от ответа.

«Коротко говоря, — продолжил он, — мы потратили слишком много времени и энергии, пытаясь удержать японцев от того, что (как знали и мы, и японцы) они никак не могли сделать. Что касается конкретно вашего вопроса: в мае прошлого года я и адмиралы Спрюэнс и (Марк А.) Митшер, были сменены Биллом Хэлси и его командой и могли начать планирование высадки на Кюсю. Я жалел, что не смогу довести до конца дело на Окинаве, но операция «Айсберг» должна была закончиться через сорок пять дней, и, поскольку Пятая флотилия адмирала Спрюэнса была выбрана для осуществления контроля на Кюсю, который тогда назывался «Олимпик», планирование больше нельзя было откладывать[226].

Наша работа велась на Гуаме; было учтено все, чему мы научились на Окинаве. Мой вывод состоял в том, что достаточно активные атаки камикадзе могут настолько помешать высадке, что яростное сопротивление нашим ослабленным войскам поставит под угрозу график постройки аэродрома. Четыре месяца были признаны самым малым сроком, необходимым для постройки базы и последующей огневой обработки перед высадкой наших войск в районе Токио. Это в свою очередь следовало сделать до весеннего сезона дождей, когда использование наших переведенных из Европы бронетанковых дивизий по долине Канто — или Токио — станет невозможным[227]. Десантники должны были начинать операцию бегом, и от нас зависело, чтобы они при этом были в возможно лучшей форме. Мы предлагали то же самое, что предложили вы: сформировать флотилию — флотилию-пустышку, без людей, без техники, — которую сопровождало бы обычное прикрытие, но с переорганизованными воздушными группами, с преимуществом «Хеллкэтов» и «Корсаров»[228].

Необходимо было, чтобы это выглядело правдоподобно, особенно с воздуха. Ложные атаки на Окинаве, которые мы считали весьма убедительными, не оказывали никакого видимого влияния на ход операции[229]. Более того, разведка выяснила, что японцы ожидают от нас подобных действий; мы подсчитали, что нам придется задействовать 400 кораблей, не считая эскорта, чтобы обеспечить достаточно убедительную картину[230]. Штурмовые корабли и группы бомбардировщиков построятся у многочисленных плацдармов высадки. Мы будем соблюдать обычный порядок действий: интенсивный радиообмен; исходный рубеж; массированный артобстрел. Все это, конечно, займет (некоторое) время, и японцы нас хорошо рассмотрят. Они рассудят, что это — реальная сила, потому что так оно и было на самом деле — минус полуторамиллионное войско! Они поднимут тысячи самолетов, чтобы напасть на нас; мы сможем сосредоточить практически всю авиацию рядом с секторами Нагоя (юг центральной части Хонсю) — Кюсю и сбить их. Произойдет утечка информации. Мы потеряем корабли и много хороших матросов. Но в конце дня — точнее, трех дней — мы бы вышли из боя .

Японцы, безусловно, поверят, что они успешно противостояли нашему вторжению. Тем временем те же самые и другие корабли будут находиться на Окинаве, Лусоне, Гуаме,

готовясь к настоящему удару. Мы должны были вернуться на Кюсю уже через две недели; к этому времени у японцев должно было остаться так мало людей, что мы бы с ними легко справились. Подготовка к операции «Багай» («Рыбачья лодка»)[231] была начата в первые дни июня в Перл-Харборе) и на Гуаме».

Когда Тернер сделал небольшую паузу, сразу взметнулся лес рук. В классе 1947 года собрались решительные люди, и нетрудно было угадать, о чем они думают.

Тайфун «Луиза» атакует

«Это «Луиза», — спросил кто-то, — октябрьский тайфун[232], погубил план?»

«В конечном счете — да. Кризис, который достиг своего пика на Лейте[233], так и не был преодолен полностью. Существовали обоснованные опасения по поводу того, что, если мы потеряем слишком много во время «Багай», то окажемся в трудном положении во время проведения «Маджестик». Мы решили, что «Багай» начнется только после того, как определенное количество штурмовых кораблей каждой категории будет выведено из операции. Суда, подобные тем тридцати восьми, которые должны были использоваться как блокшивы в «Шелковичной» («Малберри») бухте[234], как нельзя лучше подошли бы для ложной атаки, и, хотя многие были практически брошенными, нам тем не менее было приказано сохранять их для Токио. Мне не нужно напоминать вам, что создание этой искусственной бухты было связано в первую очередь с разработкой атомной бомбы[235] и что мы строили семь уникальных многоподъемных спасательных кораблей двух классов специально для проведения операции по высадке[236]. Получилось так, что четыре из шести этих кораблей, которые прибыли на место военных действий, справились с тайфуном «Луиза» и были заняты в спасательных операциях почти до Дня благодарения^[44].

Каждый, кто находится в этом зале, с болью вспоминает катастрофу при Окинаве. Все самолеты, которые могли подняться в воздух, были отправлены на юг (на Лусон), и большая часть была спасена. Плавающим аэродромам (штурмовым кораблям и кораблям, которые должны были подойти к берегу для высадки) повезло меньше. Шестичасового предупреждения оказалось недостаточно. Перемещающиеся грузы в заполненных ТДК отправили на дно шестьдесят один 972-тонный ТДК; сто восемьдесят шесть 1080-тонных LCT получили повреждения, не поддающиеся ремонту; девяносто два 648-тонных LCI[237]; список продолжается[238]. Плюс к этому — полдюжины кораблей «либерти» (тип грузового судна водоизмещением 10 тыс. тонн, выпуск которых был налажен в 1942^[45] и эсминцев. По крайней мере, в этом Билла обвинить не смогли бы[239]. Этот шторм приобрел мистическое значение в глазах японских военачальников, которые перестали повиноваться императору и захватили управление, когда он попытался капитулировать во время первых четырех атомных атак в августе[240]. Переосмыслив название тайфуна «Божественный ветер», или «камикадзе», который сорвал вторжение в Японию в 1281 году, они усмотрели в нем доказательство того, что для них все сложится благоприятным образом. Японцы потеряли промышленную базу в Маньчжурии — туда вошли советские войска, их города лежали в руинах, но японцы еще больше были уверены в том, что мы будем просить мира, если только они не уступят. Если бы у нас было чуть больше времени, наши потери в кораблях — по тоннажу большие, чем при Окинаве, — можно было бы возместить. Но времени не было. Объединенное командование первоначально назначило высадку на Кюсю на 1 декабря 1945 года; начало операции «Коронет» на токийской равнине Канто было назначено на три месяца позже, на 1 марта того же года. Три месяца.

То, о чем я собираюсь сейчас сказать, — важно, и я вернусь к этой теме через минуту. Чтобы уменьшить потери, в участие в начале операции «Коронет» были введены две бронетанковые дивизии. Они прибыли из Европы и должны были очистить равнину и отрезать Токио до того, как сезон дождей превратит ее в огромный, наполненный рисом, грязью и водой водоем, который пересекают приподнятые дороги и над которым высятся неровные, хорошо укрепленные предгорья.

Составители плана предусмотрели постройку на Кюсю одиннадцати аэродромов для размещения авиации, которая должна была предварительно подготовить район Токио. Хранилища для бомб и топлива, дороги, причалы и основные сооружения нужны были, чтобы поддерживать эти воздушные группы, а также Шестую армию, которая удерживала заградительную линию на расстоянии трети пути на остров. Все планы сосредоточились на строительстве минимального количества необходимых объектов; постройка аэродромов для тяжелых бомбардировщиков предполагалась не раньше, чем через 90–150 дней после первой высадки на Кюсю[241] — вместо того — чтобы бросить на это все силы. Трудность проведения воздушной кампании была настолько очевидна, что, когда объединенное командование назначило датами высадки на Кюсю и у Токио 1 декабря 1945 года и 1 марта 1946 года соответственно, стало ясно, что трех месяцев будет недостаточно. В конце концов погода определила, график какой из операций окажется измененным. Назначить на более поздний срок «Коронет» было невозможно — в этом случае время проведения операции приблизилось бы к сезону дождей и возник бы риск серьезных препятствий для всех наземных передвижений, и особенно для движения бронетехники по равнине — из-за залитых полей и воздушной кампании, — из-за того, что слой облаков с начала марта по начало апреля становился почти вдвое плотнее[242]. Воздушный штаб Макарура предложил сдвинуть начало «Маджестик» на месяц вперед, и оба мои начальника, адмирал Нимиц и объединенное командование, немедленно согласились. Дата начала операции «Маджестик» была перенесена на месяц вперед, на 1 ноября[243].

Октябрьский тайфун все изменил. Высадку на Кюсю отложили до 10 декабря — срок, много позже запланированного, неприемлемый и навязанный нам. Начало токийской операции было назначено на 1 апреля — срок, опасно близкий к сезону дождей. У нас был один и только один заход на цель. Никакой «Багай». Одна из прекраснейших возможностей войны была упущена».

Некоторое время новых рук не появлялось: аудитория обдумывала услышанное. Первым тишину нарушил флотский капитан, сидевший во втором ряду: «Сэр, не рассматривался ли в это время снова вопрос о переходе к стратегии блокады, которую мы, флотские, отстаивали с 1943 года?»

«Хозяин» Тернера, адмирал Спрюэнс, откровенно высказывал свою уверенность в том, что это было бы наилучшим вариантом[244]. Но, как и Тернер, он исполнял приказы с той полнотой, какая была возможна. Тернер знал, что он уже сказал гораздо больше чем следовало о «Багай», и перешел к завершению.

«Я не могу вам сказать, что отстаивали другие. Могу сказать одно: я выполнял приказы полностью. От себя я мог бы добавить: я уверен, что перемена планов касательно использования атомных бомб во время «Маджестик» была случайностью. После того как четыре атомные бомбы, упавшие на города, не достигли своей стратегической цели — заставить японское правительство сдаться, был накоплен запас атомных бомб для использования во время вторжения. Хотя первоначально мы не намеревались использовать их так, так они были использованы, — против японских формирований,

продвигающихся с северной части Кюсю вниз. Первоначально мы собирались распределить по одной бомбе в зоне каждого корпуса незадолго до высадки»[245].

По аудитории прокатился вздох, а кое-кто тихо присвистнул: все угадали скрытый смысл сказанного адмиралом.

«Да, — признал Тернер, — человеческие потери, которые мы понесли из-за радиации в центре Кюсю, были достаточно тяжелыми, но они были только частью тех, которые могли бы быть, отправь мы полмиллиона человек прямо на зараженный радиацией плацдарм. А атомная пыль, поднятая во время строительства базы и аэродромов! О последствиях страшно даже подумать! После первых августовских бомбардировок стало ясно, что японцы пытаются извлечь максимум политической выгоды из заявлений о том, что атомная бомба все-таки была более жестоким оружием, чем конвенционные бомбы; она сожгла дотла города с 30-тысячным населением. Сначала их заявления о массовом поражении лучевой болезнью расценивались как чистой воды пропаганда[246]. Однако в течение следующих месяцев стало ясно, что они достаточно правдоподобны для того, чтобы перенацелить бомбы на выгодную цель — после того, как японские соединения с северного Кюсю двинулись на юг, чтобы атаковать наши южные позиции. Японцам надо было собраться всем вместе, прежде чем они могли бы начать контратаку, и тогда-то мы и нанесли удар. Что касается первоначальных зон высадки, то повторяющиеся ковровые бомбардировки, производимые тяжелыми самолетами с Гуама и Окинавы, дали тот же результат, что дали бы атомные бомбы, и, кроме того, крупные бомбардировщики, по существу, перестали быть стратегическими целями задолго до высадки. Ковровые бомбардировки обеспечили их работой (смех).

Японские военачальники были непреклонны, когда атомные бомбы падали на города, но активное применение бомб против солдат — вот что в конце концов толкнуло их за стол переговоров. Да, они переменили тон, когда столкнулись с перспективой потерять свою армию без «благородного» сражения, — но так же поступили и мы, когда стало окончательно ясно, что во время перевозки подкреплений избежать жертв не удастся».

Тернер посмотрел на генерала Смита — «безумного Хаулиня» — и продолжил: «Сегодня в этом зале присутствует человек, который помнит окопы Первой Мировой. Мир, заключенный после той войны, был неполным; это стало причиной того, что ему и детям его друзей пришлось сражаться на следующей войне поколением позже. Мы можем только молить бога о том, чтобы нынешний мир не окончился еще более масштабной, кровавой, может быть, атомной войной с императорской Японией в 1965 году. Спасибо».

Реальность

Попытка переворота, предпринятая в Японии силами, не желающими сдаваться, была подавлена верными императору Хирохито войсками, и японскому правительству удалось официально капитулировать до вторжения на главные острова. Оккупационные силы на Кюсю были поражены масштабом оборонительных сооружений, устроенных точно на местах высадки. Военное правительство США наконец избавилось от 12 735 японских самолетов.

9–10 октября 1945 года тайфун «Луиза» обрушился на Окинаву. К счастью, операция «Маджестик» была отменена за несколько месяцев до него. В наличии осталось значительно меньшее количество штурмовых кораблей, чем если бы вторжение было неизбежно, и «всего» 145 судов было затоплено или повреждено настолько, что спасти их было невозможно.

